

Александр Горбовский

Человек человеку

Молодая
Гвардия

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ц К В Л К С М
М О Л О Д А Я
Г В А Р Д И Я

1965 г.

АЛЕКСАНДР
ГОРБОВСКИЙ

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ

Эта книга не об этикете. И не книга хороших манер. Вы не узнаете из нее, в какой руке следует держать вилку или как есть рыбу. Вы не найдете в ней также и многих других, несомненно, важных и полезных сведений из этой области.

Книг о том, как держаться в обществе, написано достаточно много. Не потому ли автор решил написать книгу, которая отвечала бы на другой вопрос, на вопрос — почему? Почему человек достоин уважения. Почему есть установившиеся формы, выражающие это уважение. И так далее.

Известно, что нормы взаимоотношений между людьми менялись исторически. Обращаясь к примерам из прошлого, автор стремился раскрыть перед читателем внутренний смысл тех норм поведения, которые приняты сегодня.

Однако среди всех прочих вопросов есть один, стоящий несколько особо. Почему автор вообще решил написать эту книгу? Почему нам, строителям самого справедливого и самого гуманного общества, порой приходится напоминать, что мы не всегда еще умеем уважать и щадить друг друга в своем повседневном общении?

Поскольку сама книга поможет вам найти ответы на многие другие вопросы, автору кажется, что будет справедливо, если он обратится с этим одним-единственным вопросом к своим читателям.

УВАЖАТЬ ЧЕЛОВЕКА

Вы садитесь в кресло парикмахера и просите, чтобы он побрил вас. Бритва мягко касается вашего подбородка, и вам едва ли приходит в голову, что в эту минуту над вами совершается гнусное, неслыханное надругательство. Наоборот, когда человек, именуемый парикмахером, сделает свое дело, вы говорите ему «спасибо» и спешите к кассе, чтобы заплатить за все манипуляции, проделанные с вашим лицом.

Иначе посмотрели бы на это наши предки, для которых бритье бороды было величайшим оскорблением. А если бы подобная операция была проделана, скажем, с воином Золотой Орды, убеждать его в добрых намерениях брадобрея было бы тем более бесполезно.

В 1220 году в Хорезм, один из богатейших городов Средней Азии, прибыл посол Чингисхана. До глинобитных стен

города еще не доносился топот монгольской конницы. Опасность была далеко, пустыни и степи лежали между «Покорителем мира» и веселым городом Хорезмом. Очевидно, поэтому требование ханского посла оказать ему высокие почести было встречено насмешками. А чтобы указать послу его место, троим его спутникам сбрили усы и бороды.

Той же ночью посол Чингиса оседлал коней и в ярости покинул город.

Кавалькада двигалась на север. Трое из свиты посла ехали, закрывая лица. Им было стыдно.

Прошло несколько недель. Хорезм начал забывать заносчивого посла. По пятницам все так же шумел базар. На расвете по-прежнему разносился голос муэдзина, и купол мечети по-прежнему сверкал разноцветными изразцами. Из чайхан доносилась музыка и смех. И никто не знал, что те, кто смеялся, были уже мертвы. Город был обречен. С севера к Хорезму все уничтожающей лавиной неотвратимо двигалась монгольская конница.

Так ответил Чингисхан на оскорбление, нанесенное его послу.

Потому что оскорбление кого-либо из свиты посла было равносильно непочтительности к самому великому хану. И ответом на оскорбление была сила. Это не случайно. Не случайно, что именно насилие стало автоматической почти мгновенной реакцией на любое оскорбление.

Вспомним трех мушкетеров, Дон-Кихота и других героев знаменитых старых книг. Согласно существовавшим понятиям о чести ответ на любое оскорбление был один — драться. Драться как угодно — на шпагах, просто руками, вызывать обидчика на дуэль или расправиться с ним на месте.

Казалось бы, где здесь логика? Человека называли подлецом. Как реагирует он на это? Начинает ли он настойчиво и проникновенно объяснять всем, что это не так, что он, наоборот, человек благородный? Нет, конечно. Как показывают литературные примеры, скорее всего он попросту даст обидчику пощечину.

Допустим, тем самым он продемонстрирует силу, решительность, даже храбрость, но ведь речь идет не об этих качествах.

— Ты подлец! — сказали человеку.

— Я сильный! — возражает он вопреки логике спора.

Человека называли глупцом. Станет ли он опровергать это, демонстрируя интеллект, цитируя классиков или читая наизусть таблицу умножения? Тоже нет. Вернее всего, если это

человек несдержанный, он поступит так же, как и предыдущий. Иными словами, для того чтобы восстановить свое право на уважение, он опять-таки будет демонстрировать силу. Мы не будем приводить литературных примеров из прошлого. Они вам хорошо известны.

Где же истоки этого атавистического импульса? Почему в ответ на разнообразные оскорбления человек, казалось бы, вопреки логике стремится продемонстрировать лишь одно качество — силу? Можно подумать, что проявление именно этого качества — физической силы — как бы снимает оскорбление и возвращает право на уважение. Не восходит ли это почти подсознательное представление к тем временам, когда именно это качество лежало в основе уважения к человеку?

И действительно, на ранних ступенях общественного развития сила и храбрость были главным, что ценилось в человеке. Чем сильнее был человек физически, тем больше уважали его. К этому же представлению восходит и культ богатырей, существующий в эпосе самых различных народов. Каким качеством эпический богатырь наделяется прежде всего? Тонким умом? Красивой внешностью? Хорошими манерами? Величайшим благородством? Нет, прежде всего и превыше всего — физической силой.

Этот культ силы, культ физически сильного человека был порожден самими условиями существования людей, их борьбой с природой. Не удивительно, что это накладывало отпечаток и на общественные отношения, на манеры. «Сильные едят жирное и лучшее, устаревшие питаются остатками, — писали современники о гуннах. — Молодых и крепких они уважают, старых и слабых мало почитают».

Именно сила давала некогда право на уважение. Вот почему, когда сегодня человек в обиде заносит руку на другого, в нем говорит не логика, а древняя память предков, глухой, звериный голос тысячелетий.

Вот почему, унижая других, обрекая их на страдания, древние правители гордились этим как свидетельством своей силы. И в полной уверенности, что именно это заставит самых отдаленных потомков преисполниться уважением к нему, царь персов Дарий I с гордостью повелел высечь следующие строки: «Фравартиш был схвачен и приведен ко мне. Я отрезал ему нос и уши, я вырезал ему язык и выколол глаза. Я держал его при моем дворце в цепях. Все могли видеть его. Позднее я распял его...»

В обществах, где господствовало социальное неравенство, одним из способов публичного выражения этого неравенства стали побои — иными словами, проявление все того же

физического превосходства. Еще в прошлом веке, когда на улицы Тегерана выходило важное лицо, впереди его шли слуги с длинными палками. В их обязанности входило... бить встречных пешеходов. И хотя редкие прохожие, заметив еще издали это шествие, сами торопливо уступали дорогу, слуги все равно старались достать до них палками. Потому что таков был обычай и таков был способ показать, что хозяин — важный человек.

Вы, наверное, видели на картинах изображения русских бояр. Обратили ли вы внимание на то, что многие из них держат в руках длинную палку — посох? Известно, что не так уж много приходилось им ходить пешком, чтобы нужно было опираться на посох. «Функции» посоха были несколько иные. Он часто пускался в ход как обычная дубинка.

Немецкий авантюрист Штаден, служивший опричником у Ивана Грозного, рассказывает в своих записках: когда в приказ приходил бедный человек, не имевший денег на обязательное подношение, «боярин ударял или отталкивал его посохом и говорил: «Недосуг! Подожди!...» Все князья, — подчеркивал Штаден, — и бояре и дьяки в приказах и в церкви постоянно имели при себе посох...» Таково же, кстати, и происхождение гетманской булавы и знака царского достоинства — скипетра. Исторически это не что иное, как дубинки в художественном оформлении. Причем первоначально имелось в виду, что носитель этого символа насилия мог по всякому поводу пускать его в ход далеко не символически.

Даже царь Алексей Михайлович, прозванный за свой кроткий нрав Тишайшим, редко разговаривал со своими приближенными без рукоприкладства. Не раз бивал он и таскал за бороды боярина Родиона Стрешнева и других высокопоставленных особ.

Нередко пускал в ход свою палку и Петр I. А Меншиков не мог придумать более верного способа подчеркнуть дистанцию между собой и неким поручиком, имевшим неосторожность посвататься к его сестре, как приказав этого поручика выпороть.

Ясно, что в подобных ситуациях соотношение физической силы уже не имело значения: маленький и щуплый царь мог безнаказанно и всласть избивать рослых и плечистых бояр, какой-нибудь хилый аристократ — простолюдина богатырского сложения. Имеющим право бить считался тот, кто стоял выше в социальной иерархии. Сословное, а потом имущественное превосходство заменило превосходство физическое.

Там, где господствовало социальное неравенство, этикет, манеры служили выражением этого неравенства, передавали малейшие его оттенки. Люди зависимые понуждались еще больше подчеркивать свою зависимость и приниженность. Те же, кто принадлежал к господствующему слою, всячески изощрялись в способах выразить свое превосходство. Они едва отвечали на приветствия. Они одевались так, чтобы даже внешним видом отличаться от прочих. Они старались не ступать ни шагу пешком, дабы не уронить своего достоинства. Они ограждали себя от «плебса» сложной системой имен и титулов. Они выработали надменную манеру держаться с теми, кто стоял ниже их.

Как-то Герцен, проходя по одной из лондонских улиц, наткнулся на ковер, разостланный на тротуаре перед подъездом какого-то богатого дома. Видно, с минуты на минуту ожидали приезда некоего важного лица. По обеим сторонам ковра стояли два лакея, которые не позволяли прохожим наступать на него, заставляя их сходить с тротуара на мостовую и шагать по уличной грязи. Герцену было противно такое подобострастие. Он не сошел с тротуара! Оттолкнув в сторону одного из лакеев, он прошел прямо по ковра. Как реагировал на это лакей?

— Пропусти его, — крикнул он другому, — это джентльмен!

Нарочитая грубость, проявленная неизвестным ему прохожим, была воспринята лакеем как признак его высокого положения. Несомненно, Герцен, хорошо знавший психологию своих современников, как раз на подобную реакцию и рассчитывал.

Известный русский юрист А. Ф. Кони, будучи обер-прокурором, тяготился необходимостью наносить визиты вежливости различным чинам судебного ведомства. К счастью, в отдельных случаях вместо посещений можно было собственноручно оставлять у привратника визитные карточки. Однажды А. Ф. Кони осенила счастливая мысль. Он велел кучеру заменить армяк хозяйским пальто, надеть цилиндр и отправиться по всем адресам вместо него с пачкой визитных карточек. Опыт удался. С тех пор кучер стал часто отправляться с подобного рода визитами вместо самого Кони.

— Василий Федорович, — забеспокоился как-то Кони, — а не узнают ли прислуга и швейцары, что это вы, а не я?

— Помилуйте, как можно, они ни за что не подумают! — со знанием дела возразил кучер. — Я ведь спрашиваю и разговариваю с ними довольно очень дерзко!

Если человек разговаривает с людьми «довольно очень дерзко» — разве это не безошибочный признак его высокого положения?

Как-то при Чехове зашла речь об одном издателе модного журнала, человеке крайне грубом в обращении с зависевшими от него или подчиненными людьми.

— Ну еще бы, — горько усмехнулся Чехов, знавший его, — ведь он же аристократ... Отец его в лаптях ходил, а он носит лаковые ботинки...

Так, выбившись из «низов», человек недалекий стремился копировать худшие манеры тех, на кого вчера еще смотрел снизу вверх. К сожалению, и в наши дни встречаются эти прискорбные рудименты худших образцов прошлого.

В этой связи может возникнуть некоторое недоумение. Ведь и помещик, бывший по лицу своего крепостного, и царский чиновник, помыкавший бедным просителем, — оба были закономерным порождением своего строя. Унижая других, они лишь переводили на язык человеческих взаимоотношений отношения социальных групп и классов. Но тогда в нашем обществе, свободном от классового антагонизма, лишенном социального и национального гнета, казалось бы, не должно было быть людей, способных унижать и оскорблять окружающих. Однако вопреки этому выводу нам достаточно часто приходится еще сталкиваться с такими людьми.

Каждому из нас известно выражение: «пережитки прошлого в сознании людей». Обычно так обозначают явления, которые мы считаем чуждыми нашему обществу, нашему строю, явления, корнями своими уходящие в прошлое. Хам, стяжатель, карьерист, подхалим — все они, как каинову печать, несут на себе это проклятие прошлого. Физически люди эти живут в настоящем, но духовно по всей своей сути, по манере расценивать людей и явления они принадлежат прошлому. Тому прошлому, которое враждебно нам, прошлому, где господствовало социальное неравенство и как следствие — унижение человека человеком.

Вот почему, несмотря на то, что сам наш строй, наше общество в целом исключают все, что связано с оскорблением человека, унижением его достоинства, мы все еще сталкиваемся с подобными фактами в нашей повседневной жизни. Но тем более ранят нас эти отравленные стрелы, долетающие к нам из прошлого. Это и естественно, потому что грубость, грязь и хамство гораздо сильнее задевают людей, воспитанных в духе уважения к личности, чем тех, кто привык видеть в этом нормы жизни.

Искусство общения с людьми складывалось в течение всей истории человечества. Вот почему, обращаясь к прошлому, мы находим там не только унижение человеческой личности и глумление над ней, но и ростки отношений, основанных на солидарности, искренности, уважении к человеку. Это то лучшее и доброе, что существовало всегда и всегда противоборствовало злу и жестокости. Это то лучшее, что мы должны бережно принять из рук прошлого. Поэтому что при любом строе всегда был народ, умевший создавать и хранить доброе. И всегда были люди, лучшие люди, встававшие на защиту достоинства человека.

А. Куприн приводит следующий эпизод, такой характерный для Чехова: «Чехов, возвращавшийся из Москвы, только что приехал на пароходе из Севастополя в Ялту и еще не успел сойти с палубы... Татарин-носильщик, всегда служивший Антону Павловичу и увидевший его еще издали, раньше других успел взобраться на пароход, разыскал вещи Чехова и уже готовился нести их вниз, когда на него внезапно налетел бравый и свирепый помощник капитана. Этот человек не ограничился одними непристойными ругательствами, но в порыве начальственного гнева ударил бедного татарина по лицу».

Знакомый А. Куприна, свидетель этой сцены, рассказывал: «И вот тогда произошла сверхъестественная сцена. Татарин бросает вещи на палубу, бьет себя в грудь кулаками и, вытаращив глаза, лезет на помощника. И в то же время кричит на всю пристань:

— Что? Ты бьешься? Ты думаешь, ты меня ударил? Ты вот кого ударил!

И он показывает пальцем на Чехова. А Чехов, бледный весь, губы вздрагивают, подходит к помощнику и говорит ему тихо так, раздельно, но с необычайным выражением:

— Как вам не стыдно!

Поверите ли, ей-богу, будь я на месте этого мореплавателя, лучше бы мне двадцать раз в морду плюнули, чем услышать это: «Как вам не стыдно!» И на что уж моряк был толстокож, но и того проняло; заметался-заметался, забормotal что-то и вдруг испарился. И уж больше его на палубе не видели».

По словам В. Либкнехта, посетившего столицу Англии в середине прошлого века, «в Лондоне в то время битие жен было очень распространено». В глазах обывателей это было обычным явлением. С тупым безразличием толпа взираала, как какой-нибудь полупьяный верзила расправляется с женщиной.

В. Либкнехт рассказывает, как однажды он стал свидетелем несколько неожиданной, по тем понятиям, сцены. Услышав крик избиваемой женщины, с проходившего омнибуса быстро соскочил какой-то пожилой человек и, расталкивая толпу любопытных, бросился на помощь.

Этим человеком был Карл Маркс.

Борьба за человеческое достоинство, за уважение к человеку началась не сегодня. Лучшие люди участвовали в этом.

Всего лет тридцать назад на наших заводах, на стенах цехов, можно было видеть плакаты со следующим текстом:

«Притеснения на заводе
и непорядок всякий
Выясняй в месткоме,
а не заводи драки».

Или:

«Долой
с предприятий
кулачные бои!
Суд разберет
обиды твои».

Автором этих лозунгов был В. Маяковский.

Конечно, в наше время появление таких призывов в цехах или клубах показалось бы довольно странным, пожалуй, даже оскорбительным. Но всего лет тридцать назад эти плакаты были нужны. Они были нужны так же, как сейчас нужен разговор о вежливости, об уважении к человеку и об умении выразить это уважение.

ПРИВЕТ. ПРИВЕТСТВЕНЕ, ПРИВЕТ.ПВЫЙ...

1. Жест и слово

Ночью в джунглях раздаются голоса:

«Первый голос. Чужестранцы, куда вы идете?

Второй голос. Куда вы идете?

Первый голос. Эта страна не хочет принять вас.

Второй голос. Не хочет принять вас.

Первый голос. Все будут против вас.

Второй голос. Против вас.

Первый голос. И вы будете убиты.

Второй голос. Будете убиты.

Первый голос. Ах-ах-ах-ах-а-а!

Второй голос. Ах-ах-а!»

Но не бойтесь, чужестранцы, вы не будете убиты. Вас никто не обидит. А диалоги, раздающиеся из ночных джунглей, — обычная форма ритуального приветствия, принятая у некоторых племен Центральной Африки.

Испокон веков на планете нашей звучали слова приветия. На Руси, например, желая высказать наибольшую степень почтения, опускались на колени и клали земной поклон — били челом. При этом, как писал очевидец, можно было явственно слышать звук удара. Когда же встречались равные по положению, то просто кланялись друг другу, стараясь, однако, при этом заметить, чтобы другой не поклонился ниже. А так как никто не хотел оказаться менее вежливым, то кланялись три-четыре раза подряд, «состязаясь в оказании взаимного почета».

Встречаясь, люди желали друг другу того, что было основным в их жизни, чего им больше всего не хватало. Далеко не всегда это было пожеланием здоровья. Еще в императорском Китае возник обычай при встрече обмениваться фразами:

— Ел ли ты?

— Ел ли ты?

А древние персы были, очевидно, более озабочены духовным состоянием человека и поэтому в качестве приветствия говорили друг другу:

— Будь весел!

Этого же пожелал и завоеватель мира Тимур эмиру Хуссейну, когда встретился с ним:

— Да будет лицо твое светло! — воскликнул железный хромец, заключая эмира в объятия.

Чего еще мог пожелать Тимур могущественному эмиру? Пожелать мира? Но как мог человек, чьей профессией была война, пожелать своему собрату мира? Здоровья и долголетия? Но в Средней Азии правители в ту эпоху долголетием не отличались. Недаром сам Хуссейн вскоре был убит при содействии того же Тимура.

Так и остались в веках эти слова, сказанные одним тираном другому.

— Да будет лицо твое светло!

А в то самое время, когда Тимур громоздил пирамиды из отрубленных голов побежденных, простые люди при встрече приветствовали друг друга короткой фразой:

— Мир вам!

— Мир вам, изобилие и милость божия!

Как же людям, многим поколениям людей, должно было не хватать мира, чтобы они научились приветствовать друг друга этими словами! Возможно, это приветствие так же древне, как война.

— Да будет мир с тобой!

Встречаясь, люди ежедневно, как заклятие, повторяли эту фразу. Но бессильная, как и все пожелания, фраза эта не помогала. Из века в век над миром не смолкал грохот битв, осажденные города пылали и сдавались на милость победителя, и по-прежнему чужие солдаты врываются в притихшие перед бедой дома.

И, словно поняв своей первобытной мудростью тщетность всех пожеланий, зулусы, например, приветствуют друг друга такой простой, такой спокойной фразой:

— Я тебя вижу!

И другой отвечает ему так же:

— Я тебя вижу.

Но еще раньше, чем слово приветствия, зародился, очевидно, жест. Когда кроманьонец, промышляя зверя где-нибудь на лесистом отроге холма, видел своего собрата и хотел показать, что не собирается напасть на него, он поднимал вверх правую руку. Жест этот как бы говорил: «Ты видишь, я безоружен».

Этот жест был известен и в древнем Египте, где встречающиеся, приветствуя друг друга, поднимали руку на уровень плеча, открытой ладонью кверху: «Я безоружен, мир тебе».

Некоторые исследователи считают, что к этому же обычаю восходит и современное рукопожатие. Возможно, доказать это предположение так же трудно, как и опровергнуть. Известно лишь, что рукопожатие, как и жест поднятой руки, — один из самых древних знаков приветствия.

Рукопожатие издавна было известно и на Руси. «Когда печенегский князь предложил воеводе Святослава дружбу, они подали друг другу руки...»

Многие знаки приветствия, существующие у разных народов, должны, очевидно, казаться нам довольно странными. Что вы сказали бы, например, если бы кто-нибудь, желая выразить почтительность, стал бы показывать вам язык? Между тем в Тибете это обычный знак приветствия. А когда Давид Ливингстон со своими спутниками шел как-то по одной из африканских деревень, все население деревни провожало их улюлюканьем. Даже такому опытному путешественнику, как Ливингстон, трудно было догадаться, что это форма приветствия.

2. „Шапки долгой!“

На первый взгляд не менее странным должен казаться нам способ приветствовать человека посредством снятия с себя различных частей одежды. В древней Иудее для этого обнажали ноги — снимали обувь. Японка по национальной традиции, избегая рукопожатия, обнажит руки, то есть снимет перчатки. Эту манеру приветствовать мы считаем странной. Но почему же тогда таким естественным кажется нам жест, когда в знак приветствия обнажаются не руки, не ноги, а голова? Снять шляпу — что, казалось бы, может быть проще! Но нет, оказывается, это не так просто. Сколько раз рука, поднесенная было к шляпе, останавливалась на полпути! И к каким последствиям порой приводило это!..

Известный просветитель и гуманист Эразм Роттердамский в своей книге по этикету особо подчеркивал, что молодой человек при встрече со старшим обязательно должен снять шляпу. Да не просто снять, а при этом почтительно сделать шаг в сторону или, как писал сам Эразм, «отступить в грязь». А русское «Юности честное зерцало» также старалось убедить наших предков, что «шляпу держать в руках неубыточно, а похвалы достойно...». При этом пояснялось, почему это следует делать: «Лучше, когда про кого говорят, он есть вежлив, смиренный кавалер и молодец, нежели когда скажут про которого: он есть спесивый болван».

Но мы знаем, что призывы следовать добродетели, как правило, отличались слабой убедительностью. Когда же к делу примешивались еще соображения личного или тем более государственного престижа, подобные аргументы вообще теряли силу.

В 1613 году германский император, принимая посланца русского царя, при упоминании государева имени «шляпу сымал».

Прошел год.

В своем тронном зале император германский снова принимает посланца русского царя. Заученными, строго определенными фразами и жестами посол приветствует императора. Тот отвечает ему так же, соблюдая все правила принятого протокола. Все происходит согласно дипломатическому

этикету. Десятки глаз следят за каждым шагом, а уши впитывают каждое сказанное слово. Знакомый наизусть, многократно повторенный ритуал идет своим чередом, когда вдруг происходит нечто неожиданное. При упоминании русским послом имени своего царя император не обнажил голову. Вместо этого он, «сидя на месте, тронул у себя на голове шляпы немного».

Посол прервал свою речь.

Император тоже молчал.

Наступила та тишина, которая была страшнее любых слов. И нужны были нервы из стали, чтобы выдержать эту паузу. Ибо сейчас в этом высоком зале друг перед другом стояли не просто два человека, а два государства, которые эти люди олицетворяли.

Наконец посол нарушил молчание. Он заметил, что император германский поступает вопреки обычаю.

Когда император обнажить голову все-таки отказался, посол покинул зал, и аудиенция была прервана.

О том, какое значение придавалось этому жесту, видно из того, что в 1687 году договором между Россией и курфюрством Бранденбургским особо предусматривалось, что курфюрст будет выслушивать имя царя непременно «с непокрытой головою», то есть сняв шапку.

Что касается русских царей, то нередко они также старались всячески уклониться от этого жеста. Согласно воззрениям того времени именно такая линия поведения утверждала государственное достоинство и личный престиж правителя.

Как известно, Петр I был человеком, отнюдь не склонным придавать значение вещам маловажным. Тем не менее к иностранным послам он всегда выходил, нарочно не имея «ни шляпы, ни другого чего, чем покрыть голову». Тем самым он предусмотрительно избавлял себя от необходимости снимать перед ними шляпу.

3. Отказавшиеся приветствовать

Серым весенним днем 1800 года в Москве по Юсуповскому саду прогуливался человек в военном мундире. Встречные, почтительно расступаясь, снимали перед ним шляпы и

трепетно замирали в поклоне. Видно, это было важное лицо. Человек в лосинах не спеша продолжал свой путь. Вдруг, заметив няню с ребенком, он ускорил шаги, сердито направившись в их сторону. Причиной его неудовольствия было то, что няня, замешкавшись, не сняла при его приближении картузик с ребенка. Разбранив няньку за нерасторопность, он собственноручно снял с мальчика шапку. Ребенок, которому было около года, с любопытством смотрел вслед сердитому военному.

Мальчиком, который послужил поводом к этому эпизоду, был Пушкин.

Так состоялась первая встреча будущего великого поэта с царем.

Только младенческий возраст спас Пушкина от гнева императора Павла. Несомненно, окажись на его пути взрослый, дело обернулось бы трагедией. Печальных примеров тому было достаточно. Как-то гвардейский офицер, увлекшись разговором с дамой, не заметил приближавшегося императора и не успел приветствовать его. В тот же день офицер был разжалован и сослан в Сибирь, а начальство его для острастки арестовано на месяц. Муж дамы, известный государственный чиновник, был высечен. В другом случае, когда сын одного именитого купца замешкался поприветствовать императора, он получил за нерасторопность 50 ударов кнутом.

Предшественники императора Павла поступали в подобных случаях не менее круто.

Грозного всю жизнь преследовало одно мучительное воспоминание, воспоминание его детства. Государь всея Руси, один из могущественнейших монархов на самой вершине своей власти не мог забыть минут унижения, пережитых им в детстве. В письме к Курбскому он пишет о времени, когда всесильный боярин Шуйский помыкал им, малолетним царем Иваном. Как? Оказывается, Шуйский не считал нужным приветствовать наследника, здороваться с ним. «...И нам же не преклонялся». Эту обиду маленький мальчик запомнил на всю жизнь... «Таковте гордыни, кто может понести!» — с горечью пишет он Курбскому.

И хотя десятки лет прошли с того дня, как казнен был обидчик Шуйский, бессильная, необратимая горечь унижения по-прежнему теснила грудь царя и искала выхода.

«...И нам же не преклонялся».

У человека, отказывающегося приветствовать другого, для этого должны быть причины довольно веские.

Такие причины морального порядка были, например, у Каллисфена, который отказался пасть в ноги Александру Македонскому.

Собычаем поклониться царю, падая ему в ноги, греки познакомились во время войны с Персией. Это восточное поклонение настолько понравилось Александру Македонскому, что он решил ввести его среди своих подданных. Когда же Александр, облаченный в царские одежды и отмеченный всеми знаками царского достоинства, появился перед толпой и все, блюдя новый закон, покорно распростерлись перед ним ниц, стоять остался только один человек. Это был Каллисфен. Он не только не пал в ноги, как требовал этого новый царский указ, но и стал тут же, при всех стыдить Александра за то, что он требует себе почестей, равных божественным.

Но вот что должно удивить нас. Александр внял голосу своего мужественного подданного. Тем самым Каллисфен, как пишет Плутарх, «спас греков от унижения, а Александра от еще большего».

Нередко тот, кто отказывался поклониться правителю или даже его изображению, платил за это жизнью. Если по-прежнему говорить о временах отдаленных, можно вспомнить случай, когда великий князь Михаил Всеволодович Черниговский и его боярин Федор отказались в золотоордынском стане поклониться изображению Чингисхана.

Ханы в ярких, опушенных мехом халатах хмуро переглянулись. Смерть, незримо витавшая под высоким пологом большого шатра, бесшумно спустилась ниже. Князь почувствовал ее дыхание еще раньше, чем было произнесено это слово.

— Он говорит, — бесстрастным голосом продолжал бубнить толмач, — что желает лучше умереть, чем сделать то, что не подобает...

Чтобы убить их обоих, князя и боярина вывели из шатра... В самом шатре людей не убивали, чтобы не пачкать кровью дорогие ковры и шкуры.

Поступая вопреки всякому «житейскому расчету», вопреки тому, что называют здравым смыслом, именно такие люди, как князь Черниговский, были хранителями национального достоинства России в самые темные ее годы.

Отказаться приветствовать...

Мы видели, те, кто решался на этот шаг, делали это во имя немаловажных причин. Они многое ставили при этом на карту. Иногда — жизнь.

Но каким беспомощным, каким убогим фарсом выглядит порой этот отказ приветствовать в быту, когда двое, поссорившись, перестают здороваться друг с другом!

4. Оттенки и нюансы

Не поздороваться с человеком, не ответить на его приветствие, эта скверная традиция какой-то своей стороной уходит в прошлое, в обычаи сословной спеси. Помните, у Грибоедова: «Раскланяйся, тупеем не кивнут...».

Именно так, не иначе, здоровался, например, Потемкин, светлейший князь, с теми, кто приходил приветствовать его по утрам. «...Кто-то шикнул. Толпа вся онемела и сжалась в полукруг, где кто успел захватить себе место перед дверью. Дверь отворилась, показался светлейший в простом утреннем от сна наряде; толпа смиренно преклонилась; он окинул глазами густой сонм посетителей и, не сказав никому ни слова, оборотился — вмиг дверь затворилась; толпа хлынула и разбежалась с веселыми лицами». Так описывал эту сцену современник.

Высокое социальное положение обязывало либо вообще не отвечать на поклоны простолюдинов, либо отделяться едва заметным кивком. Поздороваться с человеком «низкого звания», как с равным, было бы величайшей нелепостью и унижением.

Для выражения оттенков общественных отношений в императорском Китае существовало шесть различных способов приветствия — начиная от приветствия, которым обменивались люди равного положения, когда рукава поднимались до уровня рта, и кончая «распластыванием» на земле. Последняя — поза высшего почтения — принималась в присутствии императора или во время чтения его рескрипта.

Столь же строго разграничивал характер своих приветствий и Людовик XIV, почитавшийся в свое время эталоном хороших манер. «Встречая кого-нибудь из знати, — отмечал современник, — он снимал шляпу наполовину, варьируя этот жест, один раз снимая ее не выше уха, другой — выше. Перед менее значительными людьми он только подносил руку к шляпе. Его приветствия всегда были разные».

Но возможно ли передать все эти оттенки в рукопожатии?

Казалось бы, как это сделать? Оказывается, однако, когда речь идет о том, чтобы подчеркнуть собственное превосходство, способы сделать это всегда могут быть найдены.

Во-первых, рука может быть протянута далеко не всякому.

А во-вторых, не каждый достоин всех пяти пальцев. Одному можно подать только три пальца, другому даже два. А. Я. Панаева рассказывает в своих воспоминаниях о сыне аристократа писателе В. А. Соллогубе: «Если его знакомили с простым смертным, он подавал ему два пальца».

Не к этим ли сословным представлениям восходит манера некоторых и сейчас строго дифференцировать свои приветствия в зависимости от того, к кому они относятся. Такой человек с подчиненным поздоровается сухо, соблюдая дистанцию. Равному по служебному положению протянет руку. Здравываясь с начальником, засияет от восторга. И все это не потому, что этот товарищ прирожденный хам, подхалим или вообще плохой человек. Просто таково его представление о манере соблюсти собственное достоинство. Представление, доставшееся ему в наследство от тех времен, когда чиновники носили вицмундиры и пудренные парики. Конечно, никому не придет в голову заявиться в таком наряде на работу. Почему же мы тогда считаем вполне возможным переносить из этого прошлого нечто гораздо более важное — манеру общения с людьми?

Мы с удивлением узнаем сейчас, какое значение придавали всем этим оттенкам в прошлом.

Византийский император Константин Багрянородный в своем сочинении по этикету много страниц посвятил выяснению того, кто и кого должен целовать при встрече в висок, грудь, руки, губы или щеки. Можно без преувеличения сказать, что это была своего рода сложнейшая наука.

Система приветственных поцелуев порождала в прошлом неизбежные в этих случаях споры и недоразумения. Прежде всего — на дипломатической почве. То на аудиенции с Екатериной II австрийский посол с вежливой фамилией Мерси не поцеловал протянутую ему императрицей руку. То иностранные послы, до этого безропотно целовавшие руку русскому царю, усматривают смертельную обиду в том, что царь тут же велит мыть ему эту руку.

Впрочем, многие монархи считали, что оказывают человеку величайший почет, разрешая ему поцеловать свою ногу. Высокой привилегией это было в древнем Египте. Этой чести добивались, ей завидовали, она была объектом яростных дворцовых интриг. Но горе было тому, кто по неумной гордыне своей или безумию решался пренебречь этой

высокой честью! Ученые прочли текст клинописи, сделанной по приказу царя Саргона II почти три тысячи лет назад: «В гневе своего сердца я заставил все мои колесницы, многочисленных коней, весь свой стан взять направление на Ассирию...» Против кого же двинулось это подобное смертоносной саранче беспощадное войско? Против Урзана Мусасирского. Чем разгневал он могущественного Саргона? Надпись, называющая его преступление, также сохранилась. «...С тяжелыми дарами, он не поцеловал мои ноги...»

Не нужно уходить в прошлое на три тысячи лет, чтобы увидеть человека, целующего ногу владыки. Эту сцену можно увидеть и сегодня. В Ватикане. Так приветствуют римского папу в его «государстве в государстве», где гвардейцы, облаченные в мундиры средневекового покроя, охраняют эту территорию от вторжения времени. Этот обычай был в свое время перенят католической церковью у династии французских королей Каролингов. Но и не Париж был родиной этого приветствия. Французский двор заимствовал его у римских императоров, где этот обычай ввел Диоклетиан. Логично было бы предположить, что император Диоклетиан — знатный патриций древнего рода, который ввел это приветствие, чтобы еще более подчеркнуть свое высокое по-

ложение и благородство происхождения. Но нет, как раз наоборот. В молодости будущий император пас овец в Даламации. Но самым «ужасным» было то, что все знали об этом. Вот почему этот бывший пастух, облаченный в императорскую тогу, пышными празднествами, казнями, роскошью двора всю жизнь пытался затмить это прошлое, заставить

забыть о нем. Мысль о прошлом не давала ему покоя, порой ему казалось, что в глазах самых льстивых своих придворных он видит насмешку. Пастух! Тогда император удалялся к себе и предавался молчаливому гневу. Не в одну ли из таких минут зародилась у него мысль ввести целование ноги, этот обычай варварского поклонения?

Отвечая на приветствия, римские императоры, в свою очередь, здоровались со своими приближенными скупыми и сдержанными царственными поцелуями. Приветствовать поцелуями настолько вошло в обычай, что, когда Тиберий во время эпидемии сыпи отменил обряд ежедневных поцелуев, при дворе это вызвало растерянность. Нерон же не мог полнее выразить свою ненависть к сенату, чем не поцеловав никого из сенаторов при своем отъезде в Грецию и по возвращении оттуда. Этот знак императорской немилости глубоко задел всех сенаторов.

Но зато, когда император отвечал на обращенные к нему приветствия, как важно, как необычайно важно было, в какой последовательности он это делал! Десятки ревнивых глаз следили, кому будет обращен первый поцелуй, кому второй...

Что знаем мы сейчас о некоем А. Плотии Сабина? Мы знаем то, что он сам и его наследники считали главным итогом его жизни, считали настолько важным, что высекали на его надгробной плите: «Он получал второе приветствие от императора Антония Пия».

5. Кто первый?

Однако вопрос, кто должен здороваться первым и кто отвечать на приветствие, относится не только к истории придворного этикета. Многие обычаи настолько прочно вошли в наш быт, что мы перестали замечать их.

Вы подходите к человеку. Кто здоровается первым? Естественно, тот, кто подходит. Вы входите в комнату, где есть другие люди. Понятно, первым должен будет поздороваться входящий. При встрече со старшим вы тоже, очевидно, постараетесь поздороваться первым. Но руку подает первым обязательно он. Все эти нормы, давно укоренившиеся в на-

шем бытовом этикете, исторически восходят к временам самым отдаленным. Конечно, когда сегодня мы первыми здороваемся с уважаемым человеком, с человеком, который старше нас, мы можем не иметь ни малейшего представления, скажем, о «Законах Ману», появившихся в древней Индии около двух тысяч лет назад. Один из пунктов этих «Законов» обещал тому, кто приветствует старшего, воздаяние в виде «возрастания четырех качеств»: долголетия, знания, славы и силы.

Однако некоторые народы придерживаются прямо противоположных правил. Так, согласно мусульманским нормам вежливости первым, наоборот, должен здороваться старший. В соответствии с этим хозяин первым приветствует слугу, конный пешего и т. д. Поступить иначе, то есть так, как принято у нас, значило бы оказаться невежливым.

Впрочем, за примерами нет необходимости обращаться к мусульманскому Востоку. Многие известные писатели, актеры, заметив, что их узнали, приветливо здороваются первыми даже с незнакомыми. Так же поступал и В. И. Ленин, который всегда первым здоровался с часовым в Кремле. А если вы приедете в какую-нибудь далекую деревню, где никогда не были до этого, все встречные по доброй народной традиции тоже первыми будут здороваться с вами.

Так кто же все-таки должен здороваться первым?

Возможно, вы уже догадались.

Первым здоровается тот, кто имеет достаточно собственного достоинства, чтобы не бояться потерять его. Некоторые этого очень боятся.

Первым здоровается самый вежливый.

6. О приветливом человеке

Задумывались ли вы когда-нибудь, что означает слово «приветливый»? По воспоминаниям современников, Энгельс, например, «был обаятельным, приветливым человеком». Многие, знавшие Маркса, тоже отмечали у него эту черту: он был «самым приветливым... из товарищей». По словам одного из старых большевиков, хорошо знавшего Ленина, «Владимир Ильич был очень приветливым...».

Эти большие люди, прожившие жизнь среди суровой

борьбы и неимоверных трудностей, сохранили это прекрасное человеческое качество — приветливость.

Но что же все-таки значит это слово — «приветливый»? Словарь русского языка объясняет его так: «проявляющий радушие, благожелательность». Благожелательно относиться к людям, значит заранее исходить из того, что каждый человек, которого вы встречаете, — хороший человек, порядочный, добрый.

Горький говорил как-то, что, если человека все время называть свиньей, в конце концов он захрюкает. Очевидно, правило это имеет и обратную силу. Доброе отношение всегда обязывает. Если вы попробуете какое-то время относиться к людям именно так, вы сами убедитесь в этом. Конечно, как во всяком деле, возможны и разочарования. Но приятно думать, что мы идем к тому времени, когда таких разочарований в отношениях между людьми будет все меньше.

Когда Пушкин писал свое знаменитое «Здравствуй, племя младое, незнакомое», его «здравствуй» имело неизмеримо больший смысл, чем просто пожелание, чтобы грядущее поколение имело хорошее здоровье. Точно так же приветствия, которыми обмениваются люди при встрече, имеют гораздо большее число значений и оттенков, чем те условные

одно-два слова, которые почти механически произносятся при этом. Здраваясь с человеком, мы интонацией, своим видом как бы говорим: «Вы мне приятны, я вас уважаю, я рад видеть вас».

Так здоровался с людьми Ленин.

«Слегка наклонившись вперед, — писал о манере Ленина здороваться один из его соратников, — протянет руку, со-

гнутую в локте, посмотрит вам прямо в глаза, приветливо улыбаясь, — и вы сами счастливо улыбнетесь, вы почувствуете в нем близкого товарища, друга».

«Для всякого у Ленина была дружеская улыбка и кивок, — вспоминала Клара Цеткин, — и это всегда вызывало в ответ радостное выражение лица у того, к кому они относились».

Можно было бы назвать немало великих, тех, кто обладал этим, казалось бы таким обыденным, умением здороваться с людьми. Можно было бы привести примеры. Но мы не станем этого делать. Ведь речь идет не о копировании чисто внешней манеры держаться с людьми, манеры приветствовать их. Это лишь производное, это следствие. То, как мы здороваемся с людьми, не более чем внешнее проявление нашего внутреннего отношения к ним. Об этом и говорим мы — об отношении к людям. Чтобы искренне и сердечно здороваться с людьми, нужно и относиться к ним сердечно и искренне.

Мы говорим о приветливости.

Конечно, хорошо, когда у человека «золотое сердце». Но этого мало. Мало, если владелец этого сердца держится с людьми хмуро, недружелюбно. Сколько бы хорошего ни делал он для других, общение и разговор с ним всегда неприятны.

Цена приветливости известна давно. «Человеку с неулыбающимся лицом, — гласит восточная пословица, — не следует открывать лавку». Прошли сотни лет с тех пор, как родился этот афоризм. Но и сейчас на разных языках продолжает звучать эта пословица о человеке с неулыбающимся лицом. Этот человек не будет иметь успеха в своих начинаниях. Этот человек неприятен людям. Он неприветлив.

А мы говорим о приветливости. О приветливости с первой же минуты, когда вы встречаетесь с человеком, с первых же слов, которыми обмениваетесь. Вы знаете, что это за слова. Это слова приветствия.

И

1. Самое древнее слово

мена собственные были одними из первых «слов», которые прозвучали на нашей планете. Еще в первых проблесках человеческого сознания родилось представление о неразрывной связанности человека и его имени. Из самого отдаленного времени это представление через все эпохи тянется к нашим дням. Услышав чье-то имя, мы тут же как бы видим перед собой образ определенного человека. Мы встречаем знакомого человека, и у нас сразу всплывает звучание его имени.

С возникновением религиозных представлений имя стало как бы синонимом «второго я» человека, его души.

Вот почему предметом особых забот стало сохранение имени после смерти. В этом стали усматривать залог бессмертия души, ее загробного существования.

По словам одного исследователя, в Египте «блаженство

умершего, помимо всего прочего, зависело от того, чтобы об имени его сохранилась память на земле среди потомков и на гробнице. Стереть имя покойного с гробницы было величайшим преступлением».

В древней Греции имена жрецов вырезались на свинцовых дощечках, после чего дощечки бросали на дно Саламинского залива. Это делалось для того, чтобы начертанные на них имена не могли стереть ни время, ни завоеватели, ни враги.

К этому же восходит и обычай высекать имя человека на памятнике. Так имя на многие тысячи лет переживает не только самого человека, но и всех, кто знал его когда-то. Лопаты археологов открывают солнцу имена, начертанные на забытых языках мертвых народов. Имена, изображенные на каменных плитах шумерской клинописью, арамейским письмом, древнеегипетскими иероглифами, — единственное, что осталось от людей, живших когда-то.

2. Новое имя — новая судьба

Итак, древние считали, что личность человека настолько неразрывно связана с его именем, что связь эта не прерывается даже после его смерти. Но что произойдет, если кто-нибудь вздумает отречься от своего имени и принять новое? Очевидно, в этом случае прежний человек как бы перестанет существовать и возникнет новая личность.

В этом представлении — смысл, который с самых отдаленных времен вкладывается в обычай перемены имени. Как правило, перемена имени бывает связана с каким-либо переломным моментом в жизни.

Постригаясь в монахи, человек оставлял за воротами монастыря не только свою прежнюю жизнь, но и прежнее имя. Католические священники, члены тайных мистических обществ также получают новые имена. В России выпускники духовных семинарий тоже должны были расставаться со своими светскими именами и получать новые.

Еще и сейчас некоторые племена меняют имя заболевшему ребенку. Скажем, болен мальчик Варанга. Его тут же

перестают называть этим именем, и он получает новое — Маури. Этой хитрости нельзя отказать в логике: болезнь прицепилась к Варанге, а Варанги больше нет, есть только Маури. Вот болезнь и осталась в дураках! Точно так же даяки (Индонезия), переболев лихорадкой или другой тяжелой болезнью, всякий раз по выздоровлении меняют имя.

Делается это, чтобы избавиться от своей прежней личности, к которой болезнь уже узнала дорогу.

Но хитрее всех, пожалуй, эскимосы Берингова пролива. Меняя имя, они хотят обмануть не какую-нибудь лихорадку или другую болезнь, а саму смерть! Чувствуя приближение старости, эскимос меняет имя, надеясь как бы начать жизнь сначала.

Когда какая-нибудь ваша знакомая, выходя замуж, станет менять фамилию на фамилию мужа, спросите ее, зачем она это делает. Она и сама едва ли сможет ответить. Этот совершенно «современный» обычай, распространенный у вполне цивилизованных народов, восходит к тем же древним представлениям.

Перемена имени должна повлечь изменение личности и самой судьбы человека.

3. Имя хранят в тайне

Геродот писал, что в Африке обитает народ, не имеющий якобы собственных имен. Позднее это сообщение Геродота не подтвердилось. Путешественники не нашли такого народа. Зато они обнаружили у многих народов обычай скрывать имена собственные, особенно от чужестранцев.

В Эфиопии, например, матери тщательно скрывают имена своих детей. У зулусов только мать или отец могут позвать человека его детским именем. Для того чтобы не прозвонить вслух настоящее имя человека, зулусы прибегают к сложной системе косвенных обращений. С взрослой замужней женщиной можно, например, говорить так:

— Послушай, о мать Зитваны!

Если у нее еще нет детей, к ней можно обратиться:

— О ты, дочь Нарумбы!

В индийской семье даже жена и муж должны избегать называть друг друга по имени. Для обращения существуют фразы: «мать моего ребенка» или «отец моего ребенка». Если же посторонний начнет интересоваться, как зовут девушку, то это расценивается как верх неприличия. Этого достаточно, чтобы заподозрить его в дурных намерениях.

И сейчас на Ново-Гебридских островах, для того чтобы не произносить имени чужой жены, говорят:

— Я видел твою тень, она собирала кокосовые орехи.

Оказывается, обычай скрывать свое имя связан с тем же древним представлением о единстве души человека и его имени. Тот, кому удавалось стать обладателем имени человека, получал якобы власть и над самим человеком и мог причинить ему зло.

Подобные представления, устойчивые и распространенные у различных народов, не могли, очевидно, возникнуть, не находя себе подтверждения в каких-то фактах повседневной жизни. Объяснение этим фактам нужно искать в легко ранимой и неустойчивой психике первобытного человека.

Можно привести в качестве примера обычай «нацеливания костью» у аборигенов Австралии. Человек, который узнавал, что его враг или колдун прицелился в него костью и произнес заклинание, тут же заболел, переставал есть и через несколько дней умирал.

Точно так же на силе внушения и прежде всего самовнушения основываются и «кары», постигающие нарушите-

лей табу. Один из этнографов описывает следующий случай, который он наблюдал на островах Тихого океана. Его проводник съел плоды, валявшиеся около дороги. Позднее оказалось, что это были остатки обеда вождя. Пища вождя считается табу, нарушивший его должен умереть. Едва несчастный узнал, что он совершил, как у него начались признаки тяжелого отравления.

Не удивительно, что примитивный человек, узнав, что колдун наслал на него порчу или проклятие, действительно заболел, терял возможность двигаться и даже умирал.

Но любое магическое действие должно иметь точный адрес. Таким адресом было имя человека.

Вот как описывает подобный ритуал одна из древних индийских книг. «Во время совершения жертвенного огня нужно произнести мантру: «Ты сожжен в моем горящем огне, я лишаю тебя вдоха и выдоха». Затем нужно произнести имя врага. «Ты сожжен в моем горящем огне, я лишаю тебя сыновей и твоего скота». Затем произносится имя врага. «Ты сожжен в моем горящем огне, я лишаю тебя надежд и ожиданий». Затем снова повторяется имя врага...»

Имя! Имя! Имя!

Вот почему в страхе перед подобными магическими обрядами примитивный человек старался скрыть свое имя, спрятать его, не открывать чужому человеку, который способен причинить зло.

Из соображений безопасности у аборигенов Австралии существовало два имени. Одно — для общего употребления, другое — секретное, которое хранилось в тайне.

Два имени человека бытовали и в древнем Египте: так называемое «малое» для обихода и «большое», тщательно скрывавшееся.

Как известно из истории религии, люди куда более охотно наделяли богов своими заблуждениями и грехами, чем приобщались сами к высоким достоинствам небожителей. Вот почему нет ничего удивительного, когда мы узнаем, что духи и даже боги, следуя примеру людей, скрывали свои имена. Тайным, например, было истинное имя иудейского бога, состоявшее из 360 букв. По утверждению Плутарха, скрывали от людей свои мистические имена и римские боги. А в древнем Египте Изиды была больше всего озабочена тем, чтобы богу Ра не стало известно ее тайное имя.

Однако все это история, древнейшее прошлое человечества. Что же сегодня? Конечно, сегодня мы не скрываем сво-

их личных имен. Но замечали ли вы, что и сейчас «доступ» к личному имени открыт далеко не каждому. Обычно по имени может называть другого только человек знакомый, а в некоторых случаях — достаточно близкий. Если это станет делать кто-нибудь не имеющий на это морального права, такая манера будет выглядеть как оскорбительная фамильярность.

Именно так воспринял это, например, М. Светлов, когда один из молодых поэтов попытался обратиться к нему, развязно называя его просто по имени.

— Что вы со мной церемонитесь, — перебил его Светлов, — называйте меня просто — Михаил Аркадьевич.

Трудно поставить человека на место более изящно.

Традиционное «непосвященство» на личное имя наложило отпечаток на весь западноевропейский этикет. В Англии или Франции, например, только очень близкие друзья могут называть друг друга личными именами. Фамилия — это та грань, которую считают неприличной перейти даже люди, знакомые нередко десятки лет.

Интересно, что, следуя установившемуся в английских аристократических кругах этикету, Джордж Байрон, например, ни к одному даже из самых близких своих друзей, как правило, не обращался по имени. Это не значит, что у Байрона не было близких друзей. Это значит только, что в его время традиция «неупоминания» личного имени была еще сильной.

За сто лет до Байрона, в 1722 году, в Лондоне вышел роман Даниеля Дефо «Молль Флендерс». Его герои, близкие родственники, братья и сестры, совершенно не обращались друг к другу по имени. Они предпочитали говорить: «брат» или «сестра».

Возможно, сейчас нам покажется странным и то, что в Англии до начала прошлого века дети, обращаясь к своим родителям, должны были называть их не «мама» или «папа», а «мадам» или «сэр».

Но если вдуматься, не менее странный обычай, связанный с именами родителей, бытует в семьях и сейчас. Почему мы можем называть по имени или имени-отчеству любого члена семьи, кроме отца и матери? Для детей у родителей нет имен. Есть только слова, выражающие это понятие, — «отец», «мать». Представьте себе, как странно и даже оскорбительно прозвучало бы, если бы вы позвали свою мать по имени!

Очевидно, этот своеобразный запрет — также звено общей цепи.

4. Разрешите представить вам...

Вы видите человека первый раз. Вам ничего не известно о нем, он ничего не знает о вас. Что сообщаете вы друг другу прежде всего в качестве самых важных сведений о себе? Кем работаете? Где живете? Семейное положение?

Нет, вы называете то, что не может дать ни малейшего представления о вас как о человеке, — свое имя.

— Александр.

— Оксана.

Но после этих слов мы знаем друг о друге не больше, чем до того, как произнесли их.

Зачем же это делается?

Мы говорили уже об обычае скрывать свои имена. Это диктовалось страхом перед всяким чужим, чьи намерения были темны и враждебны. И наоборот. Когда два человека хотели оказать друг другу величайшее доверие, они открывали один другому свои имена.

Так, обмен именами, делавший каждого в равной степени уязвимым, становился как бы гарантией взаимной доброжелательности, залогом доброго отношения.

Вот почему, знакомясь с человеком, первое, что мы хотим узнать о нем, — это его имя.

После того как каждый назвал свое имя, обычно мы скороговоркой произносим: «Очень приятно!» или «Очень рад!»

Считается, что знакомство состоялось.

Испанцы в такой же ситуации, знакомясь, говорят: «ваш слуга». Правда, из этого не следует, что вы можете приказывать тут же своему новому знакомому отнести чемодан или почистить вам ботинки.

Мексиканец, после того как названы имена, обязательно скажет: «Ваш дом № . . .», — и назовет при этом номер своего дома.

— Ваш дом к вашим услугам, — добавит он, — приходите и чувствуйте себя в нем свободно.

Однако не совершите ошибки. Если человек, которому была сказана эта фраза, вздумал бы прибыть по указанному адресу и действительно начал бы вести себя в чужом доме как у себя, ему довольно быстро дали бы понять его заблуждение.

Примеры можно было бы умножить.

В «Недоросле» Фонвизина есть сцена, где Правдин представляет Милона Стародуму.

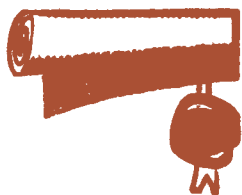
«Правдин. Позвольте представить вам господина Милона, моего истинного друга.

Милон. Я почту за истинное счастье, если удостоюсь вашего доброго мнения, ваших ко мне милостей».

Если бы в наше время, когда вас знакомят, вы попытались произнести эту витиеватую фразу, все были бы, пожалуй, удивлены. Так же удивлены, как если бы два века назад Милон вместо этих слов сказал бы наше краткое и привычное: «Очень приятно!»

Но разве всегда, когда вас знакомят с кем-нибудь, вам обязательно становится «очень приятно» и вы бываете «очень рады»? Нет. Тем не менее вы произносите эти слова, давно утратившие свой фактический смысл. Точно так же человек, говорящий «ваш слуга», не собирается в действительности поступить к вам в услужение, а мексиканец, называющий свой дом вашим домом, не намерен давать вам ключи от него.

Это всего лишь как бы ритуальные фразы. Заверения в добром отношении, которые говорятся человеку, открывшему свое имя. «Ты приятен мне, я не использую твое имя тебе во зло» — таков смысл этих взаимных заверений.

5. Сколько имен нужно человеку?

Некогда человеку было достаточно одного имени. Круг людей, с которыми он общался, был невелик. Постепенно, однако, в орбиту деятельности каждого человека попадало все большее число людей. Среди них неизбежно оказывались и люди с одинаковыми именами.

Что было делать, например, если при дворе князя Суздальского конюха звали Василием, а имя князя было тоже Василием? Отгородиться от такой «унизительной» близости помогала система уменьшительных имен. Поэтому не было «конюха Василия». Был «конюх Васька». И другие и сам себя он мог называть только так.

Что же касается просительных писем и челобитных, то

подписать их полным именем, а не «Митькой» или «Ивашкой» считалось не только плохим тоном, но и величайшей наглостью.

Когда в 1701 году Петр I издал указ об отмене уменьшительных имен, многими это было встречено с недоумением. Трудно было представить себе, чтобы какого-то «Ивашку» нужно было именовать так же, как и барина, «Иваном».

Правда, к тому времени в России стали уже появляться отчества. Первое время в Русском государстве привилегией иметь отчество пользовались только сами цари, князья и их родственники. Вне этого круга никто не смел и помышлять о том, чтобы его звали по имени-отчеству. Когда Богдан Хмельницкий несколько раз подписался в официальных бумагах полным именем (Богдан Михайлович), московские приказные люди заметили ему, что он «непристойно величается».

Отчество, подобно почетному званию, стало жаловаться за особо выдающиеся заслуги. Так, Иван Грозный пожаловал отчество немцу-опричнику Г. Штадену.

«Когда великий князь пришел в Старицу, — пишет Штаден, — был сделан смотр, чтобы великий князь мог узнать, кто остается при нем и крепко его держится. Тогда-то великий князь и сказал мне: «Отныне ты будешь называться Андрей Володимирович». Частица «вич» означает благородный титул. С этих пор я был уравнен с князьями и боярами».

Известно, что такой же чести — именоваться по отцу Федоровичем в 1697 году Петр I удостоил Якова Долгого.

Позднее, при Екатерине II, был даже составлен список тех немногих лиц, которым было дано почетное право иметь отчество.

Итак, именоваться по отцу было дано не каждому. Но коль скоро в силу своего положения человек становился обладателем «второго имени», игнорирование этого было равносильно оскорблению.

19 октября 1749 года в Петербургской академии наук царил необычайный переполох. Накануне в газете было напечатано чрезвычайное сообщение «О пожаловании камер-пажа Ивана Шувалова в камер-юнкеры». По чьему-то недосмотру оказалось пропущенным отчество новоявленного камер-юнкера. Из дворца последовало строжайшее указание, чтобы «чины особливового достоинства всегда вносили в газеты с их именем и отчеством и с надлежащею учтивостью».

Отныне «над ведомственной экспедицией смотрение иметь» поручалось не кому иному, как профессору Ломоносову.

Но долго еще отчества оставались принадлежностью людей, занимавших более или менее высокое положение в обществе, людей имущих. Возьмите любое произведение русского писателя, написанное до революции. Вы увидите там,

что «господа», обращаясь к «простым людям», называли их не иначе как только по имени. Садовники, половые, слуги, швейцары и прочие подневольные люди доживали до глубокой старости, продолжая оставаться всего лишь Прошками, Иванами или Василиями.

Подобное намеренное пренебрежение к отчеству человека не стало еще целиком достоянием прошлого. К сожалению, мы сталкиваемся с этим и в наши дни. И сейчас есть люди, считающие, например, вполне допустимым называть пожилую женщину просто по имени только потому, что она работает уборщицей, лифтершей или домработницей. А разве на производстве иногда не бывают случаи, когда мастер или начальник, обращаясь к немолодому рабочему, называет его просто по имени, в то время как тот величает его полностью, по имени-отчеству?

Человек, который держится так с людьми, не занимающими высокого положения, или, что еще постыднее, с людьми зависимыми, продолжает одну из самых худших традиций прошлого — традицию унижения человека.

Подобно отчествам, фамилии долгое время были привилегией людей родовитых и с положением. Часто фамилии

образовывались от названий имений. Так возникли Вяземские, Шуйские и др.

Некоторые князья получали фамилии-прозвища по названиям мест, где одерживали победы: Донской, Невский.

Что же касается основной массы простых людей России, то фамилии долгое время вообще были для них своего рода «недоступной роскошью». Вот что писалось в одном справочном издании в конце прошлого века.

«У нас фамильное имя составляет принадлежность только дворянства и высшего купечества. В огромной массе мелко-го купеческого, мещанского и крестьянского населения фамилий часто вовсе нет или им соответствуют случайные и изменчивые прозвища».

Как ни велик был резервуар, из которого черпались фамилии, он все-таки был не бесконечен. Неизбежно возникали однофамильцы. Лица высокого положения особенно болезненно относились к такого рода совпадениям.

В 1697 году на царское имя была подана челобитная: «Бьют челом холопы ваши Василька, Илюшка и Афонька Дмитриевы. Прозвищем нашим — холопий ваших Дмитриевых, пишутся многие разных чинов малородные... Пожалуйте нас, холопий своих, для отличия от иных прозванием Дмитриевых, велите, государи, к прозванию наших Дмитриевы прибавить старое наше прозвание по родословцу Мамоновых, чтобы нам, холопам вашим, от других Дмитриевых бесчестным не быть».

Нередко прозвища, как бы выполняя функции фамилий, дополняли имена знатных людей: Пипин Короткий, Василий Темный. Конечно, приятно быть не просто Ричардом, а Ричардом Львиное Сердце или не просто Филиппом, а Филиппом Красивым. Несколько обиднее было, очевидно, королю Цейлона, который вошел в историю под именем Лысый Нага, или другому, который был прозван Кривоносым Тисса.

Известен ли вам древнегреческий философ Аристоклес? Не пытайтесь вспомнить, вы такого не знаете. Под этим именем он был известен только своим родителям. В истории его истинное имя оказалось забытым, а осталось только прозвище «Широкий». По-гречески оно звучит «Платон». Это имя хорошо знакомо каждому.

Сегодня мы не можем представить себе, как могли бы люди жить и поддерживать контакты между собой, если бы у каждого было только одно имя. Но значит ли это, что чем больше у человека имен, тем лучше?

В старой Корее, например, мужчины имели по пять имен.

1. Детское имя, которое давалось после рождения: Дракон, Тигр, Собака, Жаба и т. д. Обычно этому имени предшествовало определение: Добрый Дракон, Тихий Дракон.

2. При совершеннолетию человек получал «взрослое» имя. В него входил слог, обозначающий поколение данного рода.

3. Интимное имя, бывшее в ходу между близкими друзьями. Им можно было называть равного себе или младшего.

4. Отличительное имя для обращения к старшим: «Отец такого-то».

5. Похвальное имя. Это имя давалось обычно после смерти.

Однако и пять имен далеко не предел. В королевской Испании знатные идалго сочли бы унижительным иметь всего 4—5 имен, как какой-нибудь ремесленник или цирюльник. Обычной нормой у них считалось семь или даже восемь имен.

Но как это обычно бывает, повышенное чувство собственного достоинства носителей длинного списка имен основывалось на их неосведомленности. Как расстроился бы такой идалго, если бы узнал, например, что в Вавилоне у него был счастливый конкурент, обладатель пятидесяти имен! Им был бог Эа. Еще дальше вперед в этом своеобразном «соревновании» вырвался Озирис. У него было около ста имен.

Но богиня Изида оставила всех далеко позади. Эта достойная дама была обладательницей 10 тысяч имен. Представьте себе на минуту, если бы у вас было столько имен, с какими неудобствами было бы это сопряжено!

6. Человек или его титул?

Вспомним титул последнего императора России: «Мы, император и самодержец всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Царь Грузинский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский, князь Эстляндский...» и т. д.

История царского титула — это история расширения территории Московского государства. Московские великие князья, присоединяя уделы, принимали титулы прежних удельных князей. Так, титул «государь Псковский» появился в 1510 году, после присоединения Пскова, «великий князь Смоленский» — соответственно в 1514 году. Принимая на себя все эти функции и титулы, император как бы совмещал в себе множество лиц. Тут уж волей-неволей скажешь «мы».

Отличаясь щедростью к себе во всех отношениях, владыки не имели привычки скупиться на титулы. Вот, например, часть титула одного из восточных монархов: «...Царь царей, повелитель самый милостивый и самый блаженный, надежда всех народов и могущественнейший из владык земных, единственный, чьи ноги покоятся на головах народов».

Трудно, конечно, догадаться, что этим «могущественнейшим из владык земных», «чьи ноги покоятся на головах народов», был ...правитель Бирманского королевства. В своем полном титуле он именовался еще и «законным обладателем всех белых слонов». Последнее, по всей вероятности, более соответствовало действительности.

Монархи всех эпох весьма тщательно следили за тем, чтобы ни одно слово в перечне их титулов, ни один эпитет не были пропущены. В 1766 году французский двор в письмах к Екатерине II к титулу «величество» отказался прибавить слово «императорское», ссылаясь на то, что такое сочетание противно якобы правилам французского языка. На этом сообщении Екатерина наложила исполненную достоинства резолюцию: «Противу же правилам языка и прото-

кола российского принимать грамоты без надлежащей титулатуры».

Письма были возвращены обратно в Париж нераспечатанными.

Далеко не всегда, однако, вопрос о титуле был вопросом личного тщеславия или спеси. Мы знаем многих весьма достойных людей прошлого, которым приходилось пережить нелегкие минуты унижения именно из-за отсутствия титула. Среди них был и Пушкин. «Наше общество, — сетовал современник поэта, — так уже устроено, что величайший художник без чина становится в официальном мире ниже последнего писаря».

Формально Пушкин обрел какое-то положение среди прочих носителей титулов, только когда ему был пожалован один из низших придворных чинов — звание камер-юнкера.

Выстрел Дантеса оборвал жизнь поэта. Но даже тогда общество, где положение каждого определялось титулом, не могло простить Пушкину того, что огромная его личность не укладывалась в отведенные ему рамки скромного придворного звания.

Когда через четыре года после смерти поэта его вдова согласилась выйти замуж за генерала Ланского, представители тогдашнего света восприняли эту новость соответственно своим сословным понятиям. Вот диалог, приводимый в воспоминаниях В. А. Нащокиной, хорошо знавшей поэта еще при жизни.

«— Слышали новость?

— Какую?

— Пушкина замуж выходит.

— За кого?

— За генерала Ланского.

— Молодец, хвалю ее за это! По крайней мере муж — генерал, а не какой-то там Пушкин, человек без имени и положения».

Какой бы безмерно чудовищной ни казалась подобная фраза нам, она довольно полно выражала ту манеру оценивать личность, которая бытовала в тогдашнем светском обществе. Ибо чтобы претендовать на достойное положение в этом обществе, совершенно недостаточно было быть всего-навсего гением.

Вот почему с таким упорством многие выдающиеся люди прошлого стремились прибавить титул к своему имени. Даже Шекспир, бессмертный Шекспир, мечтал о фамильном гербе! А Бальзак стремился получить к своему имени возжеленную частицу «де», стать Оноре де Бальзаком!

7. Пмя — это человек

Ранним осенним утром 1790 года приказный двор в Петербурге огласился криком. Секли плетью дьяка Семена Сорокина.

Согласно правилам, чтобы не утомлять палача, делалось это медленно. За час наносилось 30—40 ударов. Всякий раз, взмахивая тяжелым, намокшим от крови кнутом, палач весело выкрикивал:

— Берегись, ожгу!

Это считалось своего рода шиком, профессиональной лихостью.

В каком же преступлении был повинен дьяк Семен Сорокин?

Несколько дней назад, переписывая донесение сенату, он допустил опisku. В словах: «Блаженные достойный памяти Петр I» он перепутал буквы и написал «Перт I».

Напрасно клялся он, что это всего лишь ошибка.

Сенат постановил приговорить дерзкого дьяка к плетям.

XIX век. Опять Россия. На страже имен — недремлющее око Российской империи — цензоры. Неукоснительно сверяют они имена и фамилии героев художественных произведений с именами членов царствующего дома, вельмож. Не приведи бог, если через какого-нибудь литературного однофамильца или тезку окажется задетым влиятельное лицо!

Однако предусмотрительность Главного правления цензуры шла еще дальше. Что будет, например, если каждый станет называть свою лошадь как ему вздумается? Так появится, пожалуй, какой-нибудь базарный водовоз, по кличке «Николай». А ведь следствием этого может стать поношение высокого царского имени.

— Ах ты, Никола! Ах ты, проклятый! — будет открыто при людях кричать возчик.

От одной такой мысли

исполненные преданности и рвения сердца цензорских чиновников обливались кровью. И вот последовало решение Главного правления цензуры. В России вводился строжайший запрет называть лошадей христианскими именами!

По обвинению в оскорблении имени однажды пришлось предстать перед судом Эмилю Золя. Писатель обвинялся в оскорблении некоего адвоката Дюверди. Оказалось, в одном из романов Золя действует герой, советник парижского апелляционного суда, — тоже Дюверди. Причем Дюверди литературный был увенчан рядом пороков, которые никак не хотел брать на себя реальный носитель его имени. Напрасно писатель уверял, что он не имел в виду данного адвоката. Добродетельный Дюверди был неумолим.

В последующих изданиях романа Золя пришлось изменить имя героя.

На что же обиделся адвокат парижского суда?

Понятие «честь имени» восходит все к тому же представлению о неразрывной связи имени человека и его личности. Человек совершил дурной поступок, это пятнает его имя. И наоборот. Скомпрометировано имя (только имя), и это бросает тень на самого человека.

В Норвегии довольно широко распространена фамилия Квислинг. Во второй мировой войне человек с этой фамилией возглавил марионеточное, профашистское правительство и стал предателем своего народа. Само слово «квислинг» превратилось в нарицательное. Запятнанное имя стало пятнать его носителей. Ни в чем не повинные однофамильцы предателя поспешили сменить фамилию.

Люди по-разному понимают бессмертие. Одни связывают его с идеей, свершением, которое продолжало бы жить и после их смерти. Другие личное бессмертие видят в том, чтобы сохранить память о себе после смерти и передать свое имя потомкам.

Обессмертить свое имя было честолюбивой мечтой многих. Прошлое изобилует такими примерами. Нередко именно это было скрытой пружиной тщеславия. Бездарный поэт слагал множество длинных и бесцветных поэм, надеясь построить на них себе памятник. «Потомки меня еще вспомнят!» Другой, облаченный в блестящий мундир, мечтал о славе полководца, обрекая ради этого на бессмысленную смерть тысячи людей. Третий становился виртуозом дворцовых интриг и ветераном закулисных битв. Но каждый тайно надеялся улучшить мгновение, чтобы вписать в книгу истории свое имя.

И все они — циники и святоши, фанатики и малове-

ры — глубоко прятали свое затаенное тщеславие. Только один человек сказал правду о том, что двигало им. И то он сделал это под пыткой.

Имя его было Герострат.

Город Эфес славился в древней Греции знаменитым храмом Дианы. Однажды ночью жители Эфеса проснулись от тревоги. Весь город был ярко освещен. Храм Дианы пылал, как огромный костер. Поджигателя схватили. Он и не думал отрицать своей вины. Преступление было чудовищно и казалось непонятным. Его подвергли пытке.

Тогда он сознался, что сжег прекрасный храм только для того, чтобы передать свое имя потомкам.

Жители Эфеса решили, что преступнику мало простой казни. Герострата решено было казнить забвением. В городе было запрещено даже произносить его имя. И если бы греческий историк Феопомп не сломал молчания, рассказав об этом эпизоде, никто в мире не знал бы сейчас имени Герострата.

Правда, в других случаях людям удавалось передавать свое имя потомкам более дешевой ценой. Они платили за это не жизнью, а только деньгами. Например, еще два столетия назад состоятельные люди открыто платили значительные суммы авторам за то, что те посвящали им свои книги.

Один из крупных бизнесменов современной Америки, П. Т. Барнам, на склоне своей жизни оказался в серьезном затруднении. Его не могли утешить даже шестест акций и ползущих вверх дивидендов. У Барнама не было сыновей. Дочь же, выйдя замуж, давно перестала быть «мисс Барнам». Значит, фамилия его должна будет исчезнуть вместе с ним!

Правда, у дочери был сын. Бизнесмен стал уговаривать молодого человека принять его фамилию. После недолгих споров сделка была совершена.

Да, именно сделка. Предприимчивый молодой человек потребовал за это от своего любимого деда 25 тысяч долларов. Но в конце концов удовольствие знать, что твое имя останется на земле, когда не будет тебя самого, стоит этих денег! Престарелый делец тут же выписал чек.

Не удивительно, что всегда находились люди, умевшие воспользоваться подобной человеческой слабостью.

Имя Андрю Карнеги прочно вошло в анналы истории американского капитализма. Правда, когда босоногим мальчишкой он бегал со своими сверстниками по улицам шотландской деревни, где он родился, ничто не предсказывало, что Андрю суждено будет стать «стальным королем», одним из крупнейших воротил монополистического бизнеса Соединенных Штатов. Хотя и тогда он проявил уже понимание человеческих слабостей и учился ими пользоваться.

Однажды ему подарили крольчиху. Прошло какое-то время, крольчиха принесла приплод, и будущий мультимиллиардер стал обладателем десятка крохотных созданий, которые ползали по ящику, пищали и просили есть. Прокормить эту прожорливую ораву оказалось трудно. Тогда Андрю нашел выход. Он дал каждому крольчонку имя какого-нибудь своего приятеля из деревни. И ни один Том или Роберт не захотел, чтобы его «крестник» — крольчонок, названный его именем, подох от голода.

Каждое утро возле сарая, где жили кролики, вырастала гора свежей травы и клевера. Андрю уже не приходилось больше собирать корм, за него это делали другие. Хотя слово «эксплуатировать», возможно, и несколько сильно для этого эпизода, не исключено, что именно с того дня началась карьера Андрю Карнеги.

Этого случая из своего детства стальной король не забыл и впоследствии. Поняв, какое значение для самолюбия человека играет его имя, Карнеги не раз прибегал к подобному приему.

Когда он был уже в зените своей деловой карьеры, в Соединенных Штатах не на жизнь, а на смерть вели борьбу два индустриальных гиганта. Один возглавлял сам Карнеги, другой Пульман. Война шла за монополию производства спальных вагонов. Конкурентная борьба стоила обоим компаниям огромных издержек, бюджеты их лихорадило, стрелка успеха склонялась то в одну, то в другую сторону.

Тогда Андрю Карнеги сделал решительный ход. Он явился к своему противнику и предложил ему вместо войны... объединение. Пульман встретил его настороженно.

— Вы согласны? — настаивал Карнеги.

Пульман пожал плечами.

— Как вы собираетесь назвать новую компанию?

— Конечно, «компанией Пульмана», — не задумываясь, ответил Карнеги.

Соглашение было заключено в тот же день.

Так появились ставшие хорошо известными комфортабельные «пульмановские вагоны», или просто «пульманы».

О том, что самолюбие каждого тесно связано с его именем, было известно многим «ловцам человеческих душ». Наполеон, например, не только помнил в лицо, но и знал по имени многих солдат своей гвардии. Каждый был для него не безликой деталью гигантского армейского механизма, а человеком — Пьером, Жаком. И за это уважение к своему имени, к своему человеческому достоинству люди платили императору любовью и верностью. Платили в той единственной валюте, которая имеет хождение на войне, — своими жизнями.

Человек — это его имя. Если вы уважаете человека, вы никогда не забудете, как его зовут, и не произнесете его имя неправильно.

Невнимание к имени — это невнимание к человеку. Всегда ли вы вспоминаете имя того, с кем вас знакомят?

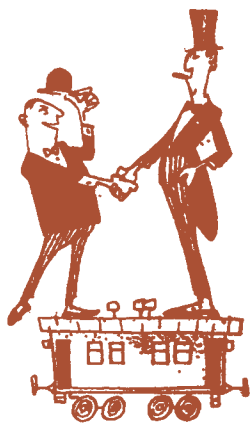
А. П. Чехов вспоминает, как однажды в Петербурге его пригласили в дом к Полонскому. Чехову передавали, что Полонский очень хотел познакомиться с ним.

Как известно, Чехову не была присуща та снисходительная манера разговаривать, которая связывается с представлением о «модном писателе». Поэтому, когда он приехал, на застенчивого человека в пенсне почти не обратили внимания. Никто не потрудился даже расслышать его фамилию. Весь вечер Антон Павлович просидел в углу, недоумевая, зачем его пригласили.

«Наконец стали прощаться, — писал он позднее. — Полонскому стало неловко и захотелось сказать мне что-нибудь любезное. «Вы, — говорит он мне, — все-таки меня не забывают, заходят ко мне, ведь мы с вами, кажется, и прежде встречались, ведь ваша фамилия Чижиков?» — «Нет, Чехов», — сказал я. «Батюшки, что же вы нам раньше-то этого не сказали?!» — закричал хозяин и даже руками всплеснул. Очень смешное приключение вышло».

«Очень смешное приключение вышло», — конфузливо заключает Чехов. Пренебрежение к человеку выразилось в пренебрежении к его имени.

Не удивительно, что нет, пожалуй, человека, которого не задела бы подобная невнимательность. Вот один из примеров. В письме, напечатанном в «Известиях», авиамеханик сельскохозяйственной авиации Л. Хмельковский пишет:

«Мои товарищи обиделись. Эта обида пришла вместе с грамотами, полученными от областного Совета...» Оказывается, чья-то равнодушная рука, выписывая летчикам благодарственные грамоты, до неузнаваемости исказила и перепутала их фамилии и имена. В итоге вместо заслуженной радости люди оказались обижены и раздосадованы.

И наоборот, когда человек видит, что к имени его относятся бережно и с уважением, он надолго запоминает и ценит это.

Средняя Россия. По дороге катит бричка. В бричке сидит молодой человек. Это Вересаев, автор только что вышедших и так шумевших «Записок врача». Вересаев едет в Ясную Поляну к Льву Толстому. Он озабочен, он волнуется. Как встретит его Толстой?

Желая проявить внимание к человеку, Л. Толстой не счел за труд заранее узнать и запомнить его имя. Вересаев не забыл этого эпизода и много лет спустя в своих воспоминаниях возвращается к нему.

Внимание к людям должно быть правилом. Этим правилом всю жизнь руководствовался Владимир Ильич Ленин.

1917 год. На весах истории — судьба России и будущее пролетарской революции. Ленин вынужден скрываться. Никем не замеченный, загримированный, выходит он из вагона на станции Разлив. Здесь его встречает Н. А. Емельянов, проверенный, опытный работник партии. От станции до дома, где будет скрываться первое время вождь революции, — пять минут. За это время нужно успеть сказать что-то самое нужное, самое важное. О чем же говорит Ленин? О чем он спрашивает? Оказывается, Ленин заранее интересуется, как имя и отчество хозяйки дома, жены Емельянова. Придя в дом и поздоровавшись, он сразу заговорил с ней, обращаясь по имени и отчеству.

Такова была одна из сторон ленинской манеры держаться с людьми. Уважение к человеку он выражал, высказывая внимание к его имени.

В апреле 1921 года к председателю Совнаркома прибыла делегация украинских крестьян. «Расставив стулья, — вспоминает один из товарищей, побывавших у Ленина, — Владимир Ильич предложил нам сесть и сам сел с нами. По очереди стал каждого спрашивать: имя, отчество, фамилию, из какой губернии, местности. Все мы как-то почуствовали себя с ним легко, свободно. У Владимира Ильича исключительная память. Мы даже удивились, когда он в ходе разговора стал называть каждого по имени и отчеству».

Познакомившись с человеком, Ленин навсегда запоминал его лицо и имя. Проходили годы, годы эмиграции, революции, гражданской войны. Но цепкая «память сердца» не отдавала забвению имена товарищей по борьбе.

С. П. Тодрия, одна из старейших деятельниц революционного движения, рассказывает о встрече с Лениным в 1920 году после тринадцатилетнего перерыва. «Владимир Ильич расспрашивал о товарищах-грузинах, работавших в Выборгской типографии. Я была поражена: несмотря на то, что прошло много лет, Владимир Ильич помнил имена всех товарищей».

В течение жизни мы сталкиваемся со многими людьми. Почему же только в редких случаях мы утруждаем себя интересом, как зовут человека, и запомнить его имя?

Однажды мне попала фраза: «Он храбр, но храбр в душе». Но если храбрость запрятана так далеко, то какая разница, существует она вообще или нет. То же можно сказать и об уважении к людям. Человек достоин уважения. Но уважение — это не пассивное состояние. Это качество, нуждающееся в том, чтобы его выразили. Порой это не так уж трудно. Иногда для этого достаточно запомнить, как зовут человека.

Потому что человек — это его имя.

К

1. Тот, кто умеет слушать

Какие учебные заведения являются самыми древними? Те, где людей обучали сельскому хозяйству? Медицине? Военному искусству? Нет. Одними из первых учебных заведений были школы по риторике, школы, где молодые люди учились говорить лаконично, ярко и выразительно. Древним было хорошо известно, что умение вести разговор — это искусство. Недаром первое наставление о том, как следует говорить, мы находим еще на глиняных табличках древнего Шумера: «...Не расширяй уст, храни уста, не говори тотчас, если раздражен, придется немедленно раскатыться за необдуманную речь...»

Когда была открыта Америка и орды оголтелых конкистадоров устремились на завоевание новых стран, они застали в Центральной Америке весьма своеобразную цивилизацию. Тогдашние обитатели Мексики не знали, например,

повозок, не додумались даже до колеса. Но им было уже известно о великом значении слова, и ничто не ценилось у них так, как умение вести беседу. «Говорить следует спокойно, — читаем мы в одной из древнемексиканских хроник, — не говори слишком быстро, не горячись, не возвышай голос, речь должна быть ясной и спокойной».

Люди, известные своей жестокостью, приносившие кровавые жертвы свирепым богам, с величайшей бережностью относились к сказанному слову, боясь ранить ближнего. «Если ты увидишь или узнаешь что-нибудь, — продолжает хроника, — сделай вид, что тебе ничего не известно, и промолчи, особенно если это что-то плохое, имеющее отношение к кому-либо».

Трактаты о «тонкости вести разговор» писали и мусульманские авторы. На Востоке этому искусству уделяли особенно много внимания.

...Посол великого Китая был в гневе. Он морщился и раздувал ноздри. Ему, посланцу императора поднебесной империи, эти ничтожества смеют отказывать в свежих конях! Почтительно, очень почтительно старейшины Ферганы еще раз объяснили высокому послу, что предоставить ему и его свите свежих коней будет трудно, очень трудно. Они не хотят нарушать законы гостеприимства, но пусть посланец императора будет справедлив. Ведь в его свите несколько сот человек! Однако посол сына неба не пожелал быть справедливым. По словам летописца, он «вышел в разговоре из благопристойности и ушел, не дослушав».

Уйти, не выслушав говоривших, было величайшим оскорблением. Едва высокие резные двери захлопнулись за послом, как все оставшиеся поняли, что тот, кто ушел, подписал себе в эту минуту смертный приговор. Потому что такое оскорбление может быть искуплено только смертью. И пока посол в сопровождении многочисленной свиты и охраны медленно двигался караванной тропой к границе, из Ферганы наперерез ему через пески и горы скакали всадники. Им предстояло осуществить приговор оскорбленных старейшин. В городе Ю месть настигла посла, заплатившего жизнью за то, что он позволил себе забыть о хороших манерах.

Правило не разговаривать «с недостойным», как способ подчеркнуть собственное превосходство, свою исключительность, иногда устанавливалось даже специально. Так, опричники Ивана Грозного давали присягу не разговаривать ни с кем из земских. «Часто бывало, — писал современник, —

что ежели найдут двух таких в разговоре, убивали обоих, какое бы положение они ни занимали».

А один из римских патрициев, Паллант, человек, которому Нерон был обязан своим тронном, объяснялся со своими слугами только жестами и кивками. Когда же нужно было сделать какое-нибудь важное распоряжение, он отдавал письменное приказание. За всю жизнь он ни разу так и не снизошел до разговора с кем-нибудь из своих слуг.

Не выслушивать говорящего — этот прием хорошо известен и в парламентской практике. Нет, например, лучшего способа высказать пренебрежение к словам противника, чем заснуть в самый разгар его речи. Лидер парламентского большинства небезызвестный лорд Норт так и поступал. Когда атака оппозиции достигала максимального накала и очередной оратор захлебывался на трибуне в яростных обвинениях, раздавалось вдруг тихое посапывание и присвист. Лорд Норт безмятежно спал.

Прием унижить собеседника невниманием дожил, к сожалению, и до наших дней. Причем далеко не в парламентской форме.

— Девушка, есть латвийский сыр? — скажем, спрашиваете вы в молочном отделе, по величайшей наивности полагая, что вам ответят. Но не потребуется много времени, чтобы убедиться, что надежды ваши напрасны. Вопрос придется повторить дважды, а иногда и трижды, прежде чем вы будете, наконец, удостоены односложного ответа.

Почему же иногда так упорно молчат эти нередко довольно симпатичные девушки, которые в неслужебной обстановке бывают великими любительницами поговорить?

К сожалению, это объяснимо.

В наследство от прошлых времен досталось нам некое представление, которое до сих пор таится где-то в глубинах сознания отдельных людей. Представление это сводится к той мысли, что чем больше человек унижит другого, тем больше возвысится сам в глазах окружающих. Так поступал, например, охотничий купчик. Чем больше удавалось ему унижить какого-нибудь официанта, бедного чиновника или просто человека, стоявшего ниже в социальной иерархии, тем «большим барин» чувствовал он себя. Не к этим ли эталонам восходит и поведение того, кто намеренно не отвечает, когда к нему обращаются, кто держится так, словно собеседник для него — пустое место? Согласно убогим представлениям такого человека ему кажется, что тем

самым он как бы подчеркивает собственную значимость, утверждает уважение к себе.

Почему мы говорим здесь обо всем этом? Потому, что даже тот короткий диалог, который происходит, когда вы приходите в какое-нибудь учреждение или магазин, — это тоже разговор. И разговор этот, как и всякое общение человека с человеком в нашем обществе, должен строиться на уважении друг к другу. А всякая беседа, даже самая краткая, начинается с умения выслушать собеседника.

«Крайне невежливо не выслушивать говорящего с полным вниманием. Ничто не может быть грубее, неприятнее и менее всего простительно, как действительное или кажущееся невнимание к собеседнику». Это строки из знаменитых «Писем к сыну» лорда Честерфильда. Написанные еще в XVIII веке, «Письма» эти были своего рода энциклопедией хороших манер.

Итак, как ни парадоксально, искусство вести разговор всегда начиналось с умения слушать другого.

Мы могли бы назвать многих выдающихся людей, которые обладали этим достойным качеством — умением быть внимательным к собеседнику. Они поступали так не потому, что стремились следовать той или иной букве этикета. Внимание к собеседнику было для них естественным следствием их отношения к людям, отношения, которое основывалось на искреннем интересе и уважении к человеку.

Поэт Всеволод Рождественский, например, хорошо знавший Горького, особо выделял эту его черту: «Он умел слушать собеседника (искусство — не такое частое в обиходе)». Интересно, что этот же немаловажный штрих горьковского характера подметил и Лев Никулин: «Удивительно умел Алексей Максимович слушать своего собеседника».

Не потому ли разговор всегда был для Горького источником радости? «Беседа была родной его стихией, одним из лучших наслаждений жизни».

История знает одного великого человека, который в совершенстве владел высоким искусством беседы.

«Он был очень внимателен к каждому, кто с ним говорил, а также очень, очень хорошо умел слушать».

«Во время беседы он весь в вас. Он отдается беседе целиком. Он жадно вслушивается...»

Он «внимательно слушал каждого, кто к нему обращался».

«Он не просто слушал, а впитывал в себя каждое слово собеседника».

О ком идет речь? Кто этот человек? Вы знаете его. Это Ленин.

2. Племя болтливых

Однажды к Сократу привели нового ученика. Молодой человек горел желанием овладеть наукой, которая граничила с искусством — наукой красноречия. Ради этого он совершил нелегкое путешествие в Афины. Однако, поговорив с ним несколько минут, Сократ потребовал за обучение двойную плату. Почему? Этот же вопрос задал ему ученик.

— Потому что мне придется обучать тебя двум наукам, — ответил философ, — не только науке говорить, но и умению молчать.

Неизвестно, насколько успешными оказались эти занятия. Судя по тому, что в перечне прославленных ораторов имя этого ученика не дошло до нас, Сократу едва ли удалось отучить его от дурной привычки к многословию.

О подобных людях с недоумением и иронией писал древнегреческий историк Теофраст. «Болтливость — это томительные разговоры, разговоры длинные и бездумные. Болтливый человек сядет рядом с кем-нибудь, кого он не знает, и начинает расхваливать свою жену или пересказывать сон, который он видел прошлой ночью, или примется описывать блюдо за блюдом, что он обедал. Когда он перейдет к своим делам, он сообщит, что у молодого поколения нет тех манер, что у старшего, что цены на пшеницу упали, что в городе много иностранцев, что корабли смогут выйти в море после праздника Диониса. Он сообщит, о чем говорится в народном собрании, и даже перескажет свои речи, которые он произнесет, когда станет членом собрания».

Это было написано 2200 лет назад. С тех пор исторические формации сменяли друг друга, могущественные империи возникали и исчезали бесследно, как дым в небе, совершались величайшие перевороты в обществе и науке, и лишь эта категория людей пребывала без изменений. «Болтун хочет заставить себя любить и вызывает ненависть, стремится оказать услугу и становится навязчивым, желает вызвать удивление и делается смешным». Увы, эти слова Плутарха могли бы быть сказаны и сегодня.

Правда, в определенных ситуациях многословие оказывается очень ценным оружием. Мы имеем в виду такой прием

парламентской борьбы, как обструкция. Желая помешать принятию того или иного решения, противники его прибегают к своеобразному методу: они берут слово и говорят без остановки в течение многих часов. Так, в США один из реакционных сенаторов, выступая при обсуждении законопроекта о гражданских правах, говорил без передышки 24 часа 18 минут. Это рекорд, который, по всей вероятности, нелегко побить. Благодаря обструкции расистов законопроект о гражданских правах не мог быть принят сенатом в течение 108 лет.

«Не следует завладевать разговором, как вотчиной, из которой имеешь право выжить другого, — писал Цицерон. — Напротив, нужно стараться, чтобы каждый имел в разговоре свою очередь». Однако этот благой совет отца ораторского искусства распространяется, как мы видели выше, не на все ситуации.

В 1717 году по личному распоряжению Петра I в России была выпущена книга «Юности честное зерцало или показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов». Среди прочих советов «Юности честное зерцало» содержит остроумное обоснование того, что в речах следует хранить сдержанность: «Природа устроила нам только один рот или уста, — читаем мы там, — а уши даны два, тем показывая, что охотнее надлежит слушать, нежели говорить».

Особый подвид болтунов во все времена составляли любители анекдотов. Обычно эти люди, которым очень хотелось бы быть душой общества, но которые не умеют сделать разговор интересным для всех и, не владея искусством беседы, пользуются поэтому штампованными эрзацами занимательности. Трудно не вспомнить в этой связи афоризм Н. Буало: «Анекдоты — это остроумие тех, у кого его нет».

Вы, наверное, слышали такое выражение — «глухая тетеря». Почему так говорят? Ведь тетерев — чуткая и осторожная птица. Оказывается, весной, когда тетерева начинают токовать, они не слышат уже ничего, кроме собственного голоса. К токующему тетереву можно подойти буквально вплотную и уложить его с первого выстрела. Так расплачивается эта самовлюбленная птица за свою слабость.

Что же касается человека, наделенного подобным пороком, то в отличие от птиц расплачиваться приходится не ему самому, а окружающим. Среди различных пород болтунов самые опасные — это болтуны самовлюбленные. Упиваясь самими собой, вслушиваясь в модуляции собственного голоса, они, подобно тетеревам на току, совершенно перестают видеть и слышать окружающих.

Как-то некий литератор, по фамилии Башуцкий, долго уговаривал Белинского приехать к нему пообедать. Уступая его настойчивости, Белинский в конце концов согласился. Вместе с ним поехали Языков и Панаев.

Обед оказался отличным, однако радость была преждевременной. Гости не подозревали, какой их ждет «десерт».

После обеда хозяин пригласил всех в кабинет. Сам он предупредительно разместил гостей в глубоких креслах, а Белинского усадил против себя. После чего... достал огромную рукопись и с упоением начал читать гостям свой новый роман!

«Белинский взглянул на меня с ужасом», — вспоминал впоследствии Панаев.

Самому Панаеву и Языкову повезло. Они заснули на половине первой главы. Когда Панаев проснулся и взглянул на часы, было уже девять часов вечера.

— Извините меня, Александр Павлович, — решился он прервать автора, — я должен ехать, я дал слово... мне очень жаль, что я лишаю себя удовольствия...

Белинский яростно взглянул на ушедшего Панаева, но ничего не сказал.

— Вы поступили со мной самым постыдным образом, — говорил он Панаеву на следующий день. — Знаете ли, что я до четырех часов должен был высидеть у Башуцкого, не вставая с места. Он прочел мне всю первую часть своего романа. Каково мне было, вы можете себе представить! Сегодня я болен, у меня грудь разболелась, в голове черт знает что...

Чехов, этот необычайно мягкий и воспитанный человек, также нередко становился легкой добычей назойливых болтунов. На одного из таких бесцеремонных визитеров он как-то жаловался Куприну. Оказывается, какой-то отдаленный его знакомый имел привычку, едва он приезжал в Ялту, сейчас же заявляться к Антону Павловичу. «И сидит с утра до обеда, — сокрушался Чехов. — В обед уедет к себе в гостиницу на полчаса, а там опять приезжает и сидит до глубокой ночи и все говорит, говорит, говорит... И так каждый день».

Очевидно, каждый хорошо помнит случаи из собственной жизни, когда кто-нибудь досаждал ему своей болтливостью. Но вот что странно, никому не удается почему-то вспомнить, когда в подобной роли выступал он сам. Ведь недаром болтун или просто бестактный человек пребывает обычно в блаженном неведении относительно того, насколько в тягость бывает он всем, кто имеет с ним дело. Чтобы

помочь увидеть себя несколько со стороны (что нередко бывает довольно кстати!), мы хотели бы повести речь о второй стороне вопроса — уже не о количестве сказанных слов, а об их качестве. Иначе говоря, о предмете, о теме беседы.

3. О чем?

Прежде чем первый раз сесть за руль, человек изучает длинный перечень запрещений. Прямая стрелка на синем фоне не разрешает повороты влево или вправо. Перечеркнутая буква «Р» запрещает стоянку. Желтый прямоугольник на красном фоне запрещает движение вперед и т. д.

Такие же знаки, незримые запрещающие знаки, существуют и в любом разговоре. Главный из них запрещает говорить о вещах, которые могут быть неприятны другому. Случается, мы не щадим собеседника, невольно разбиваем его хорошее настроение, бездумно касаясь тем, говорить о которых бывает ему и тяжело и больно. И хотя происходит это чаще всего не по злему умыслу, а от невнимания, тому, кого вы невольно обидели, не станет от этого легче.

Есть прекрасный фельетон Льва Кассиля «Душескреб», о человеке, который обладал недобрым даром — из всех возможных тем разговора выбирать именно те, которые меньше всего могут быть приятны собеседнику.

«...у него поразительная осведомленность касательно всего, что может отравить людям настроение. Он первый узнает о смерти вашего друга, о неприятностях у знакомых, о предстоящих сокращениях в вашем учреждении. Он спешит сообщить вам об этом тоном крайне многозначительным и донельзя сочувственным. Говорить людям неприятности, первым сообщать недобрые вести — портить настроение — в этом его призвание, он чувствует, что это его прямая обязанность, даже долг... Он частенько навещает вас, заходит на часок и засиживается на пять. В течение этого времени он, пользуясь старинным знакомством и родственными узами, успевает наговорить и насообщать хозяевам массу неприятного.

Едва он вошел в переднюю, еще не снял он галош, как хозяин слышит:

— Миленький мой... что это вы так поддались. Болели, что ли? Да ведь краше в гроб кладут. На вас прямо лица нет...

Хозяин, только что вернувшийся с юга, из Сочи, загорелый и подобревший на семь кило, пытается возразить, дескать, наоборот, он совсем напротив: бодр, как никогда, и здоров, что он только что с курорта...

— Ну вот, — говорит доброжелательно гость, — в Сочах... нашли тоже место. Да разве можно при вашем-то сердце, да и в субтропики. Ясно, испортили сердце. Эх, молодежь, молодежь, не жалеете вы своего здоровья. Глядите-ка, на кого похожи стали.

Здороваясь с хозяйкой, он восклицает:

— Здравствуйте, мое почтение. Вот зашел поведать, как и что... Плохо, плохо вы за своим-то смотрите. Да и сами вы что-то того... Ой, постарели, постарели как!.. Вы меня, старика, простите, я, знаете, привык правду-матку... Вам ведь и летов-то, чай, немного, годов тридцать пять, не более... Что? Двадцать четыре? Скажите, голубушка, как жизнь свое берет... Или прическа эта вам не идет к лицу, что ли... Ох, напрасно вы подстриглись! Вам лучше так было.

Тщетно пытается хозяин заткнуть эту душескребную скважину. Тщетно заливает он ее чаем и набрасывает пластырь из печенья. Все тщетно. Гость неумолим.

— Между прочим, — озабоченно сообщает он, — я тут кое-где был, беседовал кое с кем... Поругивают вас, признаваться... Такое о вас говорят, просто я не верю даже.

— Что такое? — пугается хозяин.

— Нет, нет, что вы, я не скажу, что я, сплетник, что ли... Я просто долгом своим дружеским считал предупредить, чтоб имели в виду. Нехорошо о вас говорят многие. Что-то такое, вроде будто вы подхалим, невежда, краснобай, шкурник... Я, знаете, привык правду-матку, извините. Да вот кстати... Я слышал из верных уст, что ваш институт в Сибирь куда-то переводят.

— Не может быть, — ужасается хозяйка. — Как же мне тогда?

— Да уж придется ехать, ничего тут не попишешь. Ну, ничего, это для семейного счастья даже полезно. Порознь поживете. И то я слышал краем уха, признаться, что вы того... разводиться собрались. Вы извините, я почти, так сказать, по-родственному, привык правду-матку...

— Да вздор это все, кто вам сказал?

— Ну, ну, ладно. Меня, старого воробья, на амурах не

проведешь. Видел, видел-с я вас на днях, как вы свиданьице на Пушкинской назначили да дожидались. Озорник он у вас... Стоит это себе на Страстной и в разные стороны поглядывает. А тут и она самая подошла...

— Да позвольте, — говорит смущенный хозяин, — ведь это же я такси дожидался. Ну, вероятно, кто-нибудь подошел, встал в очередь.

— Знаем, знаем... Ну, я не осуждаю. Теперь новая жизнь, новые принципы: нечего себя по рукам связывать. Раз не подходите, не сошлись...

— Да откуда вы это взяли?

— Ну, я ведь и сам не слепой. Понимаю, учитываю. Беспартийному как-никак все-таки трудновато с партийной-то... Стойте, стойте, — восклицает гость вдруг, воззрившись на голову хозяина, — да у вас, батенька, никак лысина уже пробивается! Плешиночка, плешиночка, факт! Поздравляю!..»

Еще древнеримский поэт Овидий, говоря о темах, которых не следует касаться в разговоре с женщиной, называл вопрос о возрасте. «Никогда не спрашивай у женщины ее возраст и имена консулов, при которых она родилась... — наставлял он. — Особенно если женщина не первой молодости, если цвет ее жизни позади и ей приходится уже вырывать у себя седые волосы».

По мнению Цицерона, хорошо воспитанный человек никогда не будет показывать также, что он знает греческий в присутствии людей, которые не владеют этим языком. В более широком смысле речь идет о том, что вообще в разговоре не следует стремиться подчеркивать свое превосходство.

Особенно жалко выглядит человек, когда, пытаясь поднять уважение к себе, он дает понять о знакомстве с кем-либо из известных или знаменитых людей. Часто он говорит о таком знакомстве нарочито мимоходом, словно о чем-то, что само собой разумеется. Замечают ли сами любители сиять отраженным светом, как при этом унижают они себя, как поступаются собственным достоинством?

Конечно, трудно было бы придумать более бесцельное занятие, чем пытаться составить какой-то перечень «запретных тем». У каждого должно быть чувство такта, не позволяющее говорить о том, что может быть неприятным для кого-либо из присутствующих.

Но оказывается, подавать подобные советы «от против-

ного» легче всего. Труднее сказать, о чем же все-таки следует говорить. Есть категория людей, которая отвечает на этот вопрос так: «Ни о чем!»

Аристократия прошлого, люди, случайностью своего рождения обреченные на паразитическое, бездумное существование, большую часть времени проводили в общении между собой. Ничего другого им просто не оставалось делать. Это вынужденное общение породило целую науку вести разговоры ни о чем. Беседы на балу, за столом, на прогулке, бессодержательное порхание слов, разговоры о «воздушном ничего».

«— Какая дождливая погода была всю эту неделю!

— Да, если я не ошибаюсь, дождь шел почти каждый день.

— Сегодня утром был такой ливень, но теперь, кажется, прояснилось.

— Но меня не удивит, если вечером опять будет дождь...»

Увы, это не злая пародия, это отрывок из учебника светского разговора, изданного в прошлом веке в Англии. Бессмысленность времяпрепровождения, бесцельность существования...

«Я умираю от скуки, — писала из королевского Версаля одна придворная дама, — мы играем, зеваем, нам нечего делать, мы завидуем друг другу и готовы разорвать друг друга на части. Темы наших разговоров: заметили ли вы, какой взгляд бросил король на мадам такую-то, когда она имела неловкость сесть на место, предназначенное для герцогини? Кто займет вакансию, которая образовалась после смерти герцога такого-то? Если принцесса Ганноверская будет приглашена ко двору, что ей будет подано, стул или кресло?»

Возможно, та, что писала эти строки, дожила до французской революции, которая так справедливо и беспощадно положила конец этому бытию.

Однако было бы наивно полагать, что обычай пустой салонной болтовни умер в тот момент, когда нож гильотины упал на горло Людовика XVI. Бессодержательный разговор ни о чем, возведенный в ранг своеобразного «искусства», дожил, к сожалению, до наших дней. Он — неизбежный спутник безделья, людей, не знающих, куда девать свое время, свои деньги, да и себя самих.

Легко понять удивление и горечь тех, кто привык ценить свое время и свое слово, при виде людей, не умеющих ценить ни того, ни другого.

Кому интересно говорить о вещах, ему совершенно безразличных? Конечно, можно более или менее сносно поддерживать любую беседу, но только когда речь пойдет о вещах, действительно вам близких, вы почувствуете настоящий интерес к тому, о чем говорится. И пожалуй, мы не можем упрекнуть себя в этом. Недаром еще Лев Сергеевич Пушкин отмечал эту черту своего великого брата. По его словам, «редко можно встретить человека, который бы объяснялся так вяло и так несносно, как Пушкин, когда предмет разговора не занимал его. Но он становился блестяще красноречив, когда дело шло о чем-либо близком его душе».

Как-то нью-йоркская телефонная компания провела интересный эксперимент. Дирекция ее решила выяснить, какое слово произносят люди чаще всего. С этой целью было прослушано 500 телефонных разговоров. Какое же слово чаще всего звучало в телефонной трубке? Слово «я». Оно было произнесено 3990 раз!

Ссылаясь на этот эксперимент, буржуазные социологи говорят об удручающем эгоизме и эгоцентризме американского общества. Мы не будем спорить с этим выводом. Во всяком случае, наблюдение это напоминает ироническое высказывание: «Говорите с человеком о нем самом, и он готов будет слушать вас часами».

Эту же мысль две тысячи лет назад в несколько парадоксальной форме высказал римский поэт Публиций Сир: «Мы начинаем интересоваться людьми, — сказал он, — когда видим, что они интересуются нами». Действительно, нам приятен и интересен собеседник, когда оказывается, что ему небезразличны наши дела, наши интересы и мы сами. В этом мы видим внимание и уважение к себе.

Старый коммунист много лет спустя вспоминал о своей первой встрече с Лениным в годы эмиграции. «Подсев к нам, он спросил меня прежде всего о моих личных делах, как я себя чувствую в Париже и как устроился. Затем стал спрашивать о дороге, о том, откуда и почему я приехал». Не о себе стал говорить Ленин, не о печалах и тяготах своей эмигрантской жизни. Он говорил с человеком о нем самом.

А вот воспоминания другого участника революционной борьбы тех лет. Вернувшись из России, где он выполнял партийное задание, он прежде всего позвонил Ленину. Все товарищи, бывшие в те годы с Лениным в эмиграции, писали, с каким великим нетерпением ожидал Владимир Ильич всякую весть, всякое живое слово с родины. Логично предположить, что, подойдя к телефону, Ленин стал забрасывать

товарища вопросами о делах, о России, об общих знакомых. Но нет, этого не произошло. «Поздоровавшись, он прежде всего спросил, благополучно ли я доехал, о моем самочувствии».

Возможно, среди того, что хотел узнать Ленин от товарища, только что вернувшегося из России, эти сведения были для него не самыми важными. Но тем не менее он начал именно с этих вопросов. Потому что прежде и превыше всего он видел перед собой человека. Человека, которого считал достойным и уважения и внимания. Вот почему, оказывая эти знаки внимания, Ленин был предельно искренен.

Так же искренен был в своем интересе к людям и такой знаток человеческих душ, как М. Горький. Писательница Л. Сейфуллина рассказывала, что он владел искусством заставлять людей говорить о себе. «Это он умел делать с каким-то родственным любопытством к судьбе человека, к его делам и устремлениям». Именно в силу высокой своей человечности Горький в разговоре исходил не из того, что могло бы казаться важным и интересным лично ему, а думал прежде всего о других, «умел найти ту тему, которая могла увлечь собеседника». Поэтому «разговор с Горьким, — писал Лев Никулин, — был одинаково интересен для ученого и для рабочего-ударника, для писателя, артиста, художника и для пионера-подростка».

Интересно, что сам, в совершенстве владея искусством беседы, Горький с большой теплотой и радостью подмечал эту черту у других. В своих «Литературных портретах» он рассказывает, как однажды Чехова посетили три пышно одетые дамы, которые пытались начать некий «высокоинтеллектуальный» разговор.

— Антон Павлович! А вы как думаете, чем кончится война?

Чехов покашлял, подумал и мягко ответил:

— Вероятно — миром...

— Ну да, конечно! Но кто же победит? Греки или турки?

— А кого вы больше любите — греков или турок? — спросила другая.

Беспредметный и томительный для всех разговор продолжался еще какое-то время, пока Чехов сам не перестроил его, заведя речь о вещах более простых и близких его собеседницам.

— Я люблю мармелад, — неожиданно сказал он. — А вы — любите?

— Очень! — оживленно воскликнула дама.

— Он такой ароматный! — солидно подтвердила другая.

И все три оживленно и с облегчением заговорили о мармеладе, очень довольные тем, что не нужно напрягать ум и притворяться серьезно заинтересованными высокими международными проблемами, о которых до этой минуты они и не помышляли.

— Вы славно беседовали! — заметил Антону Павловичу Горький, когда они ушли.

Чехов рассмеялся:

— Нужно, чтоб каждый человек говорил своим языком...

«Другой раз, — рассказывает Горький, — я застал у него молодого, красивенького товарища прокурора. Он стоял перед Чеховым и, потряхивая кудрявой головой, бойко говорил:

— ...Рассказом «Злоумышленник» вы, Антон Павлович, ставите передо мной крайне сложный вопрос. Если я признаю в Денисе Григорьеве наличность злой воли, действовавшей сознательно, я должен, без оговорок, упечь Дениса в тюрьму, как этого требуют интересы общества. Но он дикарь, он не сознавал преступности деяния, мне его жалко! Если же я отнесусь к нему как к субъекту, действовавшему без разумения, и поддамся чувству сострадания, — чем я гарантирую общество, что Денис вновь не отвинтит гайки на рельсах и не устроит крушения? Вот вопрос! Как же быть?

Он замолчал, откинул корпус назад и уставился в лицо Антону Павловичу испытующим взглядом. Мундирчик на нем был новенький, и пуговицы на груди блестели так же самоуверенно и тупо, как глазки на чистеньком личике юного ревнителя правосудия.

— Нет, уважаемый Антон Павлович, — вопрос, поставленный вами, может быть разрешен только в интересах общества, жизнь и собственность которого я призван охранять. Денис — дикарь, да, но он — преступник, — вот истина!

— Вам нравится граммофон? — вдруг ласково спросил Антон Павлович.

— О да! Очень! Изумительное изобретение! — живо отзывался юноша.

— А я терпеть не могу граммофонов! — грустно сознался Антон Павлович.

— Почему?

— Да они же говорят и поют, ничего не чувствуя. И все у них карикатурно выходит, мертво... А фотографией вы не занимаетесь?

Оказалось, что юрист — страстный поклонник фотографии: он тотчас же с увлечением заговорил о ней, совершенно не интересуясь граммофоном, несмотря на свое сходство

с этим «изумительным изобретением», тонко и верно подмеченное Чеховым. Снова я видел, как из мундира выглянул живой и довольно забавный человечек...»

Так, направив разговор на темы, интересные для его собеседников, Чехов умел помочь человеку быть самим собой.

Многие люди великого ума и доброго сердца владели этим ключиком, который заставлял других раскрываться перед ними. «Он умел быть душой дружеской беседы, — вспоминал об Энгельсе один из его современников. — Энгельс мастерски создавал такую обстановку, в которой каждый чувствовал себя легко и приятно».

Как-то к К. Марксу прибыл делегат из Испании. О чем же стал с ним говорить Маркс, когда деловая часть беседы была окончена: о себе, о своих заботах или делах? Нет. Маркс заговорил с ним о том, что он считал, будет интересным и важным для его собеседника, — об испанской литературе, об испанском театре.

«Его умение подойти к людям, — писал один из друзей Маркса, — дать им почувствовать, что он интересуется всем тем, что интересует их, было удивительно. Я слышал, как люди самых различных положений и профессий говорили о его особенной способности понимать их и разбираться в их делах».

Но Маркс, который часами мог беседовать со своими единомышленниками на самые сложные философские темы, обсуждать политико-экономические проблемы или вопросы рабочего движения, сразу прекращал эти разговоры, едва появлялся кто-нибудь непричастный к этим интересам. Особенно если приходила женщина.

— Это не для молодых дам, — непреклонно заявлял он, — мы поговорим как-нибудь потом.

В таких случаях Маркс требовал, чтобы велся общий разговор, то есть «разговор в равной мере интересный для всех его участников».

Суметь повернуть разговор так, чтобы он пошел по руслу, интересному для собеседника, в этом и заключается великое искусство беседы, искусство общения с людьми. И поэтому, если вы действительно уважаете человека и прежде всего думаете о нем, а не о себе, вы, конечно, постараетесь, чтобы разговор велся о вещах, важных и близких ему.

Впрочем, мы покрывали бы душой, если бы поставили на этом точку. Нет человека, который был бы совершенно неинтересен. Каждый человек, встречаемый нами, — это своего рода нераскрытая книга. И нужно уметь заставить ее раскрыться.

Вот почему искусство беседы — это нечто большее, чем просто умение приятно провести время. Это искусство раскрывать человеческую душу. И тому, кто причастен этому, знакома удивительная радость — ощутить эмоциональную и духовную общность с другим человеком.

4. Вопросы, которые можно было бы назвать частными

Несомненно, что, когда первые разумные существа с других планет попадут на Землю, многие наши обычаи и привычки покажутся им весьма странными. С каких позиций здравого смысла можно, например, объяснить то, что мы к одному человеку обращаемся, как к нескольким.

— Скажите, пожалуйста, который час?

Условность такого множественного обращения давно уже притупилась и потеряла для нас свой смысл. Так же мало удивления вызывают у нас случаи, когда один человек называет себя «мы». Для этого достаточно стать автором какого-либо труда или статьи. И тогда вы можете спокойно писать «нам кажется», «по нашему мнению», «мы считаем». Сможете ли вы объяснить марсианину, какой логикой руководствуется здесь человеческое восприятие?

Впервые в России обращаться со своими подданными на «вы» стал Петр I. Новизна такого обращения ощущалась тогда очень непосредственно. Помните Правдина и Стародума из «Недоросля»? Правдин обращается к Стародуму на «вы», тот же по старинке говорит ему только «ты», а в ответ на недоумение Правдина поясняет: «Отец мой воспитал меня по-тогдашнему, а я не нашел и нужды себя перевоспитывать»...

С тех пор, однако, как новое обращение прижилось в России, «ты» и «вы» превратилось в своего рода индикатор, отражавший общественное положение человека. Особенно соблюдалось это различие во всевозможных административных и судебных учреждениях. Ни одному чиновнику в царской России не могло бы прийти в голову обратиться к бедному или незнатному посетителю на «вы».

Однако когда нужно было подчеркнуть дистанцию, «ты» могло быть сказано и дворянину.

«Меня ввели в кабинет императора, который сказал мне: — Здравствуй, Пушкин...» — вспоминал поэт.

Было время, когда барин, обращаясь к лакею, к любому человеку, обслуживавшему его, говорил «ты».

Помните из пушкинских «Бесов» — «Эй, гони, ямщик!»? Именно «гони», а не «гоните» — только так разговаривали с ямщиками, половыми и прочими. Так от крепостных времен тянется гнусная привычка обращаться к человеку, занятому в сфере обслуживания, на «ты». Есть молодые люди, которые не видят ничего оскорбительного в том, чтобы говорить такое барственно-покровительственное «ты» водителю такси, пожилому гардеробщику, официанту, человеку, который пришел в квартиру чинить свет или водопровод. Не потому ли мы считаем себя вправе так держаться в отношении этих людей, что иногда даем им «на чай»? Но не слишком ли мелкая плата эти медяки за униженное человеческое достоинство?

Когда, наконец, поймут это и те, кто говорит «ты», и те, кто сносит это?

Такой же социальный смысл имеет обращение и в других языках. Вот почему, желая покончить с общественным неравенством, французская революция пыталась ввести всеобщее «ты».

Некоторые языки имеют специальные грамматические формы и даже особые личные местоимения для выражения уважения или, наоборот, пренебрежения. Так, в бенгали, языке современной Индии, кроме простого «я», существует еще и местоимение «я — униженное» со значением «я — ничтожный, я — жалкий». Кроме «ты», с которым обращаются к равному, в бенгали есть другое «ты» в значении русского «вы» — «ты — уважительное» и еще одно «ты» — «ты — презрительное, пренебрежительное». Эти личные местоимения существуют специально для общения с «низшими» — со слугами, нищими и др. Обратиться к такому человеку в иной форме, кроме «ты — ничтожное», значит поступить донельзя странно. Так же странно, как выглядел бы, например, в наших глазах поступок человека, который, для того чтобы спросить у прохожего, который час, опускался бы перед ним на колени.

Особой формой вежливости в некоторых языках является обращение к человеку в третьем лице.

— Пан понимает по-польски?

То же самое во французском:

— Мосье едет в Марсель?

А в старой прусской армии к старшему вообще было допустимо обращение только в третьем лице.

Сколько существует речь, столько, очевидно, существует и спутник разговора — жест. А по мнению некоторых исследователей, жест даже предшествовал появлению речи. Энергичный, красивый жест, который подчеркивает какую-то особенно важную мысль, никогда не может быть помехой в разговоре. Иного рода дело, когда во время беседы руки пускаются в ход для другой цели — чтобы привлечь внимание собеседника. Не о таком ли бестактном человеке писал Плутарх: «Он ухватит вас за край одежды, или коснется вашей бороды, или же будет похлопывать вас по плечу так, что оно приблизится к ребрам».

Принято считать, что указывать на кого-нибудь или что-нибудь одним пальцем — неприлично. А сделать это пятью пальцами, то есть вытянутой ладонью, почему-то считается вполне приличным. Почему? Едва ли кто-нибудь сможет ответить на этот вопрос. Точно так же неизвестно, почему в Центральной Африке на человека указывают вытянутой рукою ладонью вверх, а на зверя обязательно ладонью вниз. Интересно, что на вождя тоже следует указывать только ладонью вниз, что должно означать «большой, страшный зверь». Указать на вождя тем же жестом, что и на человека, значит безмерно оскорбить его.

Один из самых запутанных вопросов этикета — куда смотреть во время разговора. По старой китайской традиции во время беседы человек должен посмотреть в глаза старшего дважды — в момент прихода и прощаясь. В старой Корее и Китае во время разговора со старшим полагалось обязательно снимать очки. Не сделать этого — значило бы вести себя нагло.

В Европе, однако, бытовало совершенно противоположное представление о манере выражать почтительность в разговоре со старшим. В средние века в Англии, например, считалось, что, беседуя, следует смотреть вышестоящему прямо в лицо. Этой точки зрения придерживался и Эразм Роттердамский, автор «Похвального слова глупости», написавший, кроме этой сатиры, книгу по этикету.

Впрочем, само собой разумеется, манера «плялить глаза» никогда не была признаком хорошего тона. Если кто-нибудь привлекает ваше внимание, этого еще недостаточно, чтобы в упор разглядывать его, не думая о том, что самому объек-

ту вашего любопытства может быть и обидна и неприятна такая назойливость.

Нередко таким объектом повышенного внимания со стороны окружающих становятся знаменитые писатели, артисты.

«...шел я ночью по Аничкову мосту, — вспоминал Горький, — меня обогнали двое людей, видимо парикмахеры, и один из них, заглянув в лицо мое, испуганно вполголоса сказал товарищу:

— Гляди, — Горький!

Тот остановился, внимательно осмотрел меня с ног до головы и, пропустив мимо себя, сказал с восторгом:

— Эх, дьявол! В резиновых калошах ходит!»

Можно представить себе, как приятна была самому Горькому такая бесцеремонность.

Когда в Ялте отдыхающие узнавали А. П. Чехова, сидящего на лавочке с газетой, они останавливались и принимались в упор смотреть на него, как смотрят на слона или тигра в зоопарке. Раздосадованный писатель стал загораживаться от них, как ширмой, газетой, которую читал. Столь же мало удовольствия подобная назойливость доставляла Пушкину. «Бесцеремонное внимание, с которым я уставился на него, — писал один человек, видевший его за несколько дней до смерти, — произвело, должно быть, на него впечатление неприятное: он словно с досадой повел плечами и отошел в сторону». Впоследствии человек этот сам в должной мере был наказан и назойливым вниманием и бесцеремонным разглядыванием незнакомых прохожих и встречных. Этим человеком был молодой И. С. Тургенев.

Не случайно классический японский этикет, щадя чувства чужеземца, предписывал отвернуться или вообще стать к нему спиной. Непосвященному такое поведение может показаться невежливым, японцы же объясняют этот обычай нежеланием оскорбить незнакомого человека назойливым взглядом.

Если мы считаемся с чувствами самого человека, мы никогда не станем разглядывать его в упор. И уж во всяком случае, делать какие-то комментарии в его присутствии. Это тем более неблагородно, что сам человек не может выразить нам своего неудовольствия, как это делал в подобных случаях, например, Петр I. Однажды Петр находился на яхте, когда почти к самому ее борту приблизился шедший мимо иностранный корабль. Сделано это было для того, чтобы поглазеть на русского царя. На палубе толпились пассажиры, которые в упор, бесцеремонно принялись разглядывать Петра. Петр реагировал на эту назойливость весьма решительно. Он стал швырять в любопытных бутылки. Толпа шарахнулась, и корабль поспешно удалился.

Одним из первых морально-этических кодексов, которые создало человечество, являются написанные в древней Индии «Законы Ману». «Он не должен отвечать или разговаривать со своим наставником лежа на кровати, — читаем мы в одном из пунктов «Законов», — сидя во время еды, стоя далеко, с лицом, обращенным в сторону. Он должен делать это, поднимаясь, если его наставник стоит...»

Еще в древности считалось, что когда из двух разговаривающих один сидит, а другой стоит, то сидящий является старшим и более уважаемым. Этим приемом, подчеркивающим неравенство сторон, не раз пользовались политические деятели.

Вождь гуннов Аттила, например, желая показать свое грозное могущество, принимал византийское посольство и выслушивал его приветствия сидя, не поднимаясь с деревянной скамьи. А во время переговоров византийцев со скифами кочевники поставили условие, что они будут разговаривать, сидя на конях. Тогда, не желая поступиться своим достоинством и разговаривать с сидящими стоя, византийские дипломаты тоже взобрались на коней. Так и происходили эти переговоры — на равных условиях: сидящие разговаривали с сидящими.

Как мы знаем из учебников истории, Юлий Цезарь был убит. Но мысль об убийстве и заговоре созрела задолго до

той минуты, когда Цезарь упал под кинжалами убийц. Об эпизоде, послужившем одним из толчков к заговору, рассказывает Плутарх. «Как-то раз в сенате ему были декретированы какие-то чрезвычайные почести. Цезарь сидел, когда к нему подошли консулы и преторы вместе с сенатом в полном составе. Он не поднялся со своего места, а обратился к ним как к каким-нибудь частным лицам...»

Не только члены сената, но и все присутствовавшие были глубоко оскорблены этим жестом Цезаря. «Передают, — продолжает Плутарх, — что он хотел вначале встать, что и естественно, перед сенатом, но его удержал один из друзей или, вернее, льстецов, Корнелий Бальб, который сказал:

— Разве ты не помнишь, что ты Цезарь? Неужели ты не потребуешь, чтобы тебе оказывали почести, как стоящему выше их?»

Вскоре Цезарь понял, какую ошибку он совершил, и даже пытался как-то исправить ее. Но было уже поздно. Как писал один из исследователей, ответом на оскорбление сената была «непримиримая ненависть».

Когда звезда Наполеона еще только восходила, он был назначен командующим армией в Италии. В сопровождении своих адъютантов Наполеон быстрой походкой входит в штаб, где молодого командующего уже ожидают генералы. Насупленные, седые, прошедшие полжизни в боях и кампаниях, они сидят вокруг большого стола, на котором расстелена карта военных действий. Когда Наполеон вошел в комнату и приблизился к столу, ни один из них не пожелал встать перед двадцатипятилетним командующим. Тогда взбешенный Наполеон выхватил саблю и изо всей силы с грохотом обрушил ее на стол. Генералы вскочили. Только после этого Наполеон заговорил.

Прошли годы. И этот же человек, правда уже не просто командующий армией в Италии, а император Наполеон, принимает в Эрфурте великого немецкого поэта Гёте. Не изведавший еще горечи поражения, французский император упивается своей ролью победителя. Пруссия, Германия, поверженные, лежат у его ног. И теперь, желая унижить побежденных еще больше, он не приглашает Гёте даже сесть. Старому поэту пришлось разговаривать с императором стоя.

Но вот спустя полтора столетия мы с вами узнали об этом эпизоде. Прибавило ли это нашего уважения к прославленному полководцу? Нет, напротив.

Наше одобрение вызывают совершенно иные качества: предупредительность, внимание, которое человек, кем бы он ни был, оказывает окружающим.

Мы знаем о большой человечности и уважении к людям, свойственных В. И. Ленину. Но всегда ли помним мы о том, как ежедневно, ежеминутно проявлялись эти качества Владимиром Ильичем в общении с окружающими? Разные люди, встречавшиеся с Лениным, подметили, казалось бы, незначительную, но такую характерную деталь:

«Вошел Владимир Ильич, жестом пригласил меня сесть».

«Ленин поднялся из-за стола, поздоровался и указал нам, куда садиться».

«Владимир Ильич пригласил меня сесть и стал расспрашивать о жизни в плену».

«...пожал каждому из нас руку, усадил в кресла».

5. Человек против слова, и слово против человека

Я обидел человека, люди,
Нехотя, лениво, без вины...
Я забыл извечные основы,
Я не захотел себя сдержать
И дурное, ранящее слово
В грудь ему всадил по рукоять.

К. Кулиев

Одним из самых наказуемых преступлений, которые знала история, всегда было «преступление слова». Еще в древнеиндийских «Законах Ману» мы читаем: «Не должно даже в удрученном состоянии произносить слова, уязвляющие других... не должно произносить речей, которые устрашают других...»

На древнем Востоке говорили, что слово может убить. Исследования, проведенные в наше время, подтверждают это. Оказывается, многие болезни сердечно-сосудистой системы могут быть усилены и даже вызваны различными негативными переживаниями в результате обиды, оскорбления, грубого слова. Недаром И. П. Павлов такое большое значение в охране здоровья человека придавал хорошему настроению.

«Я врач, — писал лауреат Ленинской премии профессор Ф. Углов, — и свою задачу вижу в первую очередь в борьбе за продление жизни человека, а значит, и в борьбе со всем тем, что сокращает человеческую жизнь. В этой статье я хотел бы остановиться только на одной из таких причин. Эта

причина — грубость, вредное влияние которой на нервную систему и здоровье людей мы еще недооцениваем. Вспомните, разве нам не приходилось когда-либо видеть, как человек после грубого с ним разговора меняется в лице и уходит, держа руку за сердце?

С горечью приходится сознавать, что в отношении друг с другом люди часто позволяют себе бестактность и даже оскорбления. Грубость и оскорбления аморальны. Но они не только унижают достоинство человека, они тяжело отражаются на здоровье его. Сказывается это на нервной системе человека, но в первую очередь страдает сердце».

Недаром академик А. А. Богомолец писал, что «один из факторов долголетия — вежливость и хорошие отношения с людьми».

Грубости не должно быть места в нашей стране. Не только потому, что грубое слово не может быть способом общения между людьми, но и потому, что грубое, злое слово враждебно самому дорогому, что есть на свете, — человеческой жизни.

Человек, владеющий собой, никогда не позволит себе на брань ответить бранью. Обычно он находит другие и, кстати, более действенные формы ответа. Интересный исторический эпизод приводит Стефан Цвейг. Как-то Наполеон в присутствии всего двора накричал на Талейрана, бросая ему в лицо самые низкие ругательства, называя его вором, клятвопреступником и изменником, человеком, способным за деньги продать собственное отце. Талейран, ветеран революции, хитрый царедворец и первый дипломат Франции, неподвижен, он стоит с высокомерным видом и, кажется, не слышит всей этой брани. Когда Наполеон замолчал, Талейран, по-прежнему ничего не говоря, хромя, прошел по гладкому паркету в переднюю, где бросает одну убийственную фразу, которая бьет гораздо сильнее, чем все тирады Наполеона. Он говорит: «Как жаль, что такой великий человек так дурно воспитан», — и, набросив плащ, уходит из дворца.

Столь же высокую выдержку некогда проявил Перикл. Плутарх рассказывает, что однажды какой-то низкий и распущенный человек целый день бранил и поносил Перикла, но тот не обращал на него ни малейшего внимания, продолжал делать свои дела. Вечером, когда уже стемнело, Перикл приказал рабу с горящим светильником проводить этого человека до его дома. Этот жест, как и одна-единственная фраза, сказанная Талейраном, оказался сильнее целого каскада оскорблений.

Приятно отметить, впрочем, что есть народы, в лексике которых вообще нет ни бранных слов, ни выражений. Малайца, например, нельзя обидеть больше, чем фразой: «Как тебе не стыдно!» — или оскорбить, сказав ему: «Недостаточно воспитанный!»

Во всяком случае, оружие перебранки отнюдь не самое лучшее, да и владеть им мало чести. Вот почему нередко задача заключается именно в том, чтобы не позволить навязать себе подобное «оружие».

Бывают, однако, ситуации, в которых промолчать — значит поступить трусливо и подло. Речь идет о случаях, когда в вашем присутствии оскорбляют или плохо говорят о человеке, которого вы уважаете, или о чем-то, что для вас свято. Промолчать в таком случае — значит предать человека или идею.

Как-то во время прусско-шведской войны новгородский купец Иголкин оказался в плену у шведов. Он знал шведский язык и однажды услышал, как два шведских солдата, стоявших на часах, ругали Россию и Петра I. Купец потребовал, чтобы они замолчали. Солдаты отказались. Иголкин позвал унтер-офицера, пожаловался ему на часовых и попросил его запретить оскорблять его родину. Унтер-офицер рассмеялся в лицо пленному. Тогда купец, который был роста высокого и сильного телосложения, подошел к солдатам, вырвал у одного из них ружье и убил обоих.

Иголкина посадили на цепь. Шведские судьи, которым было передано это беспрецедентное дело, развели руками. Об этом случае рассказали Карлу XII. Шведский король велел привести к себе русского, а затем отпустил его на родину. В письме к Петру I Карл XII поздравлял императора с тем, что у него есть такие подданные.

Когда в Лондоне в доме Герцена кто-то стал плохо отзываться о поляках, Герцен гневно прервал говорившего:

— Я не позволю в моем доме нападать на Польшу! Это тем неделикатнее, что эта страна побеждена и что за этим столом сидят поляки.

В 1908 году в Варшавскую тюрьму был заключен человек, памятник которому сегодня вы можете увидеть на площади Дзержинского в Москве. Однажды он услышал, как жандарм оскорбляет женщину, политическую заключенную. Казалось, в ту минуту за нее некому было вступить: друзья ее за решеткой, она во власти врагов. Но Дзержинский сумел сделать это. Он принялся громко стучать в дверь своей камеры, а когда жандарм подошел, он, узник, жестоко отчитал его за грубость.

Конечно, нередко тот или иной человек может заслужить самого сурового осуждения, самого резкого слова. Речь здесь идет не об этом. Речь идет о той внутренней честности и мужестве, которыми обладали и Дзержинский и Герцен, о том, что так же мужествен и так же честен перед своей совестью должен быть каждый, не позволяя оскорблять в своем присутствии ни людей, ни идеи, которым он верен.

6. Умение спорить и искусство не спорить

— Мне следовало бы вас повесить! — в бешенстве воскликнул Наполеон, завершая этой фразой один из своих бурных разговоров с министром Фуше.

Как отнестся к этому предложению сам Фуше? Стал спорить и говорить, что его не нужно вешать? Единственное, на что он осмелился, это почтительно заметить:

— Я не разделяю мнения вашего величества!

Известен эпизод, когда русский аристократ Гагарин по какому-то пустяковому вопросу осмелился возразить Павлу I.

— Ты с ума сошел, спорить с ним! — укоряли его потом друзья. — Он тебя за это в Сибирь сошлет.

Среди людей более или менее равного социального положения нетерпимость к чужому мнению часто становилась поводом не только для ссоры, но и дуэли. Феодально-сословные понятия о чести были таковы, что любой пустяк, малейшее расхождение во взглядах толкали спорящих к барьеру. Причем нередко самые достойные и разумные люди готовы были скорее подставить свою грудь под пули, чем высказать уважение к мнению другого или признать собственную неправоту.

Нетерпимость к мнению другого стала манерой охранить непререкаемость своего авторитета, соблюсти собственное достоинство.

Один из разговоров Бисмарка с австрийским министром — президентом Рехбергом кончился тем, что Бисмарк в ярости, вскочив на ноги, воскликнул:

— Не можем же мы решать дипломатические вопросы наших государств в Бокенгеймском лесу с пистолетами в руках!

— Но мы можем тотчас поехать, я готов немедленно драться.

— Зачем нам ехать? — с холодной яростью возразил Бис-

марк. — Здесь в саду есть достаточно места, дело может быть сделано в четверть часа.

Задумывались ли вы когда-нибудь, почему дурака считают дураком? Г. Флобер дал блестящее определение этого понятия. «Дурак, — иронизировал он, — это всякий инакомыслящий». И действительно, каждый обыватель совершенно бесспорно убежден, что любой, кто придерживается мнения, противоположного его собственному, тот непременно глупец, дурак, человек, чья точка зрения недостойна ни малейшего уважения.

Ньюгону принадлежит фраза: «Только большое знание приближает к богу, малое знание только отдаляет от него». И действительно, только человек, обладающий обширными познаниями, может понимать всю их относительность. Дилетанту же, верхогляду кажется, что он знает все. Вот почему он всегда считает себя, безусловно, правым. Вот почему люди по-настоящему широкого кругозора и большой культуры, наоборот с вниманием и уважением относятся к точке зрения другого. Даже когда она расходится с их собственной.

В истории политической жизни едва ли был человек, которому приходилось бы столько спорить, как Ленину. Мы знаем, что он был человеком, отличавшимся величайшей непримиримостью к политическим противникам и врагам революции. Но Ленин всегда умел видеть четкую грань между врагом и ошибающимся товарищем. Вот почему, ни на йоту не поступаясь своей принципиальностью, он с такой бережностью относился к чувству собственного достоинства оппонента, в котором не переставал видеть соратника по общему делу, по партии. По словам одного старого большевика, «Владимир Ильич сам в высшей степени обладал чувством собственного достоинства и в каждом человеке он умел его ценить и оберегать». Пуская в споре в ход весь арсенал своего полемического оружия, всю глубину своей мысли и железной логики, Ленин умел победить, «не задевая самолюбия, не обескураживая».

В свое время Ленину немало пришлось поспорить с молодым английским революционером, которого звали Уильям Галлахер. Впоследствии У. Галлахер, председатель Коммунистической партии Великобритании, крупнейший деятель международного рабочего движения, вспоминал: «Ленин, ведя непримиримую принципиальную критику моих установок, каждый раз пользовался случаем помочь мне, сказать что-нибудь такое, что значительно облегчало бы трудное положение, в которое меня завели мои ошибочные взгляды».

Такое же отношение к точке зрения другого было харак-

терно и для соратников Ленина — для Дзержинского, Свердлова, который всегда «уважал чужое мнение».

Мы знаем, каким страстным спорщиком был Маркс. Но и он «свое неодобрение никогда не выражал в резкой или оскорбительной форме: правда, в споре он, словно в турнире, сбивал противников с коня, но никогда не повергал их в прах».

И Маркс и Ленин поступали так по единственной причине. Потому что в каждом человеке, с чьим мнением они сталкивались, они видели существо, равное себе, существо, в той же мере наделенное и чувством собственного достоинства и самолюбием.

Когда человек ошибается, можно по-разному указать на его ошибку. Можно сделать это максимально тактично, а можно сделать это так, что мера горечи и обиды намного превысит меру пользы. Случается так? К сожалению, да. Причем нередко мы обижаем человека даже не из злого умысла, а просто в силу величайшего пренебрежения к чувствам другого. Всякий раз, когда мы поступаем с человеком грубо или бестактно, это роняет в душу его семена такой же грубости и бестактности.

И наоборот.

Вот Короленко читает рукопись молодого Горького. Впрочем, даже еще и не Горького, а безвестного Алексея Пешкова, одного из многих, нередко случайных, а зачастую и бесталанных посетителей, осаждавших в те годы известного писателя.

— Тут у вас написано «зизгаг», — заметил Короленко, — это... очевидно, описка, такого слова нет, есть — «зигзаг».

«Маленькая пауза перед словом «описка», — вспоминал позднее М. Горький, — дала мне понять, что В. Г. Короленко — человек, умеющий щадить самолюбие ближнего».

Когда Короленко нашел еще несколько таких же «описок», Горький мучительно покраснел. Заметив, как это ему неприятно, Короленко тут же, чтобы смягчить неловкость, стал рассказывать о каких-то ошибках Глеба Успенского. «Это было великодушно», — вспоминал потом Горький.

Оставил ли этот эпизод след в сердце молодого Горького? Прошли годы: провинциальный юноша, робко переступивший некогда порог кабинета Короленко, превратился в писателя с мировым именем. В двадцатых годах Горький большое внимание уделял издательскому делу. В то время «Всемирная литература» издавала собрание сочинений О. Уайльда с вступительным очерком Корнея Чуковского. Прочтя очерк, М. Горький направил автору детальное пись-

мо, в котором, в частности, писал: «...Извиняюсь за то, что позволил себе исправить некоторые описки в тексте статьи».

«Замечательная в этой редакции ее деликатность, — много лет спустя писал К. Чуковский. — Выправив в тексте статьи ее стилистические и всякие другие погрешности, он извинялся, что «позволил себе исправить» некоторые допущенные мною описки. Описками он назвал их опять-таки в силу своей деликатности: то были не описки, а ошибки».

Естественно, человек легче принимает критику в свой адрес, когда она делается в товарищеском, благожелательном тоне. И наоборот, самые справедливые замечания, сделанные бестактно, в оскорбительной, обидной манере, чаще всего способны вызвать только упорство и ожесточение. Об этом нужно помнить. И вы всегда будете помнить об этом, если вами руководит искреннее стремление поправить товарища, принести пользу человеку и делу.

7. Доброе слово

«— Ранил ли я ее? — спросил белый охотник проводника-туземца во время охоты на антилопу.

— Да, — отвечает тот, — пуля попала ей прямо в сердце!

— Но ведь она убежала!

— Да, убежала.

— Зачем же ты говоришь неправду, что я попал?

— Но вы же мой хозяин, и я думал, что вам будет неприятно, если я скажу, что вы все время стреляете мимо».

Этот диалог приводит в своих записках известный путешественник и географ Д. Ливингстон. Как мы видим, по крайней мере один из участников этой беседы понял ту примитивную истину, что каждый человек любит, когда ему говорят приятные вещи. Особенную склонность к этому во все времена проявляли различные правители и владыки. Это породило даже своего рода направление в придворном этикете, наложило отпечаток на литературу и искусство. Недаром в России в Проекте Уложения 1754 года особо оговаривалось, что наказанию плетью подлежат убийцы, а также художники, неискусно пишущие царские портреты. И это была не пустая угроза.

В 1835 году в России была отчеканена монета, на которой

изображалась императорская семья. Императрица выглядела на ней старше своих лет. Это было равно неприятно как ей самой, так и ее царственному супругу Николаю I. Моне-та была запрещена, а чеканщик, повинный в том, что не польстил стареющей императрице, был забит до смерти. Такова была кара тому, кто не сумел сказать приятное сильному мира сего.

Еще древние заметили, как легко откликаются на лесть простодушные женские сердца.

«Если ты желаешь надолго сохранить любовь своей подруги, — иронически советовал Овидий, — если она одета в кирский пурпур, восторгайся этой материей. Сошьет ли она себе платье из ткани острова Косе, скажи, что такое платье идет ей великолепно.

Если она наденет зимнюю шубу, хвали меха.

Если она, причесавшись, спустила волосы на лоб, скажи, что тебе нравится подобная прическа.

Если она завита, воскликни:

— О, чудная завивка...

Словом, восхваляй все и выражай свое восхищение дрожащим голосом».

Японский бытовой этикет специально предусматривает, чтобы гость говорил хозяину приятные вещи. Чтобы облегчить ему эту задачу, хозяйка принимается обычно весьма пренебрежительно говорить о том, что она подала на стол. Исполненный уважения, гость горячо возражает ей. Тогда сам хозяин начинает так же пренебрежительно говорить о хозяйских или кулинарных способностях своей жены или даже об уме и способностях своего сына. Вежливый гость должен не соглашаться с этим. Это тот единственный случай, когда он может даже вступить в спор с хозяином, не рискуя обидеть его.

Все эти формы «говорения приятных вещей» — и обнаженная придворная лесть, и комплименты дамам, и даже некоторые национальные правила бытового этикета имеют в своей основе нечто общее, что объединяет их. Этим общим является неискренность. Точнее, искренность не является обязательным условием того, что говорится. Лстить кому-то — это значит говорить ему то, что он думает о себе сам. С величайшей иронией писал об этом английский писатель Г. Филдинг: «Нам всегда особенно нравится лесть, когда она касается качеств, которых нам недостает. Скажите дураку, что он очень умный, и плуту, что он честнейший человек на свете, и они заключат вас в свои объятия». Лесть всегда была оружием слабого, поэтому лстящий расписывается тем

самым в собственной никчемности и бессилии. Точно так же только человек, не способный личными качествами привлечь внимание и расположение женщины, вынужден покупать его готовым набором дешевых комплиментов. И только не очень умная женщина может не видеть унижающей ее фальши подобных восклицаний. А какая безмерная приниженность, сколь полная утрата человеческого достоинства могли породить такое жизненное кредо, как молчалинское: «Угодить всем людям без изъятия»!

В мире, основанном на зависимости, на господстве человека над человеком, неизбежно должен был появиться подобный принцип «всеобщего угождения». Это своего рода защитная реакция, продиктованная инстинктом самосохранения. Приходится ли удивляться, что пресловутая «приятность обхождения» безотносительно к искренности превратилась там в ту норму человеческих отношений, где каждый шаг, каждое слово отмечены ложью. Хорошо это или плохо, когда по безукоризненной манере держаться со всеми вы никогда не узнаете, как же относится к вам человек в действительности? Ясно, однако, что эти нормы взаимной неискренности не имеют ничего общего с истинным уважением людей друг к другу. Недаром К. Маркс в ответ на вопрос, какой человеческий недостаток внушает ему наибольшее отвращение, не задумываясь, ответил: угодничество.

Между лживой лестью и добрым словом, искренне сказанным человеком, лежит пропасть. По одну сторону этой пропасти мы увидим Молчалина, увидим сверкающую позументами толпу угодливых придворных, кавалеров, лживыми голосами расточающих привычные комплименты. В этой же пестрой компании мы без труда различим и людей в современных костюмах. Это подхалимы, неумирающие объекты всесокрушающего меча сатириков.

Но все это по ту сторону. А по другую?

По другую — стоит Доброе Слово.

Ялта. Поздний летний вечер. На веранде за столом сидит человек и что-то пишет. Пройдет всего несколько лет, и на наружной стене этого дома появится мемориальная доска. Но сейчас ее еще нет. Чехов еще жив. Густые, темно-фиолетовые чернила в свете керосиновой лампы кажутся черными. «Сим извещаю Вас, — пишет Чехов, — что Вашу повесть читал Л. Н. Толстой, и что она ему очень понравилась».

Куприн отмечал в воспоминаниях, что Чехов никогда не упускал случая сообщить человеку приятное для него известие. Непримируемый ко всякой лжи и фальши, Чехов всегда был искренним в проявлении внимания к человеку.

— Вот еще что, — просил он как-то одного из своих ялтинских друзей, — сегодня приехала сюда артистка Медведева. Очень добрая старушка. Она уже давно не играет, начинают ее забывать. Напишите в «Крымском вестнике» маленькую заметку, что «В Ялту приехала заслуженная артистка императорских театров Медведева». Пожалуйста, вам это ничего не стоит. А старушке польстит. Ей будет приятно убедиться, что ее знают и не забывают.

Как-то Маяковский прочел в «Комсомольской правде» стихи М. Голодного. Стихи понравились ему. Что делает Маяковский? Он посылает поэту телеграмму, в которой поздравляет его с удачей.

В другом случае Маяковскому попало стихотворение «Пирушка» Михаила Светлова.

И снова он не успокоился, пока не позвонил М. Светлову и не сказал, как понравилось ему это стихотворение. Можно было бы привести много подобных фактов из жизни поэта. Это не просто цепь эпизодов, это линия поведения.

Маяковский поступал так потому, что знал, как много радости приносит человеку заслуженная похвала, и старался не лишать людей этой радости. Но дело не только в том, чтобы сделать кому-то приятное. Иногда доброго слова, сказанного человеку вовремя, в нелегкую для него минуту, оказывается достаточным, чтобы изменить всю его судьбу.

Ибо велика сила слова.

На одной из фабрик Неаполя работал мальчик. Он мечтал стать певцом. Но первый же преподаватель, к которому он обратился, горько разочаровал его.

— Ты не можешь петь! — хмуро сказал он. — У тебя совсем нет голоса.

И только его мать, бедная крестьянка, которая ничего не понимала в высоком искусстве вокала, говорила ему, что он будет певцом, что он добьется своего, что с каждым днем он поет все лучше. Она ходила босиком, чтобы сэкономить и заплатить еще за несколько уроков учителю пения. Когда никто не верил в его талант или были глубоко равнодушны, только доброе слово этой бедной женщины сохранило для мира великого певца. Вы знаете его имя и слышали его песни. Это Карузо.

Можно рассказать и о других случаях, когда доброе слово приходило на помощь людям. В прошлом веке по улицам Лондона скитался бедно одетый подросток. Его звали Чарльз. Отец его был в долговой тюрьме, а сам он с детства познал, что такое голод. С большим трудом ему удалось получить работу. Целый день до поздней ночи Чарльз наклеивал этикет-

ки на банки с гуталином. Но поздно ночью, а иногда по праздникам тайком он писал рассказы. Первую свою рукопись он отправил в журнал по почте, потому что боялся, что над ним будут смеяться. Ответа долго не было, потом пришел отказ. Так один за другим были отвергнуты все его рассказы.

Но в конце концов настал день, когда первое его произведение было принято. Правда, он не получил за него ни пенни, но издатель сказал мальчику несколько ласковых, ободряющих слов. Он сказал ему то хорошее, что могло быть сказано о его рассказе, не более. А мальчик стоял потом на улице и плакал, вспоминая эти слова. Может, не скажи ему издатель этого, ничто больше не толкнуло бы Чарльза снова взяться за перо. И тогда для нас с вами не существовало бы писателя, по имени Чарльз Диккенс.

А в более близкое к нам время, в начале нашего века, в Англии на одном из торговых складов служил безвестный клерк с довольно широко распространенной фамилией Уэллс. Каждый день он вставал в пять утра, а его рабочий день продолжался по четырнадцать часов. В жизни его не было ни проблеска надежды, ни ожидания чего-нибудь лучшего. Через два года он не выдержал, он был на грани самоубийства, он написал своему старому школьному учителю. Что ответил ему учитель? Стал утешать? Нет. Он просто написал своему бывшему ученику то хорошее, что знал о нем. Это не было лестью, но зато это было правдой, той хорошей, доброй правдой, которую мы нередко знаем о человеке, но почти никогда не говорим ему. Учитель писал, что считает его умным и настойчивым юношей, что он достоин лучшей судьбы и должен ее добиться. Эти искренние и добрые слова, сказанные в трудную минуту, решили судьбу клерка, по фамилии Уэллс. Возможно, вы догадались уже, что речь идет об Уэллсе, Герберте Уэллсе, известном авторе многочисленных научно-фантастических повестей и рассказов.

Но даже когда мы бываем не в силах помочь человеку, ничто не может быть ему так дорого, как несколько искренних, ободряющих слов, слов участия.

Как-то у Льва Толстого состоялся в Ясной Поляне такой разговор с крестьянином Гордеем Деевым:

— Что ты невесел, Гордей, о чем закручинился?

— Горе у меня большое, Лев Николаевич, жена моя померла.

— Что ж, молодая она у тебя была?

— Нет, какой молодая, на много лет старше: не по своей воле женился.

— Что ж, работница была хороша?

— Какое! Хвора́я была. Лет десять с печи не слезала. Ничего работать не могла.

— Ну так что ж? Тебе, пожалуй, теперь легче станет?

— Эх, батюшка, Лев Николаевич, как можно легче! Прежде, бывало, приду в какое ни есть время в избу с работы или так просто — она с печи на меня, бывало, посмотрит да и спрашивает: «Гордей, а Гордей! Да ты нынче ел ли?» А теперь уже этого никто не спросит...

Человеческое участие. Этому нельзя научиться специально, как невозможно научиться иметь доброе сердце.

В мае 1908 года Дзержинский находился в заключении в одиночной камере. Стальные решетки и запертые двери отделяли его от свободы. В этот весенний вечер Дзержинскому было особенно тоскливо. Ловя последний свет уходящего дня, он придвинулся с книгой к самому окну. Вдруг снаружи послышались шаги. Это был часовой. Незнакомый человек в солдатской шинели прильнул к зарешеченному окну:

— Скучно вам? Заперли и держат?

Казалось бы, небольшой эпизод, было сказано всего несколько слов. Но как дороги, как бесконечно дороги были они Дзержинскому в ту минуту!

Доброе слово, сказанное нам, надолго западает в память, многие годы носим мы его в своем сердце.

Но почему в нашей повседневной жизни мы бываем так предельно скупы на доброе слово? В силу то ли какой-то сдержанности, то ли стыдливости мы не говорим обычно человеку вслух того доброго слова, которого он бывает достоин.

А может, причиной тому не сдержанность и не стыдливость, а равнодушие?

Если бы мы так же стеснялись говорить грубое слово, как стыдимся порой сказать человеку то доброе, что он заслужил!

Читая эти строки, задумайтесь на минуту. Вспомните о ваших знакомых, ваших друзьях, о всем хорошем, что вы знаете о них и цените в них. А теперь скажите, часто ли слышали они от вас то доброе, что вы думаете о них?

Мы говорим не об отдельных эпизодах, а о линии поведения. Мы говорим о внимании к людям, о добром слове, как о манере выразить это внимание.

ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Е

1. „Пусть ест шуба!“

Есть ли у вас перчатки? Наверное, есть. Тогда по понятиям, бытовавшим в России еще в XVII веке, вы должны быть весьма важным человеком. Дело в том, что в то время носить перчатки, или «персчатые рукавицы», было высокой привилегией, преимуществом царей и людей особо знатных. Всем прочим надлежало обходиться без перчаток.

Это же относилось и к ожерельям. Из мужчин их смели носить только царские особы и члены царской семьи.

Иными словами, если бы вы могли надеть ожерелье, натянуть на руки перчатки и отправиться в XVII век, то, по всей вероятности, были бы встречены там с величайшим почтением. Почему?

В обществе сословном, в обществе классовом наряд человека служил своего рода «знаком различия». По тому, как одет человек, всегда более или менее точно можно было оп-

ределить, какое социальное положение он занимает, к какой общественной группе принадлежит. Это характерно и для самых ранних этапов общественной организации. Вот почему вождь какого-нибудь африканского племени в ответ на вопрос европейского путешественника о том, кто он, с достоинством указывал на наброшенную на свои плечи шкуру леопарда:

— Разве ты не видишь, что это?

Шкура леопарда, обозначающая царское достоинство, считалась исчерпывающим ответом.

В России во времена Екатерины II точно так же носить туфли на красных каблуках было привилегией людей знатного происхождения. А за двести лет до этого, при Иване Грозном, каждая женщина знатного происхождения, дабы никто не усомнился в ее высоком положении в обществе, должна была носить по три платья, надетых одно поверх другого. Казалось бы, трудно придумать что-нибудь неудобнее такого наряда. Но творческая мысль, как известно, не стоит на месте, даже когда, возможно, ей и следовало бы. И вот у каждого платья, надетого одно поверх другого, начинают удлиняться рукава. Они становятся все длиннее, спускаются ниже пальцев, касаются земли, наконец достигают длины в восемь-десять локтей.

Женщине в таком наряде трудно даже взять что-нибудь в руки. Предварительно нужно долго собирать рукава «в гармошку». Ясно, что в таком наряде много не поработаешь. Да, собственно говоря, для этого он и не был предназначен. Даже, наоборот, своим преднамеренным неудобством одежда эта как бы подчеркивала, что тому, кто носит ее, утруждать себя работой не приходится. Постыдным было не безделье, а то, если кто-либо не подчеркивал этого своего качества. «И если бы которая оделась в одно платье, — писал некий иезуит, побывавший в России тех лет, — то сие приписывалось бы ее неблагопристойности и даже бесстыдству и почиталось бы как великое бесчестие».

Таким же признаком безделья и, следовательно, высокого общественного положения в старом Китае были длинные ногти. А для того чтобы эти хрупкие, закрученные, как штопор, символы «ничегонеделания» не сломались, на них надевали специальные футляры.

Не правда ли, странно звучит для нас сегодня, что безделье некогда считалось не позором, а даже достоинством!

Когда царь персов Камбиз победил египтян, он не мог больше унижить побежденных, как заставив дочерей фарао-

на и знатнейших сановников взять кувшины и идти по воду. Он заставил присутствовать при этом их отцов, которые били себя в грудь и рыдали при виде подобного унижения: детей самых знатных, самых богатых семей заставляли совершать «позорное дело» — работать!

Однако, прежде чем изумляться нравам прошлого, давайте обратимся к некоторым обычаям нашего времени. Почему, например, собираясь на какой-нибудь торжественный вечер, мы, мужчины, непременно облачаемся в белые сорочки? Именно в белые, не в черные, не в красные и не в желтые.

Как ни странно, белым сорочкам отдается такое предпочтение именно в силу весьма существенного их недостатка — они быстро пачкаются. Вот почему ходить в белом мог позволить себе только человек неработающий, в крайнем случае занятый «чистым трудом». Недаром на Западе существует сейчас даже особый термин «белые воротнички», которым обозначают служащих и чиновников.

Так первоначально белая сорочка возникла как признак привилегированности, особой респектабельности. Мода эта получила распространение среди различных социальных групп как попытка казаться принадлежащим к другому, более высокому слою общества. Естественно, сейчас эта подоплека давно забыта. Сегодня белая сорочка порождает у нас совершенно иные ассоциации — ощущение праздничности, известной парадности, торжественности.

Мы говорим об одежде как о способе подчеркнуть свое положение в обществе.

Находясь на вершине социальной лестницы, монархи подчеркивали свое превосходство и внешним обликом и платьем. Можно представить себе, какой сложной задачей было это подчас — выделиться своим нарядом среди толпы блестящих придворных, облаченных в платья, порожденные самой изысканной фантазией лучших модельеров и портных.

Точно так же, когда наполеоновский маршал Мюрат с непостоянством капризной женщины менял наряды, облачаясь в самые роскошные мундиры, это было нечто большее, чем проявление его личных вкусов или склонностей. Во время прусской кампании он выписал себе из Парижа одних только перьев на огромную сумму — 27 тысяч франков! Блистательный маршал прибегал к этому условному языку в силу все той же социальной символики: пышностью своего мундира он должен был подчеркивать свое высокое положение в империи.

Вполне логично, что в сословных обществах именно мундир, роскошный мундир, становится обязательным атрибутом

высокого социального положения. Мундир сановника, офицера, жандарма, мундир дворянина. «Честь мундира» была не чем иным, как честью и достоинством той или иной социальной группы.

И горе было тому, кто не проявлял к мундиру должного уважения. Супруга Огарева приводит в своих воспоминаниях следующий эпизод, происшедший во времена Николая I.

Некий граф, будучи приглашен на раут к своим близким знакомым в Петербурге, имел неосторожность явиться в пиджаке. На беду, там же вскоре появился Николай I. Заметив в толпе облаченных в мундиры гостей графа, он тут же подошел к нему.

— А, мой дорогой граф, как вы разделись! Как это называется?

— Пиджак, ваше величество, — смущенно ответил тот.

— Как?

— Пиджак, ваше величество.

— Недурно, но какая разница с военным мундиром?

Через некоторое время царь опять оказался вблизи графа.

— А, граф! Как же называется ваш костюм?

— Пиджак, ваше величество.

— Как?

— Пиджак, ваше величество.

Походив еще по залам, Николай опять заметил графа и снова направился к нему. Несчастный граф попытался спрятаться за колонну, но было поздно.

— Дорогой мой граф, как же называется ваше одеяние? Сегодня у меня что-то плохо с памятью.

— Пиджак, ваше величество! — в отчаянии повторил граф.

— Как? Очень трудно запомнить это слово.

— Пиджак, ваше величество.

Едва царь отошел, как незадачливый граф постарался незаметно уехать.

Однако император всероссийский далеко не всегда ограничивался столь гуманными мерами. Так, заприметив на балу у французского посланника Пушкина во фраке, он не побоялся лично обратиться на это внимание шефа жандармов Бенкендорфа: «Вы могли бы сказать Пушкину, — писал царь, — что неприлично ему одному быть во фраке, когда мы все были в мундирах, и что он мог бы по крайней мере завести себе дворянский мундир; впоследствии в подобных случаях пусть так и поступает».

В обществе, где каждый старался облачиться в мундир, подчеркивая свое высокое служебное или общественное положение, трудно приходилось тому, кто пренебрегал этим.

Нередко он был обречен на неприятные минуты. Так, Пушкин во время своего пребывания в Кишиневе чаще всего оказывался единственным штатским из сидящих за столом. Следуя установившимся представлениям, прислуга обычно обносила его или подавала ему в последнюю очередь. Такой же эпизод Пушкин приводит в своем «Путешествии в Арзрум», когда его пригласил отобедать известный гастроном генерал Стрекалов. Как и везде, блюда за столом разносили по чинам. «Слуги так усердно меня обносили, — с горьким юмором писал поэт, — что я встал из-за стола голодный...»

Возможно ли придумать более тонкую иронию, чем эта! И как, наверное, усмехалась Судьба, видя рядом с поэтом величественное самодовольство расшитых позументами заурядностей, чьи лица и сами имена исчезли из памяти людей еще раньше, чем дожди и ветры разровняли их могилы, разбросанные по просторам Российской империи.

Так наряд человека, чисто внешние атрибуты сплошь и рядом ставились превыше его самого. Это естественно для общества, в котором место каждого определялось не его личностью, а сословным и имущественным положением. А то и другое проявлялось в том, как человек одет. Помните Полония из «Гамлета», дающего наставления своему сыну?

Шей платье по возможности дороже...
По виду часто судят человека.

На Востоке есть притча о Ходже Насреддине, попавшем однажды на пир к какому-то баю. Мудрец одет был бедно, поэтому ему отвели одно из последних мест, где ему доставались лишь объедки. Тогда Насреддин незаметно ушел домой и, надев самую дорогую свою шубу, вернулся на пир. Увидев богато одетого гостя, сам хозяин распорядился, чтобы его усадили вблизи него. Теперь проворные слуги ставили перед Ходжой одно за другим самые вкусные яства. Что же делает Ходжа? Сняв шубу, он принимается потчевать ее, приговаривая:

— Кушай, моя шуба, кушай, не стесняйся! Отведай этого плова. Как он тебе нравится?

Когда пораженный бай спросил гостя, зачем он это делает, Ходжа, поведав, как его приняли в первый раз, невозмутимо пояснил:

— Раз шубе почет, а не мне, пусть она и ест!

Но, увы, сколько раз человеку достойному, но бедно одетому пришлось еще оказаться на месте Насреддина!

Вот почему, когда в Европе стал подниматься класс буржуа, разбогатевшие лавочники и торговцы прежде всего старались одеться как настоящая знать. Началась «охота» за нарядами, как за атрибутами респектабельности. Достаточно вспомнить Журдена, мольеровского «мещанина во дворянстве». Что делает он, стремясь приобщиться к верхам общества? Приглашает портного.

Для Журдена наряд «такой же, как носят все настоящие аристократы», — предмет бесконечной гордости и тщеславия.

В этой пьесе есть сцена, когда подмастерье, обращаясь к Журдену, называет его «ваша милость».

— Ваша милость, — восклицает Журден. — Вот что значит одеться по-господски! А будете ходить в мещанском платье — никто вам не скажет «ваша милость».

Оберегая свою кастовую исключительность, аристократы отгораживались от разбогатевших выскочек фамильными гербами, дворянским званием, родовыми поместьями. Известен даже целый ряд законов, имевших ту же цель, — закрепить в одежде внешние признаки социального неравенства. Законы эти предусматривали самые строгие регламентации в отношении платья.

Еще Петр I в «Табели о рангах» писал, чтобы каждый чиновник одевался в соответствии со своим служебным положением, не хуже и не лучше, а «как чин и характер того требует». Позднее, при Елизавете, правило это распространилось и на жен чиновников. Изданный в 1742 году Елизаветой указ позволял только «особам первых пяти классов» ношение шелка, парчи или кружев. Причем кружева должны быть не шире четырех пальцев. Принадлежавшие к третьему классу могли шить одежду из бархата или материи, стоившей не более трех рублей за аршин. Не имевшим ранга предписывалось «бархата не носить ни им самим, ни их женам».

Всему этому можно было бы, казалось, не удивляться. Ведь речь идет о дворянско-помещичьей России, стране, где сословные представления тяготели над каждым шагом человека от первого дня его жизни и до смерти. Но давайте обратимся к стране, историки которой часто любят представлять ее как вечный образец демократии и всеобщего равенства. Мы имеем в виду Соединенные Штаты. Оказывается, и там, в одном из штатов, был принят специальный закон, регламентирующий одежду человека в зависимости от его социального положения. Закон этот запрещал людям «невысокого положения» носить шелковые галстуки и шарфы, а также золотые и серебряные украшения.

Представители нарождавшейся буржуазии в свое время стремились во что бы то ни стало богатством наряды подчеркнуть свое растущее значение в обществе. И стремление это на долгие годы стало определять традиции и моды. При чем здесь вкус, изящество, красота? Главное, чтобы было богато!

Стремление «выглядеть богато» заставляло, например, женщин украшать себя подделками под жемчуг, бриллиант, изумруд. Так, жена или дочь человека какой-нибудь самой скромной профессии непременно украшала себя брошью, усыпанной фальшивыми бриллиантами или большим «рубином» из красного стекла. Она обязательно унижала пальцы перстнями с фальшивыми сапфирами и изумрудами. Чем больше удавалось ей походить на некий эталон «богатой женщины», тем это считалось лучше и достойнее.

Казалось бы, все эти факты, как и сам «мещанин во дворянстве», слишком далеко ушли в прошлое, чтобы иметь какое-то отношение к сегодняшнему дню. К сожалению, это не так. Слишком велика, оказывается, сила инерции. И когда какая-нибудь девушка, наша уважаемая современница, выбирая материал на пальто или платье, руководствуется мыслью о том, чтобы взять тот, который выглядит «подороже», истоки этой мысли уходят далеко в прошлое.

Пережиток «одеваться подороже» продолжает существовать, когда само явление, его породившее, исчезло. В той же Франции буржуазия давно уже стала господствующим классом и давно ушли в прошлое заботы, одолевавшие некогда Журдена. Мы не говорим уже о том, что в экономически развитых странах по манере одеваться сейчас уже невозможно определить социальную принадлежность человека.

Стремление «одеться подороже» приходит к нам, как свет далекой звезды, когда сама звезда эта давно уже погасла. Только красота, только эстетическое начало должны быть критерием в выборе одежды. Но увы, когда пишутся эти строки, стоит в эту минуту где-нибудь в универмаге какая-нибудь Таня или Наташа и мучительно размышляет, что ей купить — белые, скажем, туфли или желтые. А вся беда в том, что белые хоть и очень нравятся ей, но выглядят «дешевле» желтых. И вот она стоит и думает. И купит, наверное, все-таки те, что кажутся подороже.

Не нужно думать, что это мелочь. За этим минутным размышлением стоит целая философия, целая система жизненных критериев. Кто же поможет этой Тане или Наташе? Может быть, тот, кто читает сейчас эти строки?

2. „Свое“ или „чужое“?

Что сказали бы вы, если бы произошла такая невероятная вещь: какая-нибудь ваша хорошая знакомая «в здравом уме и трезвой памяти» из эстетических соображений решила бы побрить голову и гордо расхаживала бы в таком виде? Понятно было бы ваше удивление, досада или даже возмущение. Возможно, негодование ваше усугубилось бы еще и тем, что вы вспомнили бы публиковавшееся в нашей печати сообщение о распространении такой моды на Западе. «Ага! — воскликнул бы в этом случае какой-нибудь усердный ревнитель чистоты манер и нравов. — Вот оно что! Понятно, откуда это берется!»

Однако подобное заключение было бы преждевременным. Такой обычай (или, если угодно, мода) существовал не в дальних странах, а именно на Руси, и нигде, как в самом Великом Новгороде. Причем церкви пришлось немало поновять, чтобы искоренить этот народный обычай.

Но кто же все-таки ближе к идеалу прекрасного — наши соотечественники-предки или мы, не разделяющие их восторгов по поводу безволосых женщин. Чтобы ответить на этот вопрос, давайте обратимся к другому примеру.

Мы с вами чистим зубы. Нам кажется, что это красиво, когда у человека белые зубы. Но что сказали бы об этом другие народы, которые, наоборот, уверены, что быть белозубым — это отвратительно? Именно поэтому на Новой Гвинее, например, зубы красят в черный цвет.

Можно было бы привести немало таких примеров.

Очевидно, представление о прекрасном у различных народов и в разные эпохи совпадает далеко не всегда. Возможно, некоторые «требования моды» других народов или эпох могут показаться нам странными или даже смешными. Но прежде чем смеяться, подумайте о том, насколько странны и смешны должны быть многие наши обычаи в глазах других. У нас, например, нет моды, чтобы женщины носили в носу кольцо. А в некоторых районах Африки женщина без большого кольца в носу выглядела бы, по мнению африканцев, донельзя смешно и даже неприлично. На вопрос Давида Ливингстона, зачем они предают в нос такое кольцо, ему не без удивления ответили:

— Для красоты, конечно. У мужчин есть борода и усы, а у женщин нет. На что же была бы похожа женщина без кольца в носу? У нее был бы рот, как у мужчины, но без бороды. Вот смех!

Естественно, что, общаясь между собой, народы постоянно обогащаются духовно, заимствуя друг у друга различные формы культуры. Еще у Геродота мы читаем о ликинянах, у которых считалось модным носить мидийскую одежду и египетские латы. В Египте охотно пользовались критской посудой, а на острове Крит, наоборот — египетской. Один из римских авторов писал о своих современниках, которые любили напевать отрывки из испанских или египетских песен.

Но особая область взаимного влияния различных культур — это национальная одежда. По этому вопросу существуют две противоположные точки зрения. Одна из них — консервативная, с порога отвергающая все новое, все чужое. Другая — с восторгом приемлет все, что угодно, лишь бы это было издалека. К счастью, время, отбрасывая крайности, находит в конце концов какой-то мудрый средний путь.

Изданная в XVII веке в Англии книга хороших манер советовала читателям, вместо того чтобы без конца копировать иностранные образцы в одежде, брать пример с русских, с «москвитов», которые тщательно оберегают свой национальный наряд и не подвержены никакой иностранной моде. Правда, «москвитам» легче было соблюдать свою самобытность, потому что на страже этого стоял закон, предусмотрительно избавлявший их от возможных колебаний и сомнений. В 1675 году был обнародован царский указ, повелевавший стольникам, стряпчим, дворянам московским и жильцам, «чтобы они иноземских, немецких и иных обычаев не перенимали, волосы у себя на голове не постригали, также и платья — кафтанов и шуб с иноземских образцов не носили и людям своим потому ж носить не велели; и будь кто впредь учнет волосы постригать и платье носить с иноземского образца, или також платьев объявится на людях их, и тем от Великого Государя быть в опале и из высших чинов написаны будут в низшие чины».

Естественно, быть в опале и оказаться в низших чинах никому не хотелось.

Побывавший в Москве во время царствования Михаила Романова немецкий путешественник и ученый Олеарий особо отмечал, что русские не перенимали никакой заграничной одежды и даже иностранцы, находившиеся в России на служ-

бе или проездом, «если не хотели быть предметом всеобщего посмеяния, должны были носить русское платье».

Известно, что Петр I принялся вводить европейскую одежду с такой же энергией, с какой до него это возбранялось. Петр запретил торговать в лавках русским платьем, а портным шить его. Для того же, чтобы содействовать новой моде, у всех городских ворот столицы были установлены манекены, или, как писалось тогда, «чучелы», с надетыми на них образцами платья французского и венгерского покроя.

Однако мы погрешили бы против истины и, пожалуй, безмерно обеднили бы динамичную личность Петра, если бы стали утверждать, что в своих нововведениях он ограничивался лишь методами подобной наглядной агитации. Вскоре у тех же городских ворот были поставлены люди, которые следили за тем, чтобы у всех выезжавших или въезжавших в город длина кафтанов была не больше положенной. Проверка эта состояла в том, что каждого ставили на колени и обрезали его кафтан так, чтобы низ его был на уровне с землей. Можно представить себе, какое удовольствие доставляла эта процедура толпе любопытных, которые восторженными воплями приветствовали каждую новую жертву. После того как было укорочено несколько сот кафтанов, дежурившие с ножницами в руках остались без дела. Мода носить короткие кафтаны вошла в силу.

Те, кто царствовал после Петра, в своем стремлении во

что бы то ни стало привить в России внешние признаки европейской цивилизации нередко преступали границы здравого смысла. При Екатерине II все будочники, например, были одеты в модные сюртуки и жабо. Им были выданы лорнеты. На всех перекрестках и у шлагбаумов появились эти чудовищные, нелепые фигуры в жабо; шурясь, рассматривали они в лорнеты прохожих, друг друга, проезжавшие кареты. Это было действительно смешно, но улыбаться никто, естественно, не смел.

Позднее, при Павле начался обратный процесс —

гонение на все французское. По подписке всем строжайше воспрещалось ношение фраков, жилетов, башмаков с лентами, шейных платков. Но зато все моды вводились на прусский манер. В городе никто не смел появляться, например, в какой-либо другой шляпе, кроме треугольной, и т. д.

Нередко платье своей, так сказать, нестандартностью имело целью подчеркнуть индивидуальную неповторимость его носителя. Именно об этом «вульгарном стремлении выделиться» писал древнегреческий философ Теофраст. И не было, пожалуй, более удобного случая привлечь к себе внимание, чем облачиться в платье иностранного покроя.

Из истории нам хорошо известно, сколь велика была дань, которую в свое время отдала этой «моде» русская аристократия. Посол Людовика XVI при дворе Екатерины II писал своему королю, что его окружают люди, привыкшие во всем подражать иностранцам. Они стараются одеваться, кланяться, держать себя как французы, англичане или немцы. Посол сообщал об этом тем спокойным деловым тоном, которым, очевидно, и надлежало писать в официальных бумагах. Куда более эмоционально относились к этой тенденции сами русские, лучшие представители русской интеллигенции. Помните грибоедовские строки о «французике из Бордо»? Вот он приехал в Россию, и что же?

Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил: будто бы в отечестве с друзьями...

А как реагирует на это Чацкий? Вот его гневный монолог:

...Кто мог бы словом и примером
Нас удержать, как крепко вожжой,
От жалкой тошноты по стороне чужой.
Пускай меня объявят старовером,
Но хуже для меня наш Север во сто крат
С тех пор, как отдал все в обмен на новый лад —
И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу!..

Но обычно у тех, кто подражает, находится, в свою очередь, еще более широкий круг подражателей. «Зайдя в конфектный магазин на Кузнецком мосту, — писал поэт Батюшков, — я увидел большую толпу московских франтов в лакированных сапогах, в широких английских фраках и в очках,

и без очков, и в растрепанных прическах. Этот, конечно, англичанин, он разиня рот смотрит на восковую куклу. Нет, он русак и родился в Суздале. Ну так этот — француз, он картавит и говорит с хозяйкой о знакомом ей чревовещателе, который в прошлом году забавлял весельчаков парижских. Нет, это старый франт, который не ездил далее Макария и, промотав свое родовое имение, наживает новое картами. Ну так это немец, этот бледный, высокий мужчина, который вошел с прекрасной дамой. Ошибся! И он русский, а только молодость провел в Германии. Но, по крайней мере, жена его иностранка, она насилу говорит по-русски. Еще раз ошибся, она русская, любезный друг, родилась в приходе Неопалимой Купины и кончит жизнь свою на святой Руси».

Но не нужно думать, однако, что этот недуг слепого подражания всему иностранному был присущ только России. В то же самое время, когда какой-нибудь тамбовский или смоленский дворянин надевал платье, выписанное из-за границы, и старался во всем походить, например, на немца, сама немецкая аристократия, даже принцы и герцоги, наперебой стремилась подражать английской, французской или польской знати. То же происходило и во Франции. А в Англии еще великий Шекспир устами Портии из «Венецианского купца» высмеивал тех лордов, которые «вывезли короткий камзол из Италии, широчайшие штаны из Франции, шляпу из Германии и манеры — отовсюду».

Впрочем, говоря о примерах подобного слепого подражания, нет, очевидно, нужды уходить так далеко в прошлое. Все мы помним это исполненное и обиды и боли за молодежь слово «стиляга». Прозвучавшее как пощечина, оно было брошено в лицо тем, кто, прозябая в величайшем духовном убожестве, полагал, что узость брюк или осведомленность о личной жизни далеких королей джаза может компенсировать собственную никчемность. А компенсировать ее очень хотелось. И еще хотелось быть непохожим на всех. Выразить свою яркую и небывалую индивидуальность. И вот появились узкие брюки, когда никто их еще не носил, набор джазовых пластинок, когда это было еще в диковинку, пиджак с двумя разрезами и т. д. Всему этому придавалось величайшее значение. Но при всем при том не было одного, самого главного — индивидуальности. «Вся беда в том, — афористично сказал как-то поэт Михаил Светлов, — что многие стараются выразить ту индивидуальность, которой у них нет».

Однако мы были бы неискренни, если бы не сказали здесь и о другой стороне медали. Улюлюканье, которое одно

время поднимали вокруг всего «иностранного», имело мало общего с воспитанием хорошего вкуса. Так же мало, как и некоторые «административные меры», вроде таких, когда девушек в брюках не пускали в кино или даже забирали в милицию.

Но мы взяли бы на себя непосильную задачу, если бы попытались раз и навсегда решить на этих страницах проблему — каково должно быть соотношение национального и иностранного в одежде и в модах. Да, собственно говоря, даже ставить так вопрос было бы неправильно. Важно помнить, что в вопросе одежды, как, впрочем, и во всех других, нужно не поступаться ни своим личным, ни национальным достоинством. И меньше всего нужно стараться запастись на все случаи жизни готовыми ответами.

Следует иметь свою голову на плечах.

3. Эпохи, народы и моды

Известный русский ученый В. М. Бехтерев, изучая различные типы поведения животных, заметил, что многим из них свойственно стремление к подражанию. Это стремление, которое Бехтерев назвал «законом подобия», выработалось в ходе длительной борьбы за существование и является своего рода формой биологической защиты. Копируя поведение своих вожаков, как правило, наиболее биологически полноценных и опытных особей, стадные животные приобретают как бы добавочную устойчивость в отношении внешней среды.

Называя подражание «одним из основных биологических рефлексов», В. М. Бехтерев отводил ему особое место в общественной жизни человека. В первобытном обществе стремление подражать лучшим содействовало распространению накопленного опыта, навыков охоты, первых орудий и т. д. В дальнейшем объектом такого подражания становится сильный воин, удачливый охотник. Эта тенденция не исчезла по мере усложнения социальной структуры общества, менялись лишь сами объекты подражания. В одном случае, для лиц духовных, им мог стать какой-либо святой или выдающийся проповедник, для другой общественной группы таким идеалом становился герой-рыцарь или, что было довольно часто, блистательный аристократ. Причем подражание

шло прежде всего по внешней линии, то есть в первую очередь копировались манеры такого человека, его внешность, особенности костюма.

В каждой стране различные эпохи порождали людей, ставившихся как бы «эталоном общественного подражания», иными словами — законодателями мод.

Одно время в России таким законодателем мод был неизвестный князь Голицын, фаворит царевны Софьи. Князь не экономил на своей внешности. Только его боярская шапка из редкого красного соболя стоила целое состояние — 10 000 червонцев, столько же, сколько стоили три тысячи крепостных. Он пользовался дамской косметикой, румянился, белился, завивал усы. Многочисленные придворные подострастно следили за каждым его жестом, каждым шагом, пытаясь во всем копировать блистательного князя.

История костюма знает немало таких личностей. Говоря, например, об истории английских мод прошлого века, нельзя не назвать имени Бреммеля, великого светского эстета, денди и, как сказали бы мы сейчас, бездельника. Последнее, впрочем, не совсем верно, поскольку в отличие от прочих светских прожигателей жизни Бреммель ни минуты не пребывал без дела, в течение всей своей жизни он был поглощен одним составлявшим цель его существования занятием: собственной внешностью. Достаточно сказать о его перчатках. Знаменитые перчатки Бреммеля были своего рода произведением искусства. Над этими перчатками трудились четверо художников.

Суждения этого «короля моды» были безапелляционными. Как-то он заставил даже плакать принца Уэльского, наследника престола. Завтрашний король Великобритании плакал потому, что блистательный Бреммель не одобрил покрой его нового костюма.

Многие формы одежды, кажущиеся нам такими привычными, имеют свою порой не совсем обычную историю. Так, брюки галифе обязаны своим происхождением французскому генералу Галифе, палачу Парижской коммуны. «Толстовка» названа так потому, что рубашки такого фасона носил Лев Толстой.

Иногда поводом для возникновения новой моды может послужить самое неожиданное обстоятельство. Например, в годы французской революции приговоренным к казни на гильотине коротко стригли волосы так, чтобы шея оставалась открытой. Так появилась и получила распространение новая прическа «а-ля гильотин», суровая дань и эпохе и моде.

В 1767 году в Париже побывал известный американский

политический деятель и ученый Вениамин Франклин. Не желая быть объектом праздного любопытства прохожих, он сменил свой провинциальный квакерский сюртук на модный кафтан и даже причесался так, как это делали в то время в Париже. Напудренный парик, который пришлось ему надеть при этом, весьма смущал его. «Подумайте, какой у меня вид с маленькой косичкой и открытыми ушами», — писал он на родину. До этого Франклин носил длинные волосы, и ходить с открытыми ушами казалось ему не только неудобным, но даже неприличным.

Так, появившись во Франции в первый свой приезд как частное лицо, Франклин безропотно подчинился парижской моде. Во второй свой приезд, наоборот, он «подчинил» себе Париж. Вот как это произошло.

В 1776 г. Франклин приехал в Париж уже в качестве посла Соединенных Штатов. Его родина, только что с оружием в руках добившаяся независимости, была в глазах многих в те годы воплощением свободолюбивого духа. Не удивительно, что, стремясь во всем подражать американцам — борцам за свободу, многие старались прежде всего копировать их внешне. Это было тем более легко, что перед глазами был живой образец — Вениамин Франклин. Теперь, представляя свою родину, он считал вопросом чести сохранить ту же внешность, которую имел до отъезда за океан. Первое время его скромный коричневый кафтан и гладко причесанные волосы многих в Париже шокировали. Потом у него вдруг появилось сразу несколько подражателей. А через несколько дней у парикмахеров не было отбоя от желающих сделать прическу «а-ля Франклин». Парики, еще вчера бывшие символом моды и элегантности, были заброшены.

Это стремление подражать какому-то образцу было присуще не только имущим классам. Даже в старом, дореволюционном Сормове, где, казалось, людям было нечего ждать от жизни, кроме беспросветной вереницы будней, одно время тоже появилась своя мода. На сей раз законодателем ее был Горький! «Мы старались одеваться по его портрету, — вспоминал один из сормовских рабочих, — отращивали волосы подлиннее. У кого не было большой шляпы, так хоть палку толстую носили в руке, как у него».

Последние десятилетия с распространением кино и телевидения эталонами новых мод на Западе стали главным образом звезды кино. Если кто и может соперничать с ними в этом деле, так это самые популярные спортсмены и политические деятели.

Ряд компаний в Соединенных Штатах бесплатно предоставляет новейшие образцы своих товаров студенческим лидерам и руководителям молодежных организаций. Делается это, понятно, далеко не бескорыстно. Свою «любезность» компании предварительно оговаривают условием. Заключается оно в том, что молодежные руководители должны в частных беседах или даже публично расхваливать новую модель данной фирмы. Что-нибудь в таком духе:

— Посмотрите, правда, на мне неплохо сидит этот костюм? О, его шила такая-то фирма. Не правда ли, они умеют делать вещи!

Отличной иллюстрацией того, как может возникать мода на Западе, служит следующий пример. Несколько лет назад в Соединенных Штатах компании, занимающиеся производством дамских шляпок, с неудовольствием заметили, что продажа этих изделий упала на 7 процентов. Были срочно проведены изыскания. Оказалось, что только 22 процента американских женщин носят шляпы, 32 процента надевают их изредка, а 40 процентов за предшествовавшие два года не купили ни одной шляпки.

Компании забили тревогу. Нужно было убедить женщин, что им следует носить шляпы. Иными словами, нужно было создать моду. За дело взялся мощный аппарат коммерческой пропаганды — реклама. Отныне красавицы, пьющие кока-колу, появлялись только в очаровательных шляпках. С телевизионными компаниями было заключено соглашение, чтобы перед телезрителями не появлялись «простоволосые» актрисы. По заказу шляпных магнатов композиторы и поэты сочинили две песенки, которые в течение многих недель буквально «висели» в эфире. Текст этих песенок не был перегружен большим философским содержанием. Одна из них называлась «Шляпка мне к лицу» и в пяти куплетах выражала бурную радость по этому поводу. В другой сообщалось, что именно шляпка послужила поводом к любовной истории. Каждой из подобных возможностей было достаточно, чтобы убедить женщин покупать шляпки! Однако этим дело не ограничилось. Шляпные компании наняли сотни молодых девушек, которым надлежало заниматься рекламой их изделий, правда, несколько необычным образом: они должны были проводить вечера в ресторанах в компании своих молодых людей, но непременно быть при этом в головных уборах. При соблюдении этого условия счет за вечер оплачивала заинтересованная компания. Можно догадаться, что подобная «работа» тем, кто был занят на ней, доставляла большое удовольствие. Однако чем больше старались они

и чем больше распространялась мода, тем меньше становились сами они нужны компании. Вскоре от услуг девушек отказались вообще. Это говорило о том, что мода получила, наконец, полное распространение.

Таким образом, в мире капитала мода может возникнуть не под воздействием каких-либо эстетических требований, а как чисто коммерческое явление.

Понятно, что и новые модели одежды и сами моды являются товаром. Но мало кто знает, с каким азартом конкурирующие фирмы охотятся за новыми модами. В ход пускается не только подкуп, но нередко даже шпионаж. Например, по свидетельству французской прессы, американские дома моделей постоянно засылают агентов к своим парижским собратьям. Вооруженные миниатюрными киноаппаратами, смонтированными в пуговицы, эти агенты заблаговременно сообщают своим хозяевам обо всех новинках сезона. В результате к тому времени, когда парижские модели появляются на рынке, они встречают там уже свои копии американского производства. Этот шпионаж ежегодно причиняет французским модельерам убытки в сотни миллионов франков, принося соответственные доходы их конкурентам — американским домам моделей и фирмам по пошиву готового платья.

Но если отрешиться от всех этих уродливых форм, в которые нередко выливается мода и погоня за модой, нужно признать, что любого человека мода может поставить перед довольно сложной дилеммой. Например, может возникнуть такой вопрос: это модно, но мне не идет; это не имеет отношения к моде, но мне к лицу. В худших случаях, которых, впрочем, большинство, побеждает мода. И нельзя, очевидно, найти лучшей иллюстрации того, как стремление следовать моде побеждает и здравый смысл и логику, чем следующий пример.

Когда французская королева Мария Антуанетта, ожидая наследника, стала носить широкие наряды, скрадывавшие ее фигуру, вся Франция вдруг наполнилась «беременными» женщинами. Выглядеть «беременной» стало модно. Срочно распарывались и перешивались юбки и платья. Та женщина, которая решила бы не последовать этому, выглядела бы в глазах остальных безмерно старомодной, пожалуй, даже вульгарной. Точно так же как в последней трети прошлого века в Англии не было ни одной мало-мальски следящей за модой дамы, которая бы... слегка не хромала. Почему? Потому что этим отличалась тогдашняя законодательница мод принцесса Уэльская, страдавшая ревматизмом.

А несколько позднее в той же Англии стало чрезвычайно модным казаться гаснувшим, томным, быть худым и бледным, как бы погибающим от чахотки. Иметь синеву под глазами считалось величайшим шиком. Поборники моды не ходили, а с трудом волочили ноги, не ели, а едва вкушали пищу. Выражение лиц было у всех самое кислое, они старались говорить протяжно, за каждым словом следовал печальный вздох. По словам одного историка, все стремились походить на карпа, которого вытащили на берег.

Что и говорить, если бы в наши дни нам повстречалась подобная девица или такой молодой человек, особой симпатии они бы у нас не вызвали.

Или мог бы нам с вами быть приятен человек, который постоянно, каждую минуту напоминал бы всем, что его заедают блохи? Нет, конечно. Но в конце XVIII века каждый, кто не хотел выглядеть отстающим от моды, не представлял себе, как можно показаться на людях без... блошиной ловушки на груди.

Ловушки эти, которые носили обычно на шелковой ленте или на золотой цепочке, делались из серебра, золота или слоновой кости.

Сегодня такое слепое следование моде кажется нам смешным. Однако те, кто столь старательно подражал моде, вовсе не выглядели такими в своих глазах. Наоборот, они казались себе чрезвычайно шикарными и, если можно так выразиться, современными.

О чем говорит все это? Давно известно: ничто так не преходяще, как мода...

Но что, если вопреки кажущейся иррациональности различных мод попытаться найти для них какой-то единый знаменатель? Очевидно, таким общим моментом будет стремление следовать эталону прекрасного. И пусть различные эпохи, классы и социальные группы придавали этому понятию различную оболочку, это стремление подражать оставалось неизменным.

Конечно, быть красиво одетым — это значит, в частности, быть одетым в соответствии с модой. Представьте себе, как нелепо выглядели бы сегодня мужчины в широких брюках, какие носили лет десять назад, когда шиком считалось, чтобы они, словно большие колпаки, накрывали ботинки!

Если бы, однако, вопрос, как быть красиво одетым, сводился только к тому, чтобы стараться одеться по моде, то все было бы довольно просто. К чему приводит безрассудное подражание, мы уже видели. Чтобы разумно следовать моде, надо помнить, что всякая мода вычерчивает лишь

некий контур. В пределах этого круга может быть множество вариантов, которые каждый должен выбирать для себя сам, в зависимости от возраста, фигуры, внешности и т. д. Ведь то, что идет, например, одному, совсем не обязательно, чтобы было к лицу другому. Впрочем, эта истина сегодня достаточно общеизвестна, чтобы об этом стоило много говорить.

Возможно, стоило бы сказать о другом, о некоторых общих эстетических требованиях, предъявляемых к внешности человека. Одно из них заключается в том, чтобы одежда не служила стремлению выделиться, привлечь к себе внимание. Кричащие, дисгармонирующие тона в одежде никогда не были признаком хорошего вкуса. Наоборот, они безошибочный признак дурного вкуса, вульгарности. Так обычно стремится привлечь к себе внимание человек, не могущий сделать это иными способами.

Другим важнейшим требованием в отношении одежды является аккуратность. Ведь внешность человека, его костюм говорят не только о нем самом, но и о его отношении к окружающим.

Об этом никогда не забывал, например, Наполеон, когда ему нужно было унижить своих политических противников. На торжественную встречу с папой Пием VII Наполеон намеренно прибыл в небрежном охотничьем костюме. А когда Луиза, королева побежденной Пруссии, в самом пышном своем туалете вышла встречать императора, навстречу ей по мраморным ступеням дворца поднимался человек в пропыленном сером егерском мундире, с хлыстом в руке.

Некогда в Лейпцигском университете учился юноша, по имени Гёте. Богатые студенты смеялись над тем, как он одевался, над провинциальным покроем его платья. Не об этих ли полных унижения годах вспоминал потом великий поэт Гёте, живя в Веймаре, когда прибывших к нему с визитом королевских особ он принимал подчеркнуто небрежно — во фланелевом халате и тапочках.

Однако, оставив в стороне случаи такой преднамеренной небрежности, заметим, что неаккуратность в одежде является обычно довольно верным отражением черт характера самого человека. Люди необязательные, небрежные в своих отношениях с другими, не привыкшие доводить любое дело до конца, всегда носят эту печать общей неряшливости и на своей одежде.

Понятна поэтому та щепетильность, которую проявлял Чехов. «Никто даже из самых близких людей не видел его небрежно одетым», — писал Куприн.

Проявление во внешнем облике внутренней аккуратности и дисциплины было характерно и для Энгельса. «...Столь же внимательно относился он к своей внешности, — писал о нем Поль Лафарг. — Бодрый, подтянутый, он всегда выглядел так, точно готов был явиться на смотр, как в те времена, когда он служил в качестве вольноопределяющегося в прусской армии. Я не знаю никого, кто бы так подолгу носил одни и те же костюмы, причем они никогда не теряли своего фасона и выглядели, как новые».

Не так уж много усилий требуется нам с вами для того, чтобы следить за своей внешностью, всегда быть одетыми чисто и аккуратно! Но если даже сейчас в нашей спокойной и мирной жизни мы иногда пренебрегаем этим, то насколько трудно было это тем, кто делал революцию или участвовал в гражданской войне. А ведь среди выдающихся деятелей нашей революции были люди, которые даже в тех труднейших условиях не только не забывали о внешнем облике, но и придавали этому большое значение. Таким человеком был, например, Свердлов. «Яков Михайлович был неизменно подтянут и опрятен, — читаем мы в воспоминаниях о нем, — того же он требовал и от окружающих. Он беспощадно высмеивал каждого, кто считал чуть ли не достоинством революционера невнимание к своему внешнему виду и одежде. В этом отношении у Якова Михайловича было очень много общего с Владимиром Ильичем, также не терпевшим распушенности и неряшливости.

— Ну как тебе не стыдно, — отчитывал как-то Свердлов одного руководящего партийного работника, — ты ходишь свинья свиной. Уж не думаешь ли ты, что ты и твои «левые» друзья станете ближе рабочему классу, если будете выглядеть оборванцами! Только великая нужда и вековая нищета заставляет русского рабочего плохо одеваться, и все же он старается быть аккуратным. А вот погоди, прогоним белогвардейцев, покончим с разрухой, двинемся вперед, и наш рабочий оденется получше любого немца или англичанина».

Вот о чем мечтал Я. М. Свердлов в самые тяжелые дни нашей Родины. Сейчас к осуществлению этого мы ближе, чем когда бы то ни было. Уже сегодня, чтобы каждый был одет хорошо, одет красиво, во многом зависит от нас самих. От нашего вкуса. От нашего умения. От нашего желания в конце концов.

Помните, у Чехова? «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли...»

И одежда...

Подвыпивший хлюпик выкатился из зала ресторана. Его маленькие глазки смотрят на мир хмельно и самодовольно. Вот он сделал небрежный жест рукой, и по стойке со звоном покатился номерок, впрочем тут же подхваченный с профессиональной ловкостью. Через секунду пожилой человек в расшитой позументами куртке держал перед ним пальто. И пока тот так неторопливо, смакуя каждое мгновение, примерял кашне, все это время человек в позументах почтительно стоял перед ним навытяжку, держа пальто наготове.

Не будем описывать всей сцены одевания, знакомой, очевидно, каждому. Причем, возможно, не только со стороны. Не будем также задавать вопрос, когда происходила эта сцена — в годы «темного царства», описанного Островским, или в наши дни; кто этот молодой человек — подвыпивший приказчик купца Толстогобова или наш современник. В данном случае это не имеет значения. Потому что держатся-то они одинаково. А это очень печально. Молодой парень, требующий, чтобы его за десять копеек публично одевали, едва ли, конечно, задумывается, где берет начало этот обычай. Оказывается, эти убогие атрибуты «ресторанной роскоши» восходят к отдаленным временам феодальной эпохи или даже рабства. Феодал или рабовладелец по общественному положению своему вообще не должен был уметь одеваться. Это было унижительно. Для этого были рабы или слуги. Аристократ мог прожить жизнь, ни разу не коснувшись собственного башмака и не зная, как застегивается камзол.

Наверное, вы помните сцену из «Принца и нищего» Марка Твена, где пораженный принц узнает, что у сестер Тома Кента нет служанок:

— Как же, скажите на милость, могут они обойтись без служанок? — недоумевал принц. — Кто помогает им снимать на ночь одежду? Кто одевает их, когда они встают поутру?

А сколь сложен и торжествен был ритуал одевания короля! «Когда король вставал с постели, — писал современник одного из Людовиков, — старший камергер двора одевал его. Ему помогал старший слуга. Когда на короля надевали рубашку, первый камергер покоев короля помогал ему вдеть в рукав правую руку, а первый камергер гардероба — левую».

Так из королевских опочивален и прихожих аристократов неслышной поступью, сквозь века пришел к нам этот обычай. Но дело не только в том, что некоторые из наших современников и сверстников, сами того не ведая, почитают

достойным уподобляться этим беспомощным и бессильным теням прошлого. Задает ли такой человек себе вопрос, какой ценой достается ему этот почет «публичного одевания»? Если называть вещи своими именами, весь ритуал почтения выдается за тот гривенник или двугривенный, который должен неизбежно за ним последовать.

Нигде, очевидно, покупающий и продающий не унижает себя так, как в купленном внимании.

В то же время мы знаем, что предупредительный человек всегда поможет одеться своей спутнице, подаст ей пальто. Так же поступит и человек молодой в отношении более пожилого, которому нередко действительно трудно бывает самому надеть пальто. Это элементарное проявление уважения к женщине, к старому человеку. В таком внимании нет ничего, что унизило бы ваше достоинство. Старик врач, которого вызвали к заболевшему Председателю Совнаркома, вспоминал, что, проводив его в переднюю, Ленин стал помогать ему надеть пальто. «Потом стал разыскивать мои калоши».

Часто ли приходилось вам проявить подобную предупредительность и внимание к человеку, который старше вас? Или вы боитесь, очень боитесь, что при этом пострадает ваша гордость?

ШАГНУ ВАШИХ ДВЕРЕЙ

ШАГНУ ВАШИХ ДВЕРЕЙ

В

1. Когда начинается визит?

Вы слышите шаги у двери? Кто-то стучит? Это гость. Условным знаком — стуком он предупреждает вас о своем приходе. Согласно классической восточной традиции вместо стука следовало хлопать в ладоши. А одно время стучать в дверь считалось неприличным и в Европе. Вместо этого полагалось скрестить в нее ногтем, для чего на пальце отращивался ноготь соответствующей длины. Собственно говоря, и сейчас уже стук при входе стал анахронизмом. Почти везде, где есть электричество, его заменил звонок.

Как давно научились люди ходить друг к другу в гости? Еще первобытный охотник, повинаясь неосознанному, смутному импульсу общительности, спешил к соседу по пещере. Зачем? Ему казалось, просто для того, чтобы провести время. Поговорить об охоте, о погоде, может, даже о женщинах, об очаровательных неандерталках, хлопотавших в ту минуту у коммунальных костров перед входом в пещеру.

Но наш далекий предок не мог, конечно, знать о глубоком биологическом инстинкте, заложенном в это, казалось бы, столь простое стремление человека к общению с собой подобными. Любой разговор, любое общение между людьми предполагает обмен самой различной информацией. Поэтому человек более общительный имеет доступ к более широкому кругу сведений. В прошлом, в условиях жестокой борьбы за существование это наделяло его ощутимым преимуществом по сравнению с человеком необщительным. А одной из самых древних форм общения между людьми всегда был обычай ходить в гости.

Детально разработанный ритуал по приему гостей существовал уже в самой глубокой древности.

«И-ли», книга этикета и церемоний, была написана в Китае три тысячи лет назад. Одна из ее глав была специально посвящена визиту. Гость и хозяин должны были долго рассыпаться во взаимных извинениях, один говорил, что он недостойн принять столь высокого гостя, другой мно-

гократно возражал, что, наоборот, это он не заслуживает чести быть гостем, и т. д.

Очевидно, люди, которые могли столь длинно и многословно выражать уважение друг к другу, должны были обладать избытком не только вежливости, но и времени. Что касается времени, то вопрос этот заслуживает отдельного разговора. Ибо неверно, будто визит начинается со слов приветствия. Или со стука в дверь. Визит начинается еще раньше. Он начинается с соблюдения или несоблюдения того времени, на которое была назначена встреча.

2. Такое понятие — точность

Разве не парадоксально, что именно в древней Греции, где люди пользовались песочными или солнечными часами, в общении между собой они были более точны, чем мы с вами. Как правило, там никто никого не ждал. Если человек не приходил вовремя, это значило, что он не придет вообще. Непунктуальность рассматривалась как неуважение. Собственно говоря, так она воспринималась всегда и всеми. Однако, требуя пунктуальности от других, люди мало бывают склонны замечать отсутствие этого прекрасного качества у самих себя. Впрочем, эта истина так же стара, как и притча о человеке, который в чужом глазу видит соринку, у себя же не замечает и бревна.

Как-то Ивану Грозному представился случай преподать неточным визитерам урок вежливости. Литовские послы, которым был назначен определенный час аудиенции, намного опоздали, вынудив царя дожидаться, пока они дослушают обедню «своих попов». На следующий день Грозный поставил послов «дождаться того, как царю обедню отпоют».

Значительно более крут был в подобных случаях Тимур. Как-то случилось, что переводчик, сопровождавший кастильское посольство, немного опоздал.

— Чтобы ты исправился и научился быть всегда готовым к делу, — назидательно заметил ему повелитель, — мы приказали проткнуть тебе ноздри, продернуть в них веревку и тащить тебя по всей орде.

Конечно, это был жестокий урок. Но он соответствовал нравам эпохи и характеру самого Тимура и, надо думать, научил точности не только переводчика.

Как известно, французские короли умели говорить афоризмами. Иногда можно подумать, иной из них только затем и прожил жизнь, чтобы оставить после себя блестящую, отточенную фразу, вроде: «Государство — это я», или «жизнеутверждающее»: «После нас — хоть потоп».

Афоризм «аккуратность — это вежливость королей» принадлежит Людовику XVIII. Сей монарх, завершающий собой

целую вереницу Людовигов, полагал, что пунктуальность — это единственная форма вежливости, которую можно требовать даже от короля.

Но шли годы, рушились троны. И вдруг оказалось, что это благородное качество — точность вовсе не салонная любезность и не привилегия королей. Точность, пунктуальность стала оружием, верным оружием революционеров.

— Вот вам назначат явку где-нибудь на перекрестке по серьезному конспиративному заданию, а вы на пять минут опоздаете. Что может за пять минут произойти? — говорил Ленин одному подпольщику, отчитывая его за опоздание.

Пунктуальность, постоянно повторял Ленин, обязательна для революционера. И сам, своим примером Ленин являл высокий образец этой точности. «Не было случая, — вспоминает Е. Стасова, — чтобы он не пришел. Точно так же, как не было случая, чтобы он опоздал».

Но вот, казалось бы, любопытное совпадение. Многие соратники Энгельса также подчеркивали «его необычайную точность и пунктуальность — качества, которые он проявлял в своих политических и общественных отношениях с людьми».

Что же это, неужели случайное совпадение характеров? Нет, в основе этого лежит общность восприятия жизни, понимание радости свершения, стремление сделать как можно больше и как следствие — величайшая строгость к своему времени и времени других. Так уважение к людям становится уважением их времени.

Часто ли этим качеством отличаемся мы с вами? Если задать этот вопрос — тогда первое, что, возможно, увидим мы, будут уличные часы, многократно воспетые на эстраде. И под часами — ОН. А ЕЕ, как и полагается, нет.

Он испытывает муки, а ее все нет. Затем, после положенного числа куплетов следует апофеоз. ОНА приходит! Звенят литавры, гремят фанфары.

Забавно и грустно наблюдать, как эта порожденная бедностью мысли эстрадно-танцевальная ситуация перешагнула с подмостков в зрительный зал и еще дальше — на улицу, под те самые многострадальные часы, о которых идет речь.

Придите как-нибудь часов в семь или восемь вечера на одно из подобных мест постоянных встреч. Понаблюдайте. Многие ли встретятся точно в это время? Увы, таких окажется, как говорят в парламенте, «незначительное меньшин-

ство». Остальные будут привычно и терпеливо ждать. Ждать десять, ждать пятнадцать, ждать двадцать минут. Потому что «какая же уважающая себя девушка приходит минута в минуту»! Задумайтесь только — неточность возводится в ранг положительного качества, становится манерой соблюдения достоинства!

К сожалению, это привычное неуважение к другим и их времени иногда распространяется и на различные общественные мероприятия! Всегда ли, например, собрание начинается ровно в назначенный час? И какая ирония — больше всех страдают от этого именно те, кто приходит вовремя, кто пунктуален!

Человеком, совершенно непримиримым к взаимной потере времени, был Ленин. Неуважение к чужому времени он называл «безобразиям и дикостью». Заседания, которые он вел, начинались точно в назначенное время. «На заседания Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич приходил за 10—15 минут до начала, садился в кресло, смотрел на часы, и, если в зале к началу заседания не было еще всех членов Совета Народных Комиссаров, был очень недоволен... Опоздание на заседание он рассматривал как недопустимую потерю времени».

Остроумно поступил Д. Фурманов, когда столкнулся с обычной непунктуальностью своих собратьев по перу. Заседание отделения московских писателей, на котором он председательствовал, было назначено на пять часов. Пришли все к шести. Заглянув в комнату, где должно было проходить заседание, писатели с удивлением увидели там Фурманова и технического секретаря, который вел протокол.

— ...Итак, — говорил Фурманов, — переходим к третьему вопросу.

Естественно, когда вы бываете неточны, когда заставляете людей ждать, вы легко находите себе тысячи оправданий. К слову, слабые люди вообще бывают очень снисходительны к себе и легко себе все прощают. Правда, нам известен один случай, когда опоздание было оправдано. Случай этот произошел с Пастером, который не явился в назначенное время на церемонию своего бракосочетания. В это время он был поглощен проведением опытов. Вакцина от бешенства, открытая им, спасла тысячи человеческих жизней. Мы не знаем, как отнеслась к опозданию его будущая жена. Впрочем, возможно, она поняла его.

Но этот случай, повторяем, один из немногих известных нам, когда опоздание было оправдано.

3. Незванный гость

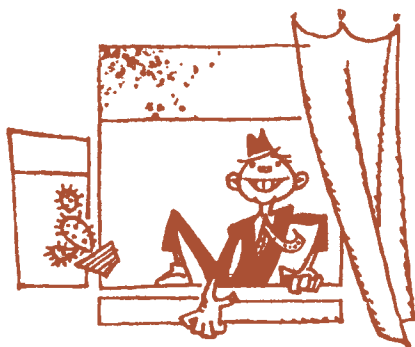
Представьте себе село, тихое, забытое всеми село где-нибудь в орловских или рязанских лесах. Представьте себе это село на восемь веков отстоящим от нашего времени. Незаметной чередой идут года, да, собственно говоря, никто и не знает, какой сейчас год. Счет идет от местных событий: это было в тот год, когда у Марфы на дворе был пожар, или это было через два года после того, как лошадь провалилась под лед. Старая деревянная церковь с каждым годом оседает все ниже; давно пора бы поставить новый плетень на околице, да вот мужики все никак не могут сговориться. Так и идет время. По уграм за лесом встают зори. Старики, сидя на завалинках, греются на солнце. С каждым годом подрастают девчата на селе. А за полем, на опушке, медленно разрастается небольшое кладбище с косыми некрашеными крестами. Так в тихих радостях и печалях проходит жизнь, пока вдруг... Пока вдруг не наступил день, который лучше бы не приходил вовсе. В этот день в село нагрянул невесть откуда отряд татаро-монгольской конницы. Никто не успел ни спрятаться, ни убежать. До вечера творились в селе жестокости и бесчинства. А когда, туго прикрутив к седлам небогатую добычу, смуглые раскосые конники выехали на дорогу, позади них, под нищими соломенными крышами долго еще раздавались плач и причитания.

Навсегда остался этот день в памяти уцелевших. Он превратился как бы в эталон самого худшего, что может случиться, в последнюю черту зла. И когда хотели сказать о том, как некстати приехал человек, которого не звали, которому не рады, говорили: «Нежданный гость хуже татарина». Так возникла в те лихие годы эта пословица, пословица, дожившая до наших дней.

Сколько раз каждому из нас приходилось, вероятно, сталкиваться с людьми, которым ничего не стоит бесцеремонно прийти к вам, когда вы их совершенно не ждете. Такие люди приезжают чаще всего просто потому, что им некуда деть себя, нечем себя занять. О том же, что они могут приехать некстати, оказаться в тягость, они даже не думают.

Когда французская писательница А. Л. де Сталь прибыла в Веймар с твердым намерением посетить Гёте, великий

поэт, узнав об этом, был далеко не в восторге. Он давно наслышался об ее бестактности, у них не было круга общих интересов, беседа с ней была нелюбопытна ему, и, естественно, Гёте постарался уклониться от тягостной встречи. Он «заболел». Но не тут-то было. Мадам де Сталь не уезжала из города. В конце концов поэту пришлось «выздороветь» и принять ее.

Не избежал этого набега и Шиллер. «Я чувствую себя, — писал он Гёте, когда она уехала, — как будто я выздоровел после болезни».

В подобных ситуациях более решительно поступал Пушкин. Как-то, когда он оказался в Екатеринославе, местные богатые помещики решили явиться в гости к столичной знаменитости. Непрошенные гости застали утомленного дорогой Пушкина за ужином.

— Что вам угодно, господа? — поднялся он им навстречу.

Те стали пространно объяснять, что желали иметь честь видеть славного писателя и т. д. Раздосадованный этой бесцеремонностью, «славный писатель» распахнул перед ними дверь, через которую они только что вошли.

— Ну теперь видели? До свидания!

Эта вынужденная грубость поэта была вызвана бестактностью визитеров. Эти люди «завалились» к нему, даже не договорившись заранее о своем посещении, не поинтересовавшись, сможет ли, захочет ли Пушкин принять их. Они думали только о себе, о том, что было интересно им, чего хотелось им, а не о другом человеке, к которому шли. Навязывая поэту свое общество, подумали ли они, насколько оно ему приятно?

Встречаясь с кем-либо, приходя к кому-либо в гости, следует хотя бы изредка задавать себе вопрос: интересно ли этому человеку со мной?

Не задумываясь об этом, легко превратиться в незваного гостя, которому не рады, который в тягость.

И еще один вопрос следует задавать себе, находясь в гостях: «Не исчерпал ли я времени, любезно отведенного мне хозяевами?»

4. Когда мы им рады

Что это за человеческое качество — «гостеприимство»?

Виже-Лебрен, французская художница, путешествовавшая по России в конце XVIII века, писала: «Всюду все помещали и кормили нас с таким добродушием, что кошельки оказывались почти излишними». Когда же она принималась горячо благодарить своих хозяев, те отвечали не без удивления: «Если бы мы были в вашей стране, неужели вы не сделали бы того же для нас?»

Гостеприимство славян простиралось так далеко, что еще Гельмольд, немецкий историк, живший в XII веке, писал, что у них считается позволительным даже украсть, если это нужно для угощения гостя.

Но это качество никогда не было привилегией только одного народа. Тацит писал о древних германцах, что у них считается грехом отказать гостю в приюте. Если окажется, что угощения в доме не хватает, хозяин вместе со своим гостем может отправиться в ближайший дом, где оба они будут приняты с равной сердечностью. «Отношения между хозяином и гостем, — отмечал Тацит, — определяются взаимной предупредительностью».

Так же предупредительны были, по словам Гомера, и древние греки. Телемах беспокоится, хорошо ли приняли гостя в его доме:

Матушка милая, гостя почтили ли в доме, как нужно.
Пищей и ложем?..

А традиционное восточное гостеприимство? Еще «Законы Ману» предписывали древним индийцам непременно предоставлять своим гостям «сидение, помещение, внимание при расставании, почет во время пребывания». «Но тот безумец, который ест, не давши сперва пищу своим гостям».

Разные страны, разные народы и эпохи... Но если бы понадобилось в двух словах определить, что же такое гостеприимство, можно было бы, наверное, сказать, что это

умение сделать так, чтобы гостю было у вас хорошо и приятно.

Стремиться к этой цели, правда, можно по-разному. На Камчатке, например, это делалось следующим образом. К приезду гостя заранее жарко топили юрту, готовили многочисленные блюда. Прибыв, гость вместе с хозяином раздевался донага. Пока шло угощение, хозяин щедро поливал раскаленные камни, которые лежали на очаге. От камней поднимался горячий пар, и в юрте наступала нестерпимая жара. С. Крашенинников, русский путешественник, побывавший на Камчатке в конце XVIII века, писал: «Гость старается все, что пристряпано, съесть и жар вытерпеть, а хозяин старается принудить, чтобы гость взмолился и просил бы свободы от пищи и жару». В отличие от гостя сам хозяин ничего не ест и может даже время от времени выходить из юрты. «Но гость до тех пор не выберется, пока побежденным себя признает».

Когда гость, наконец, сдается, он откупается своей одеждой и собаками. Вместо его праздничной одежды ему вручаются лохмотья. Взамен собак, на которых он приехал, хозяин дает ему заморышей. И вот в таком виде, на таких собаках, человек возвращается из гостей. «Однако ж оное за обиду не почитается, но за знак дружества». Легко понять, почему гость не таит обиды — ведь в следующий раз, когда теперешний хозяин придет к нему в гости, они поменяются местами. Предвкушая рванш, даже в лохмотьях, даже на падающих собаках, он возвращается домой в прекрасном настроении. А если гость доволен (какими бы средствами это бы ни было сделано), то цель достигнута, и гостеприимство соблюдено.

Если же говорить об азах, о каком-то минимуме гостеприимства, то таким минимумом будет по крайней мере умение оградить гостя от всего неприятного.

И. Эренбург рассказывает в своих воспоминаниях о поездке в Китай: «Один писатель сказал мне, что не мог встретиться со мной — его жена была тяжело больна, три дня назад она умерла; говоря это, он смеялся. У меня мурашки пошли по коже; потом я вспомнил, что Эми Сю мне говорил: «Когда у нас рассказывают о печальном событии, то улыбаются — это значит, что тот, кто слушает, не должен огорчаться».

Подобный обычай существует и в Японии, где это также стало нормой национального этикета.

К сожалению, все мы знаем иные случаи. Есть люди, которые словно только для того и приглашают гостей, чтобы

рассказать им о своих болезнях, поведать о неприятностях и печалях. Облегчив таким образом свою наболевшую душу, они полагают, очевидно, что тем самым исполнили высокий долг гостеприимства. Мнение, которое едва ли разделяют сами гости.

В противоположность этой манере Макаренко, например, всегда думал о том, чтобы не отравить настроение другим своими невзгодами. «Я никогда не позволял себе иметь печальную физиономию, грустное лицо, — писал он. — Даже если у меня были неприятности, если я был болен, я должен уметь не выкладывать это перед детьми».

Сколь неприятно гостю стать свидетелем семейной ссоры, хорошо, наверное, знает тот, кто хотя бы раз столкнулся с этим. Когда происходят такие вещи, они говорят прежде всего об отношении к гостям, а потом уже об отношениях в семье.

Вполне возможно, что в семье время от времени могут возникать некоторые разногласия. Но незачем делать гостей свидетелями конфликтов, как поступила однажды жена Цицерона. Рассерженная тем, что с ней не было согласовано меню, она устроила при гостях такой скандал великому оратору, что память об этой блистательной сцене стала достоянием не только ее участников и современников, но, как видите, дошла даже до нас.

— Со мной совершенно не считаются! — кричала она. — Я как чужая в собственном доме!

Однако оградить гостя от неприятных сцен, избавить его от тягостных разговоров — этого еще недостаточно, чтобы пребывание в вашем доме доставило ему удовольствие. Вот почему предупредительный человек, приглашая кого-нибудь, старается заранее узнать о вкусах и склонностях своего гостя.

«И вот отвели эфиопу покои, — читаем мы в одном древнеегипетском тексте, — где он мог укрыться, и стали ему готовить всякую мерзость, какую едят в стране негров». Эфиоп, о котором повествует папирус, был, надо думать, доволен вниманием, проявленным к нему египтянами. Что же касается того, что сами египтяне не разделяли его вкусов, то это и не обязательно. Важно, что они захотели и смогли сделать приятное своему гостю. А для этого прежде всего они поинтересовались, что нравится ему, что ему доставляет удовольствие.

Однажды турецкий посол, желая доставить удовольствие Наполеону, подарил ему редкой красоты трубку. Но едва император сделал затяжку, как тут же яростно швырнул

ее в дарителя, обозвав его при этом словом, которое не приводится почему-то ни одним из биографов императора.

Дело в том, что до этого Наполеон никогда не курил.

Посол же не потрудился поинтересоваться этим заранее. Он исходил из собственных представлений о том, что может быть приятно человеку.

Для чего мы вспомнили здесь об этом? Чтобы убедиться, что самого искреннего желания сделать человеку приятное может быть недостаточно, если мы заранее не поинтересуемся о его вкусах, его привычках, может быть, даже о любимом блюде. Ведь если человек, которого вы ждете в гости, вам искренне интересен и симпатичен, то вам самим доставит радость обрадовать его и вы заранее подумаете о том, как это сделать.

5. „Безнравственные радости“

В том, что Наполеон не курил, не было ничего удивительного. Еще в первой половине прошлого века курение в обществе считалось в Европе «дурным тоном». Как-то Энгельсу случилось быть в то время в доме одного богатого манчестерского промышленника. Хозяин любил выкурить трубку после обеда, но эта привычка так шокировала его домашних, что, для того чтобы спокойно покурить, ему пришлось пригласить Энгельса на кухню! В отличие от нашего бытового представления для богатого промышленника кухня в его особняке была местом, где его появление было по крайней мере странно.

Мысль о предосудительности курения оказалась довольно живуча. Еще в начале нашего века некий профессор Берлинского университета, написавший книгу хороших манер, утверждал, что курить на улице неприлично. А президент Соединенных Штатов Мак-Кинли, сам будучи заядлым курильщиком, наотрез отказался сфотографироваться с сигарой. «Мы не должны показывать молодым людям, что их президент курит», — смущенно объяснил он причину своего отказа. Позднее, во время президентства Теодора Рузвельта, когда газеты сообщали, что его старшая дочь курит, «блюстители нравов» были буквально шокированы этой новостью.

Конечно, в настоящее время трудно, к сожалению, уди-

вить кого-нибудь чем-то подобным. Удивительнее бывает, когда в компании встречается человек некурящий. Однако пусть послужит нам предостережением ситуация, которая сложилась, например, на островах архипелага Бисмарка, где курят поголовно все, не только женщины и мужчины, но даже дети. А один этнограф описывает даже случай самоубийства, когда муж покончил с собой только потому, что жена его выкурила весь запас табака, бывший в доме.

Другое невинное удовольствие, которое можно предложить гостям, — танцы. Как и курение, они тоже долгое время числились среди радостей неподобающих и неприличных. Воспитанный человек, утверждал Цицерон, не станет танцевать при всех, «если только он не пьяный или не сумасшедший». Ксенофонт рассказывает, что, когда ученик Сократа застал своего наставника танцующим, он поднял его на смех.

Геродот повествует о том, что тиран одного греческого города в последнюю минуту отменил свадьбу своего подданного на том основании, что тот вел себя недостойно. Недостойность его поведения заключалась в том, что он... плясал.

— Сын Тисандора, — сказал ему тиран, — ты проплясал свою свадьбу!

На что неудавшийся жених со свойственным древним стоицизмом ответил всего одним словом:

— Плевать!

«Скипио, — писал Сенека, — танцевал под звуки музыки, делая своим прекрасным телом не те вихляющие телодвижения, которые модны теперь, он танцевал в том мужественном стиле, в котором выходили, бывало, танцевать старики на праздниках и спортивных состязаниях, не рискуя потерять свое достоинство, даже если при этом случалось присутствовать их врагам».

Чтобы не рисковать потерять свое достоинство, Бисмарк, когда ему исполнилось 27 лет, полностью отказался от танцев. Однажды, правда, войдя в соблазн, он нарушил это добровольное отречение. Однако за этой вольностью последовал выговор со стороны императора:

— Меня упрекают в том, что я выбрал себе легкомысленного министра. Вам не следовало бы усиливать это впечатление участием в танцах.

После этого эпизода принцессам было категорически запрещено приглашать Бисмарка на вечера с танцами.

Некоторым танцам долгое время пришлось выдерживать настоящую борьбу за существование. Чуть ли не весь прошлый век одним из самых непристойных танцев считался вальс. В России при императоре Павле на вальс, или, как

говорили тогда, «вальсон», было наложено строжайшее запрещение, как на танец неприличный. Даже в конце века, по непоколебимому убеждению некоторых блюстителей добродетели, вальс считали танцем «слишком вольным», и незамужним девушкам следовало воздерживаться от него.

Мы знаем, однако, что в конце концов танец этот оказался сильнее всех ханжеских запретов и ограничений. Его танцевали, его любили вопреки всему. Он дожил до наших дней. Было время, когда некоторым современным ритмичным танцам с трудом приходилось пробивать себе путь. Находились люди, которые говорили о них примерно то же, что в свое время говорилось о вальсе. Но ритмичный танец живет. Живет вопреки преувеличенным опасениям одних. Вопреки бездарности и кривлянию других, тех, кто не умеет танцевать красиво и только компрометирует танец. Напряженный, четкий ритм танца как бы перекликается с ритмом эпохи.

Есть люди, которые во всем ищут легких путей — в жизни, в делах, в отношениях с другими. Вместо вопроса — как лучше принять гостя, они спрашивают себя — как легче, и... ставят на стол пол-литра. Они считают, что этим жестом проявлен максимум гостеприимства — и человеку оказано «уважение» и найдено «занятие», которого хватит на весь вечер.

...Скольким
заменили
водочные спайки
все
другие
способы
общения людей?! —

писал когда-то Маяковский. Он писал это именно о тех, кто не представляет себе, как можно принять гостя и занять его, без того, чтобы «сообразить». Конечно, свести общение с человеком к совместному распитию пол-литра легче всего. К счастью, примитив никогда не был человеческим идеалом. А самый легкий путь редко бывает самым лучшим.

В

1. Переломить хлеб...

Центральной Бразилии есть племена индейцев, которые не стыдятся ходить совершенно обнаженными. Но те же люди будут безмерно смущены, если вы... застанете их за едой. Поэтому, когда кому-нибудь приходится все-таки есть в присутствии другого, он совершает это стыдливо, опустив голову и отвернувшись. Тот же, кто присутствует при этом, если он человек воспитанный, поворачивается к нему спиной и не оглядывается, пока тот не кончит трапезу.

Подобное представление бытовало и бытует, оказывается, и у других народов. У ацтеков, например, когда император Монтецума садился за трапезу, перед ним ставили золоченый экран. Никто не должен был видеть, как император ест. В полнейшем одиночестве должны были вкушать пищу и многие африканские вожди и вожди в Полинезии. Нарушивший это одиночество карался смертью.

Что может быть нелепее такого обычая? — сказали бы мы. Но любое явление может казаться нелепым, пока мы не знаем того, что стоит за ним. Оказывается, эти запрещения, или табу, связаны с представлениями первобытной магии. Согласно этим представлениям пища, которую принимает человек, становится как бы частью его самого. Причинить какой-нибудь вред пище, скажем, при помощи наговора было равнозначно тому, чтобы причинить вред самому человеку, ввести в его тело вместе с едой болезнь или даже смерть.

Поэтому чем меньше людей будут видеть, как человек принимает пищу, тем лучше. А самое безопасное, если это вообще будет происходить без свидетелей. Если и разделить трапезу с кем-нибудь, то уж только с человеком, от которого нельзя ожидать зла, которому безусловно доверяешь. Так совместное принятие пищи превратилось в ритуал, значение которого выходило за пределы простого утоления голода. Общая трапеза стала означать установление доверия и взаимной дружбы.

Этот смысл совместная трапеза имела уже в самые отдаленные времена. Известен был этот обычай и на Руси. Летопись рассказывает о ссоре двух князей — Изяслава Мстиславича и Глеба Георгиевича. Но вот столкновение завершается примирением: «Глеб же выеха и поклонился Изяславу. Изяслав же позва и к себе на обед и ту обедав». Ничто не могло закрепить достигнутый мир так, как общая трапеза.

Путешественник Яков Рейтенфельс, побывавший на Руси в XVII веке, писал, что русские считают невозможным «заключить тесную дружбу, не наевшись и не напившись предварительно за одним столом».

Общая трапеза настолько превратилась в символ дружбы, что отказ принять в ней участие стал равнозначен отказу от дружбы. Вот почему на Востоке, если гость почему-либо не мог принять угощения, чтобы не быть понятым неверно, он опускал палец в солонку и облизывал его. Тем самым он как бы разделял трапезу символически. Этот жест говорил: «Я ел в этом доме, поэтому я друг этого дома».

По старому русскому обычаю, когда гость ел охотно, это было выражением дружбы и уважения к хозяину. В противном случае говорили: «Он не пьет, не ест — он не хочет нас одолжить!» Это считалось знаком затаенного недоброжелательства, недружелюбия.

В наше время нередко мы читаем в газетах, что такой-то политический деятель дал обед в честь прибывшей делега-

ции или какого-либо лица, приехавшего с официальным визитом. Попробуем подойти к этому важному мероприятию с точки зрения обыденного здравого смысла. Зачем делается это? Целью визита являются обычно переговоры. Ясно, что совместное сидение за тарелкой супа к этому отношения не имеет. Еще менее вероятно предположить, что это делается из благотворительных побуждений. Перед высокими участниками этого мероприятия не стоит, очевидно, проблема где пообедать. Ясно, что причина этого действия совершенно иная. В этом акте современного дипломатического этикета живет все тот же древнейший ритуал совместно-го вкушения пищи.

Правда, в многолюдных пирах, которые задавали некогда различные правители и царственные особы, к этому традиционному значению трапезы примешивался и иной оттенок. Нередко это становилось формой заигрывания с народом.

Большие обеды и пиры, которые давал Иван Грозный, продолжались иногда по шести часов — почти полный рабочий день, как сказали бы мы сейчас. На них присутствовало по 600—700 приглашенных. Но пиры эти выглядели скучными и малолюдными вечеринками по сравнению с теми, которые устраивал позднее Борис Годунов. Однако царем Борисом меньше всего руководило бескорыстное хлебосольство. Близились смутное время. Среди посадских, среди крестьян шли глухие толки. Юродивые на папертях вещали, что быть на Руси гладу, мору и пожару. И вот царь, томимый тревожными предчувствиями, с опозданием пытается заручиться дружбой простых людей. И хотя должны были пройти века, прежде чем появится человек, по имени Наполеон, который скажет, что путь к сердцу солдата лежит через его желудок, — можно подумать, что царь Борис уже слышал где-то эти слова. Царь Борис ищет путь к сердцу народа. В Серпухове под большими шатрами пируют 10 тысяч человек. Они пируют день, пируют другой. На третий день угощение возобновляется. Так продолжается целых шесть недель подряд. Шесть недель брагой и медом, кашей и бараниной царь тщетно пытается склонить к себе неверные народные сердца.

Крестьяне в заплатанных зипунах, беглые иноки, просто гулящие люди без роду, без племени едят, пьют, поют хмельные песни, засыпают здесь же на земле возле шатров, чтобы, проснувшись, снова есть и пить. Пронырливые людишки с быстрыми глазами, потолкавшись в толпе, докладывают царю, что народ-де славит царя Бориса и его щедрость. Царь

слушает хмуро. Он не верит. Он достаточно стар и достаточно мудр, чтобы знать цену этой благодарности.

Обычай устраивать угощение для народа продолжила Екатерина II. Однажды такой обед был дан на площади перед дворцом. Устроители пира проявили известную долю фантазии, ибо мало было просто накормить народ, надо было произвести эффект, надо было, чтобы об этом событии говорили и при других дворах. С самого утра на площади слышен стук молотков. Это, облекая плотью изящную мысль придворных затейников, рабочие сооружали искусственные горы. Горы эти должны состоять из своего рода полок или ярусов, на которых будут расставлены угощения. С четырех сторон будут бить фонтаны, фонтаны с красным и белым вином, с пивом и медом. Немец-механик уже который день возится со своими подручными, налаживая фонтаны. Окончательно проверить механизмы никак не удастся, потому что, когда начинают качать вино, подручные всякий раз так напиваются, что приходится прекращать работу. На следующий день повторяется то же самое.

Но вершиной всей затеи был бык, жареный бык, которого решено установить на вершине одной из гор. Казначейство уже выдало пятьсот серебряных рублей. Этими рублями будет фарширована голова быка.

Толпа, привлеченная слухами об угощении, собралась перед площадью задолго до начала обеда. Предвидя бурные проявления народного восторга, устроители предусмотрительно вызвали пожарных. Это было сделано кстати. Когда во время пира «зачиналась или драка, или большая давка», сильная струя воды восстанавливала мир и спокойствие.

Последним из таких «угощений для народа» была недоброй памяти Ходынка в Москве, где погибли, раздавленные толпой, сотни людей.

В годы царствования Петра I в России побывал некий датчанин, оставивший любопытное описание русского обеда. Сначала на стол подавались различные соленья, ветчина, копченый язык, селедка и т. д. Все это очень солоно, — писал он, — и сильно приправлено перцем и чесноком. За этим следовало то, что теперь мы называем вторыми блюдами, — различное жаркое. И наконец, на третье подавали супы. На десерт, или, как говорили тогда, «на заедку», появлялось варенье, зеленый горох в стручках и морковь.

Чем больше было число блюд, которыми потчевали гостя, тем выше считалась оказываемая ему честь. В обычных

боярских домах в честь гостя на стол подавали по 30—40 различных блюд. На царских же пирах, особенно если угощали послов, число перемен возрастало до 100, 150 или даже до 200. Пределом же были, по всей вероятности, 500 блюд, поданные на обеде в честь некоего графа Карлиля.

Не будем, однако, завидовать вышеупомянутому графу. Не только потому, что зависть нехорошее чувство. Пятьсот блюд — это гораздо больше, чем нужно, чтобы доставить человеку радость. Поэтому уже вскоре после начала обеда восторги графа Карлиля приняли, очевидно, чисто созерцательный характер.

Когда угощение бывало особенно обильно, о нем с одобрением говорили: «Гостьба была толсто-трапезна». И на другой день хозяин непременно посылал справиться о здоровье гостей. Зачастую это оказывалось нелишнее.

Однако обилие блюд служило обычно не только возвеличиванию гостя. Это была также и манера подчеркнуть собственное богатство. Пользоваться же для этого любым поводом было нормой поведения в обществе, где место каждого определялось его имущественным положением.

Не удивительно, что радушие хозяина (что бы ни стояло за ним) обычно намного превышало скромные возможности, отпущенные гостю природой. Однако и эта трудность была преодолена изобретательным человечеством. Французский путешественник, побывавший на Руси в XIII веке, писал об обычае русских приходить на пир со специальным квадратным мешком, в котором они уносили то, чего не в силах были съесть за один раз. Обычай этот сохранился и позднее, во времена Ивана Грозного. Когда гости после угощения отправлялись по домам, им вручали с собой блюда с мясом, блюда с пирогами, корзины со сладостями, пряниками, орехами и сушеными плодами.

Арабский путешественник Ибн-Фадлан, посетивший десять веков назад царство волжских булгар и приглашенный царем на пир, особо отмечал в своих записках: «Когда кончилась еда, каждый из нас унес оставшееся на его столе домой».

Такой же обычай известен и в странах Ближнего и Дальнего Востока. В Японии еще в прошлом веке на торжественные обеды предусмотрительно являлись с пустыми корзинами. В эти корзины складывали и уносили домой то, что не могло быть съедено.

Воздавая обильным угощением почет тому или иному гостю, устроители пиров, естественно, не забывали и себя.

Особой любовью к тонким блюдам отличался небезызве-

стный князь Потемкин. Кто знает, действительно ли так уж любил он поесть, или князь старался этим подчеркнуть собственную утонченность и аристократичность. Вернее всего, и то и другое. Известно, что Потемкин много раз напрашивался на обед к Суворову, который обычно отшучивался. Наконец Суворов вынужден был все-таки пригласить всесильного фаворита вместе с его многочисленной свитой. Вызвав к себе Матоне, метрдотеля, служившего у Потемкина, Суворов заказал ему роскошный обед, распорядившись денег не жалеть. Для себя же он попросил повара приготовить всего два постных блюда.

Своим великолепием обед поразил даже Потемкина, привыкшего к роскоши. Его не насторожило, что сам хозяин, кроме двух постных блюд, ни до чего не дотрагивался, ссылаясь на нездоровье.

На следующий день Матоне представил Суворову громадный счет. Суворов улыбнулся. Вчера радовался Потемкин, сегодня будет радоваться он. Платить по счету Суворов не стал и, написав на нем: «Я ничего не ел», отправил счет Потемкину. Тому ничего не оставалось, как заплатить самому. Передают, что при этом светлейший печально заметил: «Дорого же обошелся мне Суворов!»

Когда сегодня вы от души угощаете человека, сидящего за вашим столом, вы следуете той доброй традиции, которая уходит в самое далекое прошлое. «Более других чтите гостей, — писал в своем завещании детям князь киевский Мономах, — откуда бы к вам ни пришел, простой или знатный или посол, если не можете дарами, то брашиной и питием...» Эту щедрость русских к гостям не раз отмечали иностранные путешественники. Один из них был особенно удивлен, заметив, что во время пира царь Алексей Михайлович приказывал «подавать все заморское и дорогое — гостям».

Конечно, как и все, хлебосольство тоже имеет свои границы. Мы не будем приводить в этой связи басню Крылова «Демьянова уха», всем хорошо известную.

Пусть, однако, нас не пугает перспектива оказаться излишне настойчивым, угощая гостей или выражая им знаки внимания. От этого люди испытывают гораздо меньше тягот, чем от ситуаций прямо противоположных, когда, накрыв на стол, хозяйка считает, что этим их функции гостеприимства исчерпаны, и спешат заняться собой и своим аппетитом, проявляя мало интереса к гостям, — что они, как они, едят ли, нравится ли им.

2. Наследники отравителей и колдунов

Порой мы совершаем действия, казалось бы, совершенно лишённые практической целесообразности. Таков, например, обычай пить за здоровье друг друга, за успех. Ясно ведь, что добьемся мы удачи в каком-то деле или нет — это меньше всего зависит от того, было ли за это выпито. Ясно также, что состояние здоровья человека не зависит от того, что кто-то выпьет за его здоровье. Почему же, понимая все это, мы тем не менее участвуем в этой «игре»?

- Ваше здоровье, Александра Владимировна.
- Ваше здоровье.
- За успех!
- За успех!

Эти фразы — последнее, что осталось от некогда грозного магического ритуала. «Колдовской» смысл его сводился к тому, что человек может якобы оказывать влияние на события не только прямым вмешательством, но и просто — сильным волевым импульсом. Стоит пожелать чего-то очень сильно, и все исполнится. И сейчас, поднимая сосуд с вином и произнося слова пожелания, мы не задумываемся уже над значением этого обычая, давным-давно утратившего свой первоначальный смысл. Провозгласить тост за человека стало не больше чем манерой выразить ему свою симпатию, свое уважение. И наоборот, отказаться поднять бокал за кого-либо — означает крайнюю форму неодобрения.

Мы говорили уже в самом начале главы о том, как часто вблизи от обеденного стола проходила смерть. Нигде в прошлом не было, пожалуй, убито столько людей, сколько за столом. И действительно, трудно было найти более удобный случай, чтобы отправить человека на тот свет. Так был отравлен, например, в золотоордынской ставке Ярослав Суздальский, так нередко расправлялся со своими приближенными царь Иван Васильевич Грозный.

«Напротив Серебряного сидел один старик боярин, на которого царь держал гнев. Об этом гневѣ догадывались, и поэтому многих удивило, когда кравчий Федор Басманов подошел к старику с чашей вина и сказал громким голосом:

— Василий-су! Великий государь жалует тебя чашею!

Боярин встал, поклонился царю и выпил вино, а Басманов вернулся и так же громогласно доложил:

— Василий-су выпил чашу, челом бьет!

Между тем с боярином сделалось что-то неладное, лицо его посинело, глаза налились кровью, и он повалился на-земь.

— Пьян, — сказал Иван Васильевич, — уберите его».

Особенно славилась изготовлением тонких и коварных ядов Венеция. С XV до XVIII века венецианский «Совет Десяти» содержал специальных государственных отравителей, которые избавляли его от политических противников. Дворцовая интрига, любовное приключение, сведение давних счетов — везде в ход пускали яд. Его незаметно подсыпали в бокал во время дружеской беседы, отравляли воду, фрукты, посуду. От этого не было спасения. Единственным выходом было отравить того, кто мог бы отравить вас, раньше, чем это придет ему в голову. Естественно, каждый старался под тем или иным предлогом избежать трапезы в доме, где у него мог бы быть недоброжелатель.

Древние народы не уступали венецианцам в тонком искусстве изготовления ядов. Этой науке были причастны и египтяне и греки. Не с тех ли отдаленных времен берет начало обычай, когда хозяин, угощая гостей, первый кусок берет себе, показывая тем, что угощение не отравлено?

Арабский путешественник Ибн-Фадлан писал, что во время торжественного обеда царь булгар «велел принести ему стол, на котором было жареное мясо, он взял нож, отрезал его и съел, затем другой кусок, третий, потом отрезал кусок и подал посланнику Сусану. Затем отрезал он кусок и подал царю, сидевшему по правую его сторону...» Такой же обычай бытовал на Руси еще в XIII веке и позднее, вплоть до XVII. Вежливый хозяин сначала отрезал кусок себе, а потом уже угощал гостя.

А на арабском Востоке и сейчас, согласно существующему этикету, первым начинает есть хозяин.

Один этнограф поинтересовался у туземцев Зондских островов, почему, угощая гостя, первый кусок всегда берет сам хозяин.

— Очень просто, — ответили ему, → чтобы показать, что еда не отравлена.

При этом туземцы удивились, что спрашивающий, такой уважаемый человек, не знает столь простых вещей.

По той же самой причине на Новой Гвинее и во многих районах Африки, давая кому-нибудь пить, первый глоток

делает сам хозяин. А у зулусов считается просто невежливым, угощая пивом, не отпить из кувшина сначала самому.

— Это делается для того, — простодушно объясняют они, — чтобы уверить пьющего, что в кувшине нет смерти.

И когда вы, разливая вино, сначала наливаете немного себе и лишь после этого наполняете бокалы других, не верьте тем, кто говорит, будто так поступают, чтобы другим не попали какие-то мифические кусочки пробки. Это делается, чтобы показать, что вы не отравитель.

Именно такой смысл имело это действие первоначально — до того, как превратиться в правило бытового этикета.

Мог ли знать боярин Хабар-Симской, отправляясь на пир к Ивану Грозному, что его путь оттуда будет прямо на плаху? За что же повелел казнить его царь? Боярин отказался сесть за стол ниже Малюты Скуратова. Он не уступил своего места даже тогда, когда сам Грозный пригрозил ему смертью.

— Говори последнее желание... — нахмурился царь и велел позвать палача.

Хабар-Симской попросил об одном — чтобы до него палач казнил обоих его сыновей, дабы они, видя, как убивают их отца, и страшась смерти, не сказали чего-нибудь «недостойное их роду».

Как известно, в сословном обществе существовала строгая иерархия. Место каждого в этой иерархии определялось древностью его рода, имущественным или общественным положением. И нигде, пожалуй, эти сложные зависимости не выступали так четко, как во время пиров. «По роду-племени место дают, по отчеству жалуют». Споры из-за места были поводом для многочисленных обид, ссор и даже драк. А иногда дело кончалось и смертью.

Хорошим тоном почиталось проявить повышенную скромность: сесть на место ниже того, которое полагалось. Это давало повод хозяину оказать особый почет, пересадив гостя выше. Так поступал, например, один из русских былинных героев:

А идет он в место срединное,

Где сидят дети гостинные...

В Киевской Руси самым почетным местом считалось место рядом с князем.

Не менее строгая градация мест существовала и у других народов.

О том, как избежать обид, связанных с этой проблемой,

много думали в древнем Китае. И размышления эти оказались не совсем бесплодными. Один из китайских философов нашел мудрый выход. Он советовал сажать гостей не за один длинный стол, а за много круглых. В этом случае, считал он, обиженных не будет.

3. Приходящие со своей вилок

Когда дорогие гости уходят, а на кухне нас ожидает гора грязной посуды, приятно бывает вспомнить о тех временах, когда люди прекрасно умели обходиться без посуды и ели руками. «Берите кушанья концами пальцев, — поучал Овидий, — уметь есть — это тоже искусство». В древней Греции, где не знали ни ножей, ни вилок, тоже ели руками, которые затем обтирали кусками хлеба. Так же поступали и на Руси.

Вилки и ложки, так прочно вошедшие в наш быт, и сейчас, оказывается, далеко не везде пользуются признанием. Например, на Востоке великолепно обходятся без вилок. Даже у нас в Средней Азии излюбленное блюдо — плов — ловко и умело едят пальцами. По наблюдению Давида Ливингстона, в некоторых районах Африки очень своеобразно пользовались ложками. Когда местные жители ели кашу или молоко, они набирали полную ложку, подносили ее затем к левой руке, выливали содержимое в ладонь и ели уже из ладони. Такой способ они находили более удобным.

Изобретение вилки было, по всей вероятности, делом необычайной трудности, и должны были пройти века, прежде чем она появилась в Европе. Упорным, хотя и тщетным, размышлениям о подобном предмете предавались еще древние греки. Их творческая мысль пошла, правда, не дальше специальных перчаток для еды и костяных наконечников, которые надевались на пальцы.

Атрибуты современной цивилизации зарождались иногда самым неожиданным образом и в самых неожиданных местах. И если, скажем, в Европе времен Ренессанса за беседой о пользе просвещения и прогресса сотрапезники вульгарно ели руками очередное блюдо, то каннибалы островов Фиджи в то же самое время на своих пиршествах пользовались вилками.

Интересно, что в Европе долгое время есть вилок считалось своего рода пичейством. Людовик XIV, раздраженный вызывающей утонченностью некоторых из своих придворных дам, пользовавшихся вилками, специально приказывал слугам подбрасывать им в тарелки волосы. Можно представить себе, какую тайную радость испытывал он, наблюдая их муки.

— Доктор, молодой человек, не то что совсем нигилист, но, знаешь, ест ножом... — не без осуждения замечает Анна Каренина об одном из персонажей романа.

И действительно, зачем, казалось бы, есть с ножа, если существует вилка? Однако в прошлом веке эта скверная привычка оказалась поднятой в Соединенных Штатах чуть ли не до уровня национальной проблемы. В стране началась настоящая кампания за то, чтобы американцы ели не с вилки, а с ножа. Американцы, говорили сторонники ножа», как и любой народ, должны иметь свои национальные обычаи. Почему бы в качестве такого обычая не ввести манеру есть с ножа? При этом рекомендовалось делать это осторожно, «не хватая больших кусков и не сжимая губы плотно над лезвием». Кампания эта приняла такой большой размах и разногласия зашли столь далеко, что президент Соединенных Штатов Г. Кливленд однажды публично не подал руку одному издателю только потому, что тот отстаивал «идею ножа».

Когда обеденные приборы начали постепенно входить в быт, первое время они составляли, естественно, большую редкость. Только богатые люди могли позволить себе роскошь иметь какое-то количество обеденной посуды. Как большую ценность, волоцкий князь Иван Борисович перечислял в своем завещании (1504 г.) посуду, которую оставлял наследникам: пять мисок, одну уксусницу, одну солонку, одиннадцать ложек, две чарки большие, четыре чарки малые, три стакана, сковородку серебряную...

Отправляясь в гости, нож, вилку или ложку обычно приносили с собой. Так поступали, например, рыцари в средневековой Европе. А когда одному иностранному принцу, приглашенному Иваном Грозным на пир, не было подано ни ножа, ни тарелки, ни вилки, ему пришлось пользоваться всем этим, заимствуя их время от времени у сидевшего рядом боярина.

Можно, однако, понять хозяина, который не очень охотно угощал гостей из своей посуды, предпочитая, чтобы они приносили ее из дому. Гости имели привычку, уходя, прихватывать с собой понравившийся им кубок или блюдо. Когда

после успешного завершения переговоров царь по традиции угощал иностранных послов медом, те, выпив мед, нередко норовили спрятать чашу, из которой пили, за пазуху. Чаши эти выглядели как золотые или серебряные. Однако русские были людьми предусмотрительными. «Для таких бессовестных послов, — писал современник, — деланы нарочно в английской земле сосуды медные, посеребренные и позолоченные».

Пропадала посуда во время приемов и при дворах французских королей, а еще раньше подобные инциденты вносили некоторое разнообразие в пиры, которые устраивали римские императоры. Как-то во время пира, устроенного императором Клавдием, пропал золотой кубок. Подозрение пало на известного аристократа Т. Виния. И хотя это было не более чем подозрение, когда Виний был приглашен в следующий раз, ему в отличие от остальных гостей был подан кубок из обожженной глины. Император Клавдий считал, что предосторожность в подобных случаях всегда уместна.

Однако по мере того как шли века, тенденция похищать посуду заметно ослабевала. Очевидно, сказывалось общее улучшение нравов. Как правило, современный гость чужую посуду за пазуху не прячет, а если в чем и повинен, так разве что в том, что разобьет что-нибудь. Конечно, для этого особого умения не нужно, но зато подобная ситуация требует некоторых качеств от хозяина, а чаще от хозяйки. Предполагается, что в этом случае у вас хватит такта не усугублять общую неловкость причитаниями, вроде: «Ах, что теперь будет со скатертью!» или «Это была моя любимая чашка!» и т. д. Вы, очевидно, помните известную истину, что настоящая воспитанность заключается не в том, чтобы не опрокинуть соусницу на скатерть, а в том, чтобы не заметить, когда это сделает кто-нибудь другой. А тем более в вашем доме, вашу соусницу и на вашу скатерть.

Но только не заметить мало. Если вы будете ликвидировать последствия чьей-то неловкости с нахмуренным челом и сжатыми губами, всем своим видом являя неудовольствие, — это мало будет отличаться от того, если бы вы разразились горестными причитаниями. Лучше всего, конечно, суметь свести инцидент к шутке, разрядить обстановку веселым словом. Когда Петра I принимали в Киево-Печерской лавре, на него был опрокинут поднос с наполненными рюмками. Все рюмки разбились вдребезги. Петр побледнел, что предвещало приступ гнева, и неизвестно, чем окончилось бы это происшествие, если бы один из молодых монахов не воскликнул:

— Тако сокрушители, Великий Государь, силы супостатов твоих!

Петр рассмеялся, за ним и остальные. Инцидент, который мог бы оказаться одинаково неприятным как гостю, так и хозяевам, был обращен в шутку. Любопытно, что Петр не забыл веселого и находчивого монаха, и позднее он был посвящен в архимандриты.

Но вернемся к разбитым рюмкам. Есть люди, которые сами едят и пьют из посуды попроще, пощербатее, но зато когда наступает праздник и приходят гости, из буфета появляется тот сервиз, который только для этих случаев и существует. Нам не хотелось бы осуждать этих людей или спорить с ними, если бы за этим небольшим штрихом не стояло, как кажется нам, определенное мироощущение: манера подразделять жизнь на однообразные календарные будни и праздники, когда с мебели снимаются чехлы, а на стол торжественно ставятся красивые чашки. Вот с этим-то мировосприятием нам бы и хотелось не согласиться.

Следует ли лишать себя каждодневной красоты? Нужно ли лишать себя радости? Неужели долгие дни и недели мы живем только ради какого-то короткого вечера, когда устраивается очередной праздник, день рождения или прочее торжество? Нет. Нужно стараться, чтобы радость сопровождала нас каждый день, а не только с субботы на воскресенье. Нужно, чтобы красивые вещи, от которых и жизнь становится красивее, были с нами каждый день, а не томились по сундукам и буфетам в ожидании того случая, когда соберется достаточно гостей, чтобы было чем их подивить. И пусть время от времени разобьется чашка, пускай хрустальный бокал превратится в осколки, а на полированной мебели в конце концов появится царапина. Пусть человек переживет вещи, а не наоборот. Две тысячи лет назад был произнесен афоризм: «Не человек для субботы, а суббота для человека».

Не человек для вещей. Вещи для человека.

4. Горькое веселье

Легенда утверждает, что, когда Владимир Мономах выбирал для Киевской Руси новую религию, он отверг мусульманство на том основании, что ислам запрещает вино.

— Веселие же Руси есть пити, — глубокомысленно якобы заметил при этом князь.

С сегодняшней точки зрения древние греки в отношении питания были сплошь аскеты и подвижники. Даже виноградное вино они пили не иначе, как разбавляя его водой. Существовали даже определенные пропорции, в которых это делалось. Обычным соотношением были $\frac{2}{3}$ воды на $\frac{1}{3}$ вина. Некоторые считали, однако, такой состав слишком крепким для своих древнегреческих голов и благоразумно предпочитали $\frac{3}{4}$ воды и $\frac{1}{4}$ вина. Такое соотношение называлось у них почему-то «лягушачьим». И когда человек просил налить ему по-лягушачьи, его понимали так же хорошо, как мы понимаем привычный питейный жаргон нашего времени.

Впервые столкнувшись со скифами, греки удивлялись их обычаю пить неразбавленное вино. Как всякий дурной пример, обычай этот, естественно, довольно быстро нашел подражателей и в самой Греции. И когда кто-нибудь хотел совершить поступок, вызывающий удивление остальных, он говорил виночерпию: «Налей-ка мне по-скифски!» Это значило, что он будет пить неразбавленное вино.

Предвидя пагубные последствия подобной привычки, мудрые греки попытались пресечь ее со всем античным мужеством, им свойственным. За употребление неразбавленного вина в некоторых районах Греции была введена смертная казнь.

У римлян, не унаследовавших благородной умеренности своих греческих собратьев, существовал обычай, когда пили за чье-либо здоровье, выпивать столько кубков, сколько было букв в его имени. В этом случае человек, которого звали, скажем, Веспасиан или Скрибориан, имел явное преимущество, например, над Пием или Гаем. На Руси до такого обычая не додумались, но здесь вполне компенсировали себя размерами сосудов, из которых имели обыкновение пить.

О том, сколь велики бывали на Руси сосуды для питья, можно судить по письму крымского хана Менгли-Гирея великому князю Ивану III. В своем письме хан просил князя прислать ему в подарок серебряную чару в два ведра. «Я бы всегда из нее пил, — с подкупающим простодушием заверял он, — а тебя, брата своего, поминал...»

Еще в Киевской Руси, чтобы заставить гостя выпить как можно больше, его вызывали на своеобразное состязание — кто кого перепьет. Когда Ольга, желая отомстить древлянам за смерть Игоря, решила пойти на хитрость и пригласила их на пир, она тайно приказала своим людям «пить на них». Это выражение означало пить чашу пополам за братство, за

любовь и за здоровье друг друга. Отказаться от такого поста было невозможно, смертельно не оскорбив человека. В конце концов дружина Ольги перепила древлян, и они, все пять тысяч человек, были перебиты.

Да послужит это событие тысячелетней давности запоздалым уроком и назиданием для тех, кто и сейчас пытается пить сверх меры и свыше своих способностей. Ибо еще Овидий писал: «Не пейте больше, чем может вынести ваша голова, избегайте видеть в двойном виде все предметы».

С сожалением приходится констатировать, что этот совет Овидия, произнесенный им два тысячелетия назад, не возымел действия.

Конечно, у пьянства, как и у всякого человеческого несчастья, была своя история и свои глубокие и горестные причины. Если в классовых, антагонистических обществах равно пили и гибли от этого как бедные, так и богатые, то это, очевидно, потому, что общества эти, наделяя богатством одних и нуждою других, не наделяли счастьем никого. Именно эта глухая тоска по счастью, по светлой минуте и толкала к бутылке и нищего и миллионера.

Но как быть нам, что делать нам с этой дурной традицией, доставшейся нам в наследство? О вреде алкоголизма написаны сотни книг и тысячи статей. Мы не будем увеличивать их число еще на одну.

Было бы безмерным фарисейством распинаться о восторгах всеобщего воздержания и радостях «сухого закона». Да, существует кучка людей, пропивающих ум свой, и совесть, и саму жизнь. Точно так же как есть люди, которые не умеют плавать и поэтому, к несчастью, тонут в море. Но значит ли это, что остальным следует ходить только по берегу?

Обычно, когда порок не удается скрыть, его стараются украсить. Так всегда было и с пьянством. Этот порок людей безвольных давно оброс своим «фольклором», этакими шуточками-прибауточками, присказками да запевочками, в которых пьянство преподносится как некая лихость и ухарство и вообще как забубенное, разудалое молодечество. Возможно пьянчужкам и людям, потерявшим себя, только и остается в жизни, что тешиться этим «фольклором» да еще кокетничать между собой — кто, когда и сколько выпил.

Есть старая притча о человеке, который мечтал стать царем.

— Ну и что б ты тогда сделал? — спросили у него.

— Я бы... я бы украл сто рублей и сбежал!

За этой народной иронией стоит большая мысль, горестная мысль о том, насколько ничтожней и мельче своих воз-

можностей может оказаться человек. Представьте себе, мог бы владеть целым царством, а ухватил сто рублей и сбежал! Но не так ли поступают те, кто из всего великого и радостного многообразия жизни спешит ухватить одно — поллитровку?

Стоило жить, чтобы взять от жизни так мало!

5. Сидящие слева от вас и справа

Возможно, у читателя сложилось мнение, что единственная обязанность человека, сидящего за столом, — это благосклонно принимать оказываемые ему знаки внимания. Это глубокое заблуждение. Никто не освобождал пожирателя чужих бифштексов ни от обязанностей перед другими, сидящими за столом, ни от обязанностей перед хозяином. Впрочем, «обязанности» не то слово. Никто не может обязать вас быть приятным человеком. Но вы можете быть им. Это зависит только от вас. Начните с того, что постарайтесь помнить о других, сидящих за столом.

Это им, тем, кто не привык и не умеет думать о других, адресованы многие страницы всевозможных книг, посвященных этикету и хорошим манерам. Одни из этих советов предписывают не чавкать за едой, другие рекомендуют не грызть ногти, третьи — не чесаться, не плевать... Книга по этикету, изданная в Англии несколько веков назад и предназначенная для придворных, предписывала не сморкаться в скатерть и не плевать через стол. «...Не хватай первый с блюда, — наставляло молодых людей «Юности честное зерцало», — не жри, как свинья, и не дуй в ушное (в уху), чтобы везде брызгало, когда яси... Около своей тарелки не делай забора из костей...»

Не меньшее внимание манере держать себя за едой уделяли и ацтеки, жители древней Мексики. «Не ешь неаккуратно, как обжора, — наставляла одна из уцелевших хроник. — Когда пьешь воду, не втягивай при этом с шумом воздух. Ты ведь не щенок!»

Перечень этих правил, начинающих обычно со слова «НЕ», легко можно было бы продолжить. Мы не станем этого делать. Все эти «НЕ» могут быть сведены к одному: не делай за столом того, что может быть неприятно другим.

Пятнадцать столетий назад один китайский правитель,

владелец области Лян-чжу, отправился с визитом к правителю соседней провинции. Он не проехал и ста ли, как заметил, что жители соседней провинции обладают ужасными манерами. Особенно его поразило, что они совершенно не уважают друг друга во время еды — не моют рук, вылизывают языком посуду и т. д. Он был так оскорблен этим зрелищем, что отказался ехать дальше. «Чего не видел я в этом собачьем государстве!» — сказал он своим спутникам и приказал повернуть коней.

Раздосадованный правитель соседней провинции послал вдогонку за ними конницу, но опоздал. Между двумя провинциями-государствами началась долгая война. В ней, как во всякой войне, были убитые и раненые, были сожженные селения и города, взятые штурмом. И где-то среди шума битв, среди чьих-то подвигов, поражений и победных реляций затерянной и забытой оказалась та малая искра, тот начальный эпизод, от которого возгорелся пожар.

Есть, однако, люди, которые хотя и не облизывают пальцев и не выплевывают костей на скатерть, но тем не менее их присутствие за столом бывает мало приятно для остальных. Это те, кто имеет скверную привычку сопровождать чуть ли не каждое блюдо всевозможными негативными комментариями. Увидев, например, что вы берете горчицу, они непременно заметят, что употреблять горчицу вредно. Если кто-нибудь ест рыбу, они тут же расскажут о своем хорошем знакомом, который поел несвежей рыбы и что за этим последовало. Они будут подробно объяснять, почему они не могут есть того или другого, что от этого бывает изжога, а от этого отрыжка. При этом они пребывают в полнейшей уверенности, что остальным все это чрезвычайно интересно и приятно слушать. Ими движут благие намерения.

Исполненные подобной же непосредственности жители одного африканского поселка пришли в ужас при виде того, как Д. Ливингстон и его спутники едят хлеб с маслом.

— Посмотрите на них! — кричали они друг другу. — Посмотрите на них! Они едят сырое масло! Фу, как противно!

Дело в том, что сами местные жители признавали только растопленное, жидкое масло и ели его, макая в него хлеб.

Вполне возможно, такое же отвращение может вызвать у нас с вами сырой китовый жир, которым лакомятся эскимос. Но если никто не заставляет нас разделять его восторги, то точно так же никто не понуждает нас и высказывать свое отвращение вслух. Тем более в присутствии людей, которые едят это блюдо или которым оно нравится.

О том, что аппетит и настроение других следует щадить, не забывал такой человек, как Юлий Цезарь. Как-то он обедал с друзьями в доме, где была подана спаржа, запавленная вместо обыкновенного оливкового масла миррой. Чтобы понять, каково это было на вкус, представьте себе, что вы едите салат, куда вместо уксуса налили одеколон. «Цезарь спокойно съел это блюдо, — пишет Плутарх, — а к своим друзьям, выразившим недовольство, обратился с порицанием: «Если вам что-нибудь не нравится, — сказал он, — то вполне достаточно, если вы откажетесь есть. Но если кто берет-ся порицать подобного рода невежество, тот сам невежа».

Несомненно, Цезарю блюдо это доставило так же мало удовольствия, как и большинству присутствовавших. Однако, щадя чувства остальных, уважая хозяев дома, он не только ни единым словом не позволил себе высказать неодобрение, но и мужественно съел поданное блюдо.

Мы хотели бы рассказать в этой связи об одном эпизоде, который произошел значительно позже — через двадцать веков после Цезаря. Об этом факте знают немногие — только литературоведы и биографы Роберта Льюиса Стивенсона. Того самого Роберта Стивенсона, который написал «Остров сокровищ», чьи герои, распевая «Пятнадцать человек на сундук мертвеца...», до сих пор бродят по океанам в поисках приключений и золота.

Как-то уже на склоне жизни Стивенсону случилось побывать на одном из тихоокеанских островов. Прогуливаясь однажды, он увидел прокаженного, который сидел на обочине дороги. Это было непривычное зрелище для европейца. Движимый скорее человеческим, чем профессиональным писательским любопытством, Стивенсон остановился и незаметно стал наблюдать. Прокаженный курил и, казалось, был погружен в свои мысли. Так продолжалось несколько минут. Стивенсон хотел было идти уже дальше, как вдруг прокаженный позвал его. Да, именно ему стал он махать рукой, подзывая его ближе. Стивенсон подошел. Теперь он хорошо видел его лицо, уже обезображенное болезнью. Но что это? Изобразив подобие улыбки, прокаженный протягивал ему... окурок. В какую-нибудь долю секунды Стивенсон понял все. Без колебаний протянул он руку, сунул окурок в рот и, благодарно кивнув, пошел по дороге.

Все объяснялось довольно просто. Заметив на себе взгляд незнакомого человека, прокаженный, каких было немало на острове, меньше всего мог подумать, что причиной этого его несчастья. Он решил, что перед ним бедняк, который с завистью смотрит, как он курит, и не решается попросить

его оставить пару затяжек. В такой просьбе не было ничего необычного, местные жители, особенно рабочие порта, поденщики, относились к прокаженным без предубеждения.

К счастью, Стивенсон не заболел. Но мог ли он знать об этом, когда брал окурок из рук больного? Нет, конечно. Но он знал другое, знал, что не должен обидеть человека, даже если он видит его в первый и последний раз в жизни. А высказать отвращение, отказаться от того, что было предложено ему по доброте и величайшей простоте душевной, значило бы нанести человеку обиду. Вот почему Роберт Льюис Стивенсон, мужественный и добрый, как лучшие герои его книг, не колебался ни секунды.

Не думайте, что Стивенсону легко было сделать это. Или что Юлий Цезарь с удовольствием ел спаржу, заправленную миррой. Испытания, которым подвергаемся мы порой, к счастью, бывают менее суровы. Но всегда ли оказываемся мы на высоте? Даже такая мелочь, если у молодой хозяйки суп оказывается слегка пересоленным, а рыба несколько недожаренной, всегда ли хватает у нас догадливости и такта не заметить этого? Иногда то, чем угощают нас, может и не понравиться нам. Тот, кто привык думать прежде всего о себе и о своих чувствах, даст понять это. Человек великодушный, человек, думающий о других, так не поступит.

Но если хозяйке действительно удалось какое-то блюдо, как важно бывает сказать ей об этом! Ничто не может быть ей так приятно, как эта похвала. Недаром, по старому русскому обычаю, после удачного обеда приглашали повара и поздравляли его с успехом. Это поздравление было его триумфом, его славой. Так принимает овацию публики дирижер, так раскланивается автор, когда его вызывают на сцену.

И в наше время воспитанный англичанин, побывавший на обеде, считает своим долгом на следующий день отправить письмо, в котором благодарит за оказанное внимание и угощение. Такой же обычай известен и в Японии. У нас это не принято. Но зато так же, как и везде, у нас принято платить вниманием за внимание и добром за добро. Какую форму вы найдете сделать человеку приятное — это ваше дело.

ГЛАВА, КОТОРОЙ СЛЕДОВАЛО БЫ БЫТЬ ПЕРВОЙ

Обращаясь с ближними так, как они того заслуживают, мы делаем их только хуже. Обращаясь же с ними так, как будто они лучше того, что они представляют собой в действительности, мы заставляем их становиться лучше.

В. Гёте

Таланты бывают разные. У одних оказываются способности к музыке, у других — к математике, у третьих — к шахматам. Но есть еще один особый талант, который стоит несколько особняком. Это талант общения с людьми. Я не знаю человека, который был бы лишен его. Но я почти не знаю людей, которые развивали бы в себе эту способность. А делать это надо.

Как всякое искусство, искусство общения с людьми имеет свою первооснову. Это то, что может быть названо тактом.

Когда умирал Перикл, друзья, собравшиеся у его ложа, полагая, что он уже умер, стали горестно перечислять различные его доблести и прекрасные качества.

— Вы забыли о моей главной заслуге, — открыл глаза умирающий, — за всю свою жизнь я ни разу не оскорбил и не обидел ни одного афинянина.

2400 лет назад, описывая, как должен держаться вежливый и воспитанный человек, Аристотель особо подчеркнул, что он «будет остерегаться огорчать людей».

Однако такт не сводится только к тому, чтобы не огорчать людей и не делать им неприятного.

Держать себя так, чтобы не быть неприятным людям, — это лишь одно из проявлений того, что называется тактом.

В древнеиндийских «Законах Ману» есть интересное определение дипломата. Он называется там человеком, «знающим место и время действия». Очевидно, и такт в самом широком смысле — это умение знать «место и время действия», умение не только совершить тот или иной поступок или сказать то или иное слово, но и воздержаться от каких-то слов и поступков.

— «Я не всегда могу сказать то, что чувствую и думаю, — писал В. Либкнехт, — но это не значит, что я должен или обязан говорить то, чего я не чувствую и не думаю. Первое это — благоразумие, второе — лицемерие».

Легко научиться правильно завязывать галстук или держать вилку. Но нельзя выучить, как выучивают урок, то, что называется в человеческом общении тактом. Слишком велико число возможных ситуаций, чтобы все можно было предусмотреть заранее и заранее разучить, когда и как следует себя держать.

В одном случае тактичный человек постарается воздержаться от разговора, если он неприятен кому-либо. В другом — человек, у которого все благополучно, не станет демонстрировать свое благополучие в присутствии людей, которым менее повезло. В третьем случае уместно будет, если человек проявит тот такт, который проявил как-то В. И. Качалов в, казалось бы, малозначительном жизненном эпизоде.

В 1935 году Иосиф Игин, тогда еще начинающий художник, по заданию журнала «Рабочий и театр» пришел к Качалову в номер гостиницы рисовать портрет артиста. Чтобы как-то скрыть свое смущение, Игин сунул руку в карман за папиросами и спросил, можно ли закурить. В то время он курил папиросы самые дешевые, так называемые «гвоздики».

— Прошу, — ответил Качалов и протянул было руку к лежавшим на столе сигаретам «Тройка». Но в ту же секунду он заметил дешевые сигареты в руке гостя.

— Вот кстати, — сказал он поспешно, — я тоже хочу курить, а купить забыл.

«И он вынул из моей пачки «гвоздик», — вспоминает Игин, — таким жестом, будто это была по крайней мере

гаванская сигара. А левая его рука повернулась ладонью книзу, прикрыла сигареты и незаметно убрала их со стола.

И мне стало с ним легко и просто».

Такт — это прежде всего умение думать о других. И ситуации, в которых может проявляться это высокое человеческое качество, бесчисленны.

Родная сестра такта — предупредительность.

Нередко предупредительность и любезность становятся обычными явлениями нашего быта, и тогда мы словно перестаем видеть их. «На условленном месте, — читаем мы в одном из писем, опубликованных в «Известиях», — в метро у выхода я ожидала приятельницу, глядя на нескончаемую вереницу людей, которые исчезали в вихре снежинок. Большие дубовые двери нехотя, тяжело отступали под упрямым нажимом людей и яростно бросались назад, как только их отпускали сдерживающие руки. Натужившись, люди поодиночке подхватывали и толкали дверь, а выйдя, беспечно бросали ее, тяжелую и стремительную.

Почему-то мне вспомнилась старинная бурлацкая песня: «Эх, дубинушка, ухнем...» И «дубинушка» — дубовая дверь — действительно ухала из рук в руки. Но время от времени чья-нибудь осторожная рука на секунду придерживала «дубинушку» и, как эстафету, передавала тому, кто шел сзади. И удивительно: этот заботливый жест непременно повторял следующий, за ним третий, четвертый и т. д. Дверь сразу же становилась легкой, а люди предупредительными и добрыми. Выходя, они чуть оборачивались и, убедившись, что позади все в порядке, шли дальше.

Это повторялось, пока кто-нибудь из идущих небрежно и грубо не бросал дверь. Но проходила минута-другая, и кто-то опять предупредительно оглядывался, и его пример охотно подхватывали другие».

Такова сила доброго примера даже в мелочах. Готовность оказать услугу человеку, часто совершенно незнакомому, все больше становится у нас нормой человеческих взаимоотношений. Если вы мужчина и встретите на улице женщину, сгибающуюся под тяжестью чемодана, вы, естественно, сами подойдете и поможете ей. Кстати, так поступал даже Лев Толстой, будучи уже весьма в годах. Характерно, однако, что когда он помог как-то одной женщине, та без особых раздумий дала ему «на чай». Она не представляла себе, что человек может помочь другому «просто так». Приятно сознавать, что в наше время незнакомому человеку, оказавшему подобную услугу, нельзя уже протянуть деньги, не рискуя оскорбить его. Эта черта нашей жизни —

готовность оказать другому услугу не ради выгоды, а в силу человеческой солидарности, бывает особенно заметна, когда мы сталкиваемся с некоторыми чертами быта в капиталистических странах.

В одном из американских романов, довольно точно воспроизводящем жанровые сцены современной Америки, есть такой эпизод. Человек только что разминулся со своим приятелем и ищет его. Вот он обращается к кондуктору автобуса и спрашивает, не помнит ли он, когда сошел высокий пассажир в светлом костюме. Тот пожимает плечами. «Тогда я достал доллар и кондуктор вспомнил, что Аллен сошел двумя остановками раньше».

Продолжая свои поиски и обращаясь с расспросами к прохожим и даже к полицейскому, герою несколько раз приходится тут же платить за услугу. Случайно, мимоходом данная сцена из совершенно иного, чуждого нам мира. Можем ли мы представить подобную ситуацию в нашей стране? Нет, конечно. Любой с готовностью ответил бы на расспросы, помог бы чем мог, и невозможно было бы оскорбить человека больше, чем предложив ему за это деньги.

Ю. Изюмов в своей книге «Америка подрастающая» рассказывает о таком случае, происшедшем на Советской промышленной выставке в Нью-Йорке. Мальчику, который восторженно рассматривал выставленные станки и машины, наши инженеры разрешили нажимать на пусковую кнопку печатного станка. Всякий раз, когда он делал это, выскакивала карточка — приветствие, обращенное к посетителям выставки. Все было очень мило, пока не настал час закрытия выставки. Мальчик, которому разрешили эту игру, потребовал с инженеров деньги.

— Деньги! — твердил он. — Деньги! Я работал на вас!

Оказывается, этот малолетний, но достойный представитель своего мира решил, что напечатанные им карточки могут понадобиться инженерам и что, следовательно, он оказал им услугу. А так как, по его представлениям, человек ничего не должен делать другому бесплатно, то он и потребовал денег.

Обычай требовать оплаты любой любезности часто поражает советских людей, когда им приходится сталкиваться с этим за рубежом.

Мы можем, например, подойти на улице к любому незнакомому человеку и попросить закурить. Взяв сигарету и поблагодарив, мы считаем, что эпизод исчерпан.

Но есть, однако, страны, где человек, принимая сигарету даже из рук лучшего своего приятеля, тут же дает ему

мелкую монету, возмеща тем самым причиненный убыток. При всем этом оба они могут быть весьма состоятельными людьми. Это не меняет дела. Даром — ничего, любая услуга должна быть оплачена.

И для контраста представьте себе, как оскорбила бы любого нашего человека протянутая ему в обмен на сигарету копейка!

Эти, казалось бы, мелочи не случайны. В малом отражается великое. Столь диаметрально противоположное отношение человека к окружающим порождено диаметральной природой самих обществ — капиталистического и социалистического.

Готовность бескорыстно оказать услугу все больше превращается у нас в норму человеческих отношений. И хотя предупредительные, любезные люди существовали, конечно, всегда, только теперь можем мы говорить о распространении этого качества вширь, о том, чтобы оно стало достоянием каждого нашего человека. В конце концов так оно и будет. И произойдет это не потому, что нас к этому будет толкать тот или иной плакат или лозунг. Любой самый правильный и справедливый лозунг является лишь отражением требований определенной исторической действительности.

Именно участие в большом общем деле — построении коммунизма — должно породить между людьми небывалое никогда ранее чувство общности, ощущение эмоциональной близости. И тогда ни один человек не сможет быть равнодушным к страданиям или неудобству другого. Он будет ощущать их как свое страдание и свое неудобство.

Воспринимая чужую боль и чужое несчастье, как свои собственные, мы не станем, конечно, ждать, чтобы человек попросил нас о помощи. Мы сами, не ожидая просьбы, поспешим сделать, что в наших силах, чтобы помочь ему.

Как-то, будучи в глуши Покровского уезда, Чехов разговаривал с одним из местных газетчиков. Со свойственным ему интересом и участием к людям Чехов спросил, сколько дает ему в месяц это занятие. Оказалось, чрезвычайно мало. Журналист, по сути дела, постоянно бедствовал.

Вскоре Чехов вернулся в Москву. Он продолжал работать над «Степью», вел широкую переписку, правил гранки и т. д. Но среди всех своих дел, забот и будничных трудов он не забыл о человеке, встреченном им однажды. И вот несколько месяцев спустя в Покровский уезд приходит письмо от Чехова. «Милый Александр Семенович, — пи-

шет Чехов, — для вас представляется возможность работать в «Петербургской газете». Если вы согласны...»

Никто не принуждал Чехова делать это. Сам журналист никогда не решился бы обратиться к писателю с подобной просьбой.

Но у Чехова была привычка, едва услышав о чьей-то неприятности или неудаче, задавать вопрос:

— А нельзя ли помочь чем-нибудь?

«Для Чехова составляло величайшее удовольствие помогать другим, и он постоянно для кого-нибудь что-нибудь устраивал, — писал его современник. — Он рекомендовал учителей в гимназии, хлопотал перед архиереем о месте для священника и, уже тяжело больной, искал через друзей протекции для московского дьякона, которому нужно было сына-студента перевести из Юрьева в Москву... Он хлопотал о постановке чужих пьес, вечно устраивал каких-нибудь больных учителей или земских служащих. И, уезжая в Москву, он каждый раз спрашивал, не надо ли чего привезти, прислать».

— Напишите, какие книги вам хотелось бы иметь в школе, я привезу, — предложил Чехов учителю одной сельской школы в деревне, где он бывал.

И действительно, возвращаясь из Москвы, Чехов привез с собой большую пачку книг. В ней было все, о чем просил учитель.

И так бывало всякий раз. Чехов, большой писатель, чье имя гремело уже по всей России, с готовностью оказывал услуги людям самым скромным, самым, казалось бы, мало-заметным.

Можно понять радость, которую испытывал он при этом. Это была радость человека, радующего других.

Как-то в доме у Стасова М. Горький встретил болезненного мальчика. Мальчик писал и переводил стихи, но с тех пор как переехал вместе с родителями в Петербург, много хворал.

— Хотите жить в Ялте? — неожиданно спросил Горький у мальчика, которого видел первый раз в жизни.

Вскоре Горький уехал в Крым, а через две-три недели от него пришла телеграмма: «Вы приняты четвертый класс ялтинской гимназии, приезжайте спросите Катрину Павловну Пешкову мою жену угол Аутской и Виноградской квартира доктора Алексина. Пешков».

Родители быстро собрали мальчика, и поезд повез его на юг, навстречу неизвестной ему судьбе.

Фамилия этого мальчика была Маршак.

Не потому ли Горький принимал такое участие в судьбе многих людей, что, встречая человека, он прежде всего спрашивал себя: «Чем я могу ему быть приятен или полезен?»

Как-то Горький случайно узнал, что М. Исаковский, тогда молодой, начинающий и мало кому известный поэт, уже долгое время тщетно пытался купить в Москве очки, которые выписали ему врачи. Горький попросил оставить у него рецепт, и вскоре Исаковский получил долгожданные очки, которые были заказаны за границей по просьбе Горького. Эта любезность глубоко взволновала поэта. «Казалось бы, Горький, — писал Исаковский, — несущий на своих плечах огромную работу, имеющий дело с сотнями и тысячами людей, обращающихся к нему, и к тому же сам больной, не обязан был помнить обо всем. Но он помнил обо всем, в том числе и о моих глазах. Таков был Горький».

Многие люди, среди которых живем мы, отличаются этой прекрасной чертой — предупредительностью. Они не ждут, чтобы их попросили о любезности. Они предупреждают просьбу своей готовностью оказать услугу.

Встречая кого-нибудь, предупредительный человек обязательно спросит себя: «Чем я могу быть ему приятен или полезен?»

Пусть этот вопрос звучит иногда и в вашей душе, читатель.

Есть старая сказка, которую все вы, наверное, слышали в детстве. В ней рассказывается, как, спасаясь от погони, злой волшебник принимает образ то рыбы, то птицы, то зверя. Но всякий раз добрый настигает его. Наконец злой рассыпается по земле горстью зерен. Тогда добрый, обернувшись петухом, склевывает их все, кроме одного, которое незаметно куда-то закатилось и о котором он забыл.

Иногда можно подумать, что прошлое, подобно злему оборотню, нарочно все время меняет свой лик и образ, пытаясь спрятаться, спастись от гибели, которая преследует его.

Было время, когда красные конники с шашками в руках мчались на врага. И враг, олицетворявший собой это темное и жестокое прошлое, вставал перед ними на бруствере окопа, конкретный и осязаемый, с лицом, перекошенным злобой. Но вот выстрел, сверкающий удар — и нет больше этого врага.

Но бывает и так: грянув оземь, злой оборотень распа-

дается на горсть зерен. Он изворотлив и цепок. Какие-то из этих зерен попадают в человеческие души, чтобы пустить там ростки зла... Потому что прошлое не хочет умирать. Темное, жестокое прошлое, разбитое в открытом бою, прячется теперь в дальних уголках человеческой психики, чтобы внезапно проглянуть вдруг то лицом эгоиста, то недоброй усмешкой завистника, то попросту хамством или педлостью.

Вот почему борьба с многоликим прошлым не окончена. Она продолжается, но продолжается уже не на полях битв, а в нас самих, в наших сердцах и душах.

Борьбу эту каждый начинает с самого себя. И никакой бульдозер не выкорчует из души человека так называемые «пережитки прошлого», пока сам он не поможет этому. Только активное отношение к себе самому может сделать человека лучше, благороднее, чище. Беспощадность ко всему враждебному нам, беспощадность к жестокости, грубости, неуважению к людям должна начинаться с самого себя.

СОДЕРЖАНИЕ

УВАЖАТЬ ЧЕЛОВЕКА	5
----------------------------	---

ПРИВЕТ, ПРИВЕТСТВИЕ, ПРИВЕТЛИВЫЙ...

1. Жест и слово	13
2. «Шапки долой!»	16
3. Отказавшиеся приветствовать	17
4. Оттенки и нюансы	20
5. Кто первый?	23
6. О приветливом человеке	24

ЧЕЛОВЕК — ЭТО ЕГО ИМЯ

1. Самое древнее слово	27
2. Новое имя — новая судьба	28
3. Имя хранят в тайне	29
4. Разрешите представить вам...	33
5. Сколько имен нужно человеку?	34
6. Человек или его титул?	39
7. Имя — это человек.	41

РАЗГОВОР О РАЗГОВОРЕ

1. Тот, кто умеет слушать	48
2. Племя болтливых	52
3. О чем?	55
4. Вопросы, которые можно было бы назвать частными	63
5. Человек против слова, и слово против человека	69
6. Умение спорить и искусство не спорить	72
7. Доброе слово	75

ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

1 «Пусть ест шуба!»	81
2. «Свое» или «чужое»?	88
3. Эпохи, народы и моды	93

ШАГИ У ВАШИХ ДВЕРЕЙ

1. Когда начинается визит?	103
2. Такое понятие — точность	105
3. Незванный гость	108
4. Когда мы им рады	110
5. «Безнравственные радости»	113

ЧЕЛОВЕК ЗА СТОЛОМ

1. Переломить хлеб...	116
2. Наследники отравителей и колдунов	122
3. Приходящие со своей вилкой	125
4. Горькое веселие	128
5. Сидящие слева от вас и справа	131

ГЛАВА, КОТОРОЙ СЛЕДОВАЛО БЫ БЫТЬ ПЕРВОЙ	135
--	-----

Горбовский Александр Альфредович
ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ. М., «Мо-
лодая гвардия», 1965.
144 стр., с илл.

1МИ7

Редактор *З. Костюшина*
Художник *Г. Позин*
Худож. редактор *Ю. Хамов*
Техн. редактор *Л. Курлыкова*

A10753. Подп. к печ. 12/XI 1965 г.
Бум. 60×90¹/₁₆ Печ. л. 9(9). Уч.-
изд. л. 8. Тираж 100 000 экз. За-
каз 1333. Цена 24 коп. СПОПЛ
1965 г., № 1550.

Типография «Красное знамя» изд-ва
«Молодая гвардия». Москва, А-30,
Сушеская, 21.

